

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B 360235 DUPL

С.К. - 1 (Кашаков перевод)

М. ХАЛАНСКИЙ.

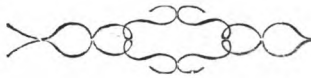
опб.
Р
Ха 2.32

Khalanskiĭ, Mikhail Georgievich

ВЕЛИКОРУССКІЯ БЫЛИНЫ

КІЕВСКАГО ЦИКЛА.

Отдѣльный оттиск из „Р. Ф. Вѣстника“.

M-350

ВАРШАВА.

В типографіи Михаила Земкевича

Краковское-Предмѣстье, N 415 (17).

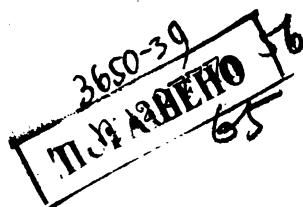
1885.

опб

Pa 42

891.71
K 42ve

Дозволено Цензурою.
Варшава, 26 Ноября 1885 г.

36

С.К. - 1 (Киевский цикл)

МК-2(173); ф-1

Кн.; дес-;

Stacks
Exchange
Lenin Lib.
10-14-71
894936-293

ВЕЛИКОРУССКІЯ БЫЛИНЫ

Кіевскаго цикла.

Глава I.

Введеніе.

Общепринятым считается в настоящее время, что былины т. н. Кіевскаго или Владимірова цикла родились в Южной Россіи, в Кіевскій період русской исторіи. „Былины, говорят Ор. Ф. Миллер, по моему мнѣнію, не совсемъ вѣрно называются великорусскими. Онѣ в настоящее время сохраняются исключительно на великорусскомъ сѣверѣ и востокѣ, куда давно перешли, и гдѣ значительно переработались; но первоначальная основа ихъ южно-русская. Самое слово „былина“ встрѣчается впервые в южно-русс. словѣ о П. Иг. в смыслѣ были, дѣйствительности. Мѣсто дѣйствія былин—Кіев, берега Днѣпра.... Личностью, вокруг которой сходятся богатыри, постоянно является Владимір Стольно-Кіевскій“ (Труды 3-го археологич. съезда. Кіев 1878 г. стр. 285—6). „Содержаніе былин Владимірова цикла, говорит Л. Майков, вырабатывалось в продолженіи X, XI и XII вв., т. е. в первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, и установилось не позже времени татарскаго владычества, и даже именно той его эпохи, когда Москва не сосредоточивала в себѣ всю государственную силу Руси, и в народѣ была свѣжа память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV“ (О былинахъ Владимірова цикла стр. 25—27). „Мѣстностью, в которой могли быть пѣты былины в XII в., бы-

да Южная Русь, вѣроятно, область Кіевская, в предѣлах которой помѣщается большая часть происшествій, описываемых в былинах Владимірова цикла“ (ibid. 31).

Однако, предположеніе о южно-русском происхожденіи всѣх вообще былин Владимірова цикла не имѣет за собой достаточных основаній. При ближайшем разсмотрѣніи оно оказывается *принятым на вѣру*, неразобранным критически ни одним изслѣдователем.

Изслѣдователи ссылаются на то, что Кіев в былинах является центральным пунктом, в котором сосредоточиваются богатыри, Владимір-солнышко стольно-кіевскій — лицомъ, вокруг котораго они группируются, по приказанію и волѣ котораго совершают свои подвиги. Но в тѣх чертах, которыми обрисовываются Кіев и Владимір, нѣтъ ничего дѣйствительнаго, историческаго, кіевскаго и южно-русскаго.

Затрудняются опредѣлить, какому историческому Владиміру приурочить былеваго Солнышка стольно-кіевскаго. Владимір былин—чисто-эпическая личность с чертами Московскаго грознаго царя—батюшки.

Кіев-град в воображеніи великорусских „пѣтарей“ или „сказителей“ рисовался чертами чисто сказочными, как и Царь-град, Еросолим и пр.:

Ай Кіев-град да немал невелик,
Соколу летѣть да на меженный день,
А и маленькой птиченьгѣ не пролетѣть

Гильфердинг. Онежскія был. N 18.

В п. Кирѣевск. I стр. 77, Кіев-град помѣщается за р. Дунаем, в восточной сторонѣ, в Сибирских украинях.

Дорога к Кіеву описывается так:

Дюк собирается в Кіев, просит у матери прощенья-ца-благословенья; мать предупреждает сына:

Прямоѣзжая дорога (к Кіеву) заколодила:
Стоят три заставы великія:
Первая застава—люты звѣри,
Другая застава—люты змѣи,
Третья застава—стоит Донской козак,

Илья Муромец сын Иванович,
Во вторых стоит Добрыня Никитич,
В третьих Михайло Поток сын Иванович,
А кругом ѡхать буде на три мѣсяцы.

Рыбников II 138 стр.

Подобно этому Финны представляют себѣ мрачную Пойолу: „дорога в Пойолу небезопасна, говорила мать Лемминкайнену, захотѣвшему отправиться туда на свадьбу, а в особенности страшны и гибельны три преграды, которыя ожидают всякаго на этом пути. К вечеру перваго дня тебѣ встрѣтится на пути огненный водопад, посреди котораго находится раскаленная скала, а на ней объятый пламенем гребень; на этом гребнѣ сидит огненный орел, который днем точит когти, а ночью клѣвет всякаго, кто только приблизится. К вечеру втораго дня ты встрѣтишь громадную огненную пропасть, наполненную раскаленными камнями, которая безконечно тянется издалека с востока к сѣверо-западу. Тысячи витязей и коней поглотила эта пропасть. Третья опасность постигнет тебя на третій день к вечеру, когда ты будешь приближаться к Пойолѣ. У самаго узкаго мѣста дороги на тебя бросятся волк и медвѣдь. Тысячи витязей они растерзали; как же им тебя не разорвать? Приближаясь к дому Лоухи, ты увидишь стальной частокол такой высокой, что теряется в облаках. Въ-сто кольев насажены копыя, а прясла замѣняют ядовитыя змѣи, переплетенныя ящерицами одна с другою“ . . . (Калевала. Перев. Гранстрем 116—17).

У Сербов и Болгар можно отмѣтить особый круг пѣсен, в которых дѣйствіе переносится в Стамбул, дѣятельность героев связывается с Султаном (царе од Стамбола); не думаю, чтобы, разсуждая послѣдовательно, можно было родиной подобных пѣсен считать окрестности Константинополя.

Кіев-град и Владимір упоминаются нерѣдко в скандинавских сагах (Гольмгард, Gardhr, Gardharikia, Grikiа и пр.). Витязи нормандскіе служат конунгу Гард Волдемару, оказывают ему важныя услуги, подобно великорусским бо-

гатырям, — все это объясняется историческими связями Варагов с Киевом, влиянием эпических традицій, и только.

Возможно аналогичное этому объяснение роли Киева и Владиміра в великорусских былинах.

Если и допустить, что родиной былин Киевскаго цикла была Киевская Русь, то трудно объяснить, почему и как всё онѣ перешли на сѣвер. Высказанныя до сих пор объясненія этого явленія несогласны с вновь добытыми фактами древней русской исторіи.

По одному, болѣе раннему и в настоящее время имѣющему за собой мало послѣдователей, мнѣнію — дѣло представляется так: „когда по запусѣніи юго-западной или Киевской государственной области, обращенной в становище восточных выходцев, старожилы, одного племени и языка с общим русским или великорусским, ушли оттуда на всегда и размѣстились вокруг занятаго уже московскаго средоточія по окраинам его болѣе или менѣе отдаленным, гдѣ и сберегли былины богатырскаго періода, — их смѣнили новые поселенцы, того племени и нарѣчія, которое с тѣх пор по нынѣ отличается болѣе узким именованіем малорусскаго. Подвинувшись в старую область, по мѣрѣ ослабленія восточников, из Волыни и Подоліи, и еще далѣе из нынѣшней Галиціи и Карпат, они ничего не знали, как не знают доселѣ, из былин о древнем киевском періодѣ; их думы прямо начинаются с козачества, не старше его, не выше и не иначе с козачества малорусскаго, украинскаго, потом запорожскаго. Начало их не старше XVI в., язык — нынѣшнее малорусское нарѣчіе“ (П. В. Безсонов в Прилож. к VII в. Пѣсен Кирѣевск. стр. 88).

В настоящее время, кажется, нужно считать окончательно рѣшенным в отрицательном смыслѣ вопрос о запусѣніи Киевской Руси в період татарскаго владычества, о переходѣ южно-русскаго населенія на сѣвер и сѣверо-восток и о занятіи мѣст его поселеній выходцами из Галиціи и Волыни. „Вглядѣвшись без предубѣжденія в тѣ немногія, но точныя историческія свѣдѣнія, какія дошли до нас о судьбѣ Южн. Руси с XIII по XVI ст., мы

не можем не признать, что общепринятое мнѣніе о запустѣніи ея в это время есть не болѣе, как историческій міраж“ (В. Б. Антонович. Кіев, его судьба и значеніе с XIV по XVI ст. Кіевск. Стар. I. 2).

Покореніе Руси Монголы начали с сѣверо-востока и постепенно переходили к юго-западу. Сѣверная Русь представляла болѣе сопротивленія врагам, чѣм южная, и потому жестокость Татар не доходила на югъ до такой степени, как на сѣверо-востокъ. На югъ не было ни одного такого случая, как с Козельском. Про разрушеніе Кіева только много писано: „в древнѣйшем извѣстіи о взятіи Кіева указано только разрушеніе десятинной церкви, своды которой обрушились под тяжестью столпившагося на них народа; затѣм о разрушеніи города нѣтъ вовсе упоминаній; говорится лишь, что из Кіева Батый прошел по Волини, разрушил нѣсколько городов, другіе миновал или неуспѣлъ взять, и, по совѣту плѣннаго боярина Димитрія, не останавливаясь на пути, поспѣшил ворваться в Венгрію, чтобы захватить эту страну в расплох, а в обратном пути его указываются грабежи, причиненные Татарами в сѣверной части Волинскаго Полѣсья. Несомнѣнно страна, лежащая на запад от Днѣпра, пострадала от орды в весьма слабой степени, сравнительно напр. с разореніем земель ростовской или рязанской...“ (ibid. стр. 2—3). Стало быть, с гораздо большим правом нужно бы предположить движеніе населенія, укрывавшагося от Татар, не с юга на сѣверо-восток, а на оборот — с сѣверо-востока на юго-запад — в Волинскую область, Галицію... И на это есть указанія в лѣтописи. В повѣсти об убіеніи Михаила Черниговскаго говорится: „князю же великому Михаилу Всеволодичу, дрѣжащу тогда Кіев, и придоша к нему послы от Батыя царя, он же увидѣвъ словеса их лестивая, повелѣлъ избыти их, а сам повелѣлъ всему двору своему събратися, и побѣже в Угорскую землю и съ всеми домашними своими“. В том же направленіи бѣжало, вѣроятно, и населеніе, конечно только та часть его, которая имѣла к тому средства; большинство же должно было оставаться на

родинѣ; да и то, которое бѣжало, скоро вернулось назад: „а инїи бѣжаша в дальня страны, а инїи же крѣяхуся в горах, в пещерах, и в разсѣлинах и в пропастях земных, а инїи затворяхуться в градѣх крѣпких, а инїя в непроходимїи бѣжаша острова, и мало от тѣх изоставахуться, тѣхже, не по колицѣх временех, осадїша в градѣх, и исчетоша а в число, и начаша на них дань имати Татарове. Слышавше же се, иже бяху разбѣжались по чужим землям, и что их избылося, начаша собиратися по малу“ (П. С. Р. Л. XV стр. 387). Весьма важно еще и то, что нѣкоторыя мѣстности Южной Россїи добровольно, без сопротивленїя отдались во власть Монголов. „Ипатская лѣтопись сообщает весьма интересныя свѣдѣнїя о землях: Подольской, Болоховской, Потетеревской, Звягельской и т. д. добровольно подчинившихся Монголам и состоявших в зависимости от ханов на весьма льготных условїях“ (Антонов. Кїевск. Стар. 1882, I, 4).

Итак, в первые, наиболѣе тяжелые, годы татарскаго рабства на югѣ Россїи были мѣстности, гдѣ мог прїютиться народ, а с тѣм вмѣстѣ мог сохраниться и старо-кїевскїй эпос. Образование могущественнаго Галицко-Волынскаго княжества само собой было сильным оплотом для южно-русской народности. В то время как на сѣверо-востокѣ Руси до половины XIV ст. господствовала полная произвол татарскїй, „насилье бесерменско“, князья один перед другим старались раболѣпствовать перед Татарами и наводить их на разоренїе русских же областей; в Галициї и Волыни имѣло мѣсто обратное. Галицкіе князья с достоинством и осторожностью обращались с Татарами, всячески отклоняя возможность разоренїй и кровопролитїй. Даниїл и Василько представляли рѣдкїй в древней Руси примѣръ братской любви и согласїя в дѣятельности. Высокій нравственный характер сына Василька, Владимїра, имѣл вліяніе и сдерживал буйных сыновей и внуков Даниїла. Последнїе хотя и затѣвали междоусобїя, но старались обходить участїе Татар. Когда Юрїй Львович по смерти Владимїра Васильковича занял силою нѣкоторыя города, усту-

пленные послѣдним Мстиславу Даниловичу, то одна угроза Мстислава — призвать Татар, заставила Юрія выйти из занятых городов... Несомнѣнно, в Галиціи и Волини жило спокойнѣй, чѣм гдѣ либо в то время на Руси; сюда должно было стекаться южно-русское населеніе. Под эгидой галицких князей была полная возможность для него успокоиться, сосредоточиться, бросить взгляд на прожитое, собрать воедино эпическія пѣсни и преданія прошедшей исторіи, — словом, образовать в творчествѣ эпическій цикл.

Власть литовских князей немогла мѣшать широкому развитію эпоса.

Жизнь под владычеством Поляков была тяжела, населеніе было безправно; но по той силѣ, какую оно проявило в борьбѣ, ясно видно, что національное чувство было сильно, общественное сознаніе своей особености было ярко. Эти условія тоже благоприятны для сохраненія и развитія эпоса. В нем народ мог находить опору для своих стремлений, источник национальной гордости. Сравним развитіе сербской и болгарской поэзіи под турецким игом. До вѣков козацких войн должен был сохраняться на югѣ эпос. Поэзія козацкой эпохи могла лишь ассимилироваться со старинным эпосом, но не заглушить его. А priori, мы вправе ожидать, что в теперешней малорусской пѣсенности встрѣтятся слѣды и отрывки стариннаго эпоса. Изданные до сих пор довольно громадныя матеріалы заключают в себѣ нѣсколько интересных фактов для сужденія о старинном малорусском эпосѣ. На них мы ниже остановимся; а теперь замѣтим, что, судя по ним, строй и характер малорусскаго эпоса должен был отличаться от великорусскаго в самом существенном.

Большинство изслѣдователей по вопросу о причинах предполагаемаго перехода былин с юга на сѣвер держится объясненія, предложеннаго Л. В. Майковым: „Уже со времени основанія Владиміра Залѣскаго, Ярославля и пр. в X и XI вв. мы видим постоянное движеніе южно-русскаго населенія на сѣвер и сѣверо-восток; мы видим, что это движеніе особенно усиливается в XII в., когда вели-

ко-княжескій стол был перенесен во Владимір. Если мы признали возможным существованіе былин в это время, то легко можем предположить, что онѣ были занесены этими переселенцами с юга в тѣ мѣста, которыя впоследствии составили центр Великой Руси и здѣсь уже подверглись дальнѣйшей разработкѣ в постоянном устном храненіи“ (О был. Влад. ц. 31).

Народныя передвиженія совершаются всегда по по-ловицѣ: „рыба ищет, гдѣ глубже, а человекъ—гдѣ лучше“. Бѣдная естественными произведеніями, угрюмая природа сѣверо-восточной Руси немогла слишком привлекать к себѣ жителей Богом благословенной Кіевской Руси. Колонизація сѣверо-востока Руси принадлежала главным образом сѣверо-русским племенам. „Колонизаторами в землю Чуди могли явиться только *сосѣднія* славянскія племена; самым ближайшим и естественным сосѣдом были Кривичи; за ними слѣдовали Вятичи“ (Багалѣй. Истор. Сѣверск. земли 29) и Радимичи (*ibid.* 32). Рядом с мирной колонизаціей, направлявшейся главным образом по рѣкам, шла военная. „Начало военной колонизаціи совпадает с началом русскаго государства. Движеніе военной колонизаціи шло из дружиннаго центра Новгорода, великим Волжским путем и достигало нижняго теченія Оки“ (*ibid.* 30).

Вот мнѣніе Костомарова о происхожденіи великорусской народности: „на сѣверо-востокѣ Руси слагалась новая славяно-русская народность с своеобразным характером, с отличительными условіями и приѣмами жизни. Ея начало теряется в прежних временах, о которых у нас нѣтъ извѣстій; в XII в. она выказывает свое существованіе нѣкоторыми выпуклыми чертами. Мы не в силах прослѣдить, как онѣ составлялись и как выработывались до тѣх пор, пока неприняли того типа, который нам является вполнѣ в позднѣйшія времена. Знаем только, что в этих краях жили инородцы финско-тюркскаго племени; в их земли вторгнулись Славяне и жили там. Вторженіе это в значительной степени должно падать на долю Кривичей, так как великорусское нарѣчіе представляет относительно боль-

шую близость с бѣлорусским. Затѣм, исторически извѣстно, что туда переселялись люди из Южной Руси. Мы не знаем, какое значеніе имѣли к составленію этой народности Вятичи — племя, о котором нѣтъ возможности дѣлать никаких заключеній и по послѣдующим чертам; но несомнѣнно, впоследствии, когда великорусская территорія дошла до предѣлов этого племени и наконец захватила его в свои предѣлы, элементы, составлявшіе достойнѣе народности Вятичей, вошли в состав великорусской народности“ (Двѣ рус. народности 77—8).

О „постоянном движеніи южно-русскаго населенія на сѣверо-восток“ здѣсь нѣтъ и рѣчи; переселенцам „людям из южной Руси“ отводится почтенным историком весьма скромное мѣсто. Несомнѣнно, переселенцы могли занести на сѣвер кievскія сказанія, и в этом смыслѣ оказать вліяніе на состав великорусскаго эпоса. Но занесенное могло состоять лишь в отрывках. Цѣликом же весь Кіевскій эпос перейти немог; тѣм менѣе мог сохраниться до наших дней. Половина зашедшаго матеріала должна была затеряться в новой средѣ; другая—радикально переработаться сообразно с характером и симпатіями мѣстнаго населенія.

Исслѣдователи русскаго эпоса почему то выдѣляют Кіевскую область из прочих русских областей, предполагая, что она была и единственной родиной древнерусских народных сказаній и разсадницей своих твореній по другим областям Руси, преимущественно сѣверо-восточным. Это мнѣніе ни на чем не основано. Оставляя для послѣдующаго вопрос о том, дѣйствительно ли всѣ наши былины созданы в Кіевскій період русской исторіи, мы спрашиваем: развѣ древнерусская народная жизнь сосредоточивалась в одной Кіевщинѣ? Развѣ каждое славяно-русское племя, даже каждое удѣльное княжество, немогло создавать своих, мѣстных, сказаній, немогло выводить на свѣтъ своих героев, немогло пѣть пѣсень об их подвигах? Если и в настоящее время в различных областях Россіи существуют особья сказанія о мѣстных героях, то еще бо-

лѣ это должно было быть в удѣльный період русской исторіи.

При господствѣ удѣльно-вѣчеваго начала, при слабой связи отдѣльных областей в древней Руси, не могло и быть *единого, обще-русскаго* эпоса. *Обще-русскій древній эпос*— такая же фикція, как и древній *обще-русскій языкъ*. Племена жили *особь*, „имяхуть бо обычая своя, и законы отецъ своихъ и преданія кождо своя норовь“ (Ип. л.); у каждаго были *свои* герои и *свои* сказанія о них: был эпос Новгородскій или Словенскій, был Кіевскій или Полянскій... На основаніи показаній тверской лѣтописи нужно признать существованіе Ростовскаго эпоса. Сказанія, занесенныя в Никоновскую лѣтопись, свидѣтельствуют о существованіи мѣстнаго Черниговскаго эпоса, и т. д. *Обще-русскаго* в этих областных эпосах было очень немного, как немного было в древней исторіи событій, в которых бы принимали участіе всѣ русскія племена. *Обще-русским* в древней нашей поэзіи было главным образом *обще-славянское*. Несомнѣнно, однако, что о Владимірѣ I знали всѣ русскія племена, не столько впрочем как о воинѣ, сколько о великом реформаторѣ, произведшем сильный переворот в теченіи народной жизни.

Слагавшіяся по отдѣльным областям пѣсни и былины не всѣ, конечно, оставались на своей родинѣ; нѣкоторыя, достигшія наибольшаго распространенія в своем племени, переходили в другія области, к другим племенам. Относительная легкость обмѣна поэтическим матеріалом обусловливалась сходством языка. Трудно уловить тѣ пути, которыми идет пѣсня или преданіе из уст в уста, из одной мѣстности в другую. Большое значеніе тут имѣет бродячій элемент общества: купцы, паломники, воины и пр. Распространялась пѣсня и простым путем передачи от сосѣдей сосѣдям. Массовыя переселенія также влекли за собой передвиженіе поэческаго матеріала. Так напр. Косовскія пѣсни были перенесены из центра Старой Сербіи к окраинам. Таким же путем могли перейти в московскую область многія мѣстныя русскія сказанія в період

дѣтельности московскихъ князей собирателей Руси, в XIV — XV вв.

Такимъ образомъ нѣтъ никакихъ основаній видѣть в былинахъ Владимірова цикла только древняго южно-русскаго или кіевскаго наслѣдства. Именами кн. Владиміра и города Кіева в нихъ могли быть объединены и связаны поэтическія произведенія разнаго времени, различнаго характера и различныхъ мѣстностей древней Руси.

Изъ сказаннаго вытекаютъ задачи настоящаго изслѣдованія и методъ его.

Нужно развѣнчать зданіе кіевского эпоса, лишить его внѣшняго единства, разсматривать былины независимо отъ города Кіева и кн. Владиміра. Въ лишенныхъ такимъ образомъ общей связи былинахъ отыскивать, какія принадлежатъ народному русскому творчеству, какія заимствованы; какія разсказываютъ о дѣйствительныхъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, и какія суть лишь поэтическіе образы, чистыя созданія народной фантазіи; какія *несомнѣнно* зашли на сѣверъ с юга, изъ Кіевской Руси и какія принадлежатъ Руси сѣверо-восточной (Владимірской и Московской). Въ результатѣ могутъ получиться данныя для рѣшенія вопросовъ: об историческомъ развитіи русскаго эпоса, о томъ, когда и какъ произошло объединеніе былеваго матеріала древней Руси в Кіевскій или Владиміровъ кругъ и — почему объединяющими принципами явились Кіевъ и Владиміръ.

Изученіе русскаго эпоса идетъ или сравнительнымъ путемъ, или историческимъ. Взятый самъ по себѣ ни тотъ, ни другой методъ не приводитъ къ вполнѣ убѣдительнымъ выводамъ. Сравнительный методъ большею частію приводитъ къ тому же в результатѣ, с чего начинается: „сравни“. Разсужденія о заимствованіи, обыкновенно сопровождающія сравнительныя работы по народной поэзіи, оставляютъ за собой широкое поле недоумѣній и вопросовъ. Почему одинъ народъ занялъ у другого извѣстное сказаніе, почему усвоилъ его? В частности, почему русскіе такъ много заимствовали? Нѣтъ ли здѣсь *circulus vitiosus*? Недостаточно, указавъ сходное сказаніе у другаго народа, заявить, что отъ него и данное

заимствовано. Нужно это доказать, и показать пути перехода заимствованнаго сказанія в народ; нужно объяснить еще, почему оно было усвоено народом. Вѣдь заимствование во многих случаях есть лишь ассимиляция своего с чужим. Не все в былинах туземное; заимствования возможны всегда при общеніи народов между собою; нужно только меньше произвола и больше объективности в примѣненіи теоріи заимствованій. Такія общія основанія для объясненія перехода сказаній, как ссылки на буддизм, Византію, Татар и пр. потому самому мало убѣдительны, что слишком широки. Мнѣ кажется, что прежде нежели заявить, что данное сказаніе заимствовано, нужно доказать, что оно не могло быть создано тѣм народом, который, по предположенію, его заимствовал. Объяснять все исключительно с исторической точки зрѣнія тоже нельзя. Историческая народная пѣсня есть прежде всего поэтическое произведение, а не проза, и, стало быть, не исторія. Исследователь может говорить об извѣстном историческом событіи только как о подлежащем исторической народной пѣснѣ; но и здѣсь нужна большая осторожность. Может быть, что пѣсня существовала раньше того историческаго факта, на который указываетея как на подлежащее.

Истина по серединѣ. Нужно соединить оба метода в изслѣдованіи былин. Если извѣстное сказаніе выходит за предѣлы русскаго міра, — то сравненіе о сходными устными и письменными сказаніями других народов имѣет в виду рѣшить, лежит ли в основаніи его какой либо литературный оригинал, какая либо племенная повѣсть, зашедшіе извнѣ и усвоенные, — или первоначальный простой миф.

Если сравненіе о сказаніями других народов, с бытом, нравами, древней литературой и исторіей своего убѣдит, что извѣстный мотив принадлежит собственному русскому народному творчеству, тогда с полным правом можно примѣнить историческій метод объясненія былины. Цѣлью его будет показать:—какому приблизительно времени и мѣсту принадлежит извѣстное сказаніе, дѣйствительное ли лицо богатырь, о котором говорит былина, или—

поэтическій образ, какова историческая судьба извѣстнаго мотива и под.

Громадная сравнительная работа по русскому эпосу была уже сдѣлана Ор. Ф. Миллером в сочин. „Илья Муромец и богатырство Кіевское“. В настоящее время она производится в широких размѣрах профессорами всеобщей исторіи литературы (Веселовскій, Кирпичников, Колмачевскій и др.). Не смотря на очевидные успѣхи, добытые сравнительным изученіем русскаго былеваго эпоса, — все-таки чувствуется настоятельная нужда в безпристрастном изученіи русскаго эпоса в связи с народной исторіей и бытом. К сожалѣнію, дѣятельность в этом направленіи должна пока ограничиваться весьма скромными размѣрами. Главные источники для этого — мѣстные лѣтописи, сказанія, житія, о значеніи которых для исторіи русскаго эпоса говорил столько Буслаев, и теперь остаются terra incognita для желающих изучать русскій эпос в этом отношеніи.

Мы лично воспользовались всѣми тѣми печатными матеріалами, которые можно было достать в Харьковѣ ¹⁾. Не желая повторять задов, мы старались указывать только на то, что было до сих пор незамѣчено или неизвѣстно.

Сущствующее дѣленіе былеваго матеріала на былины о *старших богатырях* и былины о *младших* мы оставляем, как неточное и произвольное. Для удобства обзоренія мы дѣлаем попытку раздѣлить былевой матеріал иначе. Татарское иго оставило рѣзкіе слѣды в народной поэзіи.

¹⁾ Считаю долгом выразить глубокую благодарность слѣдующим лицам, помогавшим мнѣ в моей работѣ совѣтами, указаніями и книгами, профессорам: М. С. Дринову, А. И. Кирпичникову, А. С. Лебедеву, Н. И. Петрову, И. Я. Порфирьеву, А. А. Потебнѣ и А. И. Смирнову; инспектору Бѣлгородской гимназіи И. И. Цвѣткову, кандид. Харьк. Унив. Д. И. Эварницкому.

В ней отложился цѣлый цикл сказаній о борьбѣ с Татарами, заслонившій собою многіе образы предыдущей эпохи. За толстым слоем татарщины можно разсмотрѣть образы, относящіеся к болѣе раннему времени—это былины о нѣкоторых дружинниках XII и XIII в. Послѣднія былины, разумѣется, не сохраняются в своем первоначальном видѣ, а в значительно измѣненном; нѣкоторыя, впрочем, сохраняют черты довольно древнія. В кievскій же круг введены и нѣкоторыя былины, сложившіяся уже послѣ татарскаго ига в пору Московскую. Таким образом, принимая за основаніе дѣленія *время* сложенія былин, мы раздѣляем весь былевой матеріал, составляющій Киевскій или Владиміров *цикл*, на три группы: а) былины о богатырях періода до-татарскаго; б) былины о богатырях періода татарскаго и в) былины о богатырях періода послѣ-татарскаго или московскаго.

Исслѣдованію былин мы предпосылаем главу о названіи „богатыря“ в древней Руси.

Глава II.

Храбор — богатырь; поленица.

„В древне-русской письменности до самых Татар слово богатырь неупотребляется, и самая мысль о героѣ, как кажется, имѣла для себя в языкѣ установившейся одной определенной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать богатырь, мы встрѣчаем то *кмет* (в Сл. о П. Иг.), то *витязь* (в лѣт. Переяславск.), то просто *мужь*, *воин*, *храбрый* и др. Далѣе, в позднѣйших памятниках рядом с богатырем как бы в дополненіе мысли употребляется *удалец*, *рзвец* (в рязанск. пов. о Евп. Коловр.). Только со времен Татар и первоначально — сколько мнѣ извѣстно — только о татарских воеводах, стало употребляться слово богатырь и — что особенно важно — как вариант формы *богатур* (монг. *baghatur*). А именно в Ипатъевск. л. XIV—XV в. под 1240 г. между Батыевыми воеводами встрѣчаем Се Бѣдѣй (вар. Себедѣй) Богатур и Бурундай богатырь. При Богатур вар: древнѣйшій *багатырь*, позднѣйшій *богатырь*. Далѣе в том же Ипатск. сп. под 1243 г. читаем о том, как в Холм к Данилу прибѣжал половчанин Актам и говорил: Батый воротился есть изо Угор и отрядил есть на тя два богатыря возъискати тебе Монъмана и Балаа. Ясно, что слово *богатырь*, соотвѣтственно монгольскому обычаю, употреблялось в наших лѣтописях в видѣ титула при собственномъ имени“ (Буслав. Отчет о XIV присуд. наград гр. Уварова. СПб. 1872, стр. 80).

Мы имѣем, кажется, несомнѣнные данныя, что в древней Руси мысль о героѣ имѣла одну твердо установленную форму. Таковой было — *храбор* ч. *хоробор*, поздн. *хоробер*. С словом *храбор* соединялось тоже представленіе,

что и с теперешним названіем героя *богатырь*. Приведем собранныя нами данныя о значеніи этого слова.

Хрлєръ (Mikl.), хрлєръ (Восток.) значило первоначально *воин*, pugnator μαχητης, στρατιωτης; позднѣе получило значеніе *храброго воина, героя, богатыря*; и оубише 2400 храбрихъ титовихъ, т. е. воинов (Гласник X 222).

Ороужье бо наше юсть тѣло, а душа храбръ (Вост. Словарь).

Ты оубо постражи яко добрый храбръ Ісѣ Хвѣ (яко добрый воин) (ibid.).

В обращеніи „блаженнаго учителя нашего Константина философа“ к Славянам „о словѣ боукъвьнемъ“: примшіи буквы сіи примуть мулрость, побѣдж приносаште добрж богу... не падажшти, крѣпко же стоыште къ богу мвльшесд яко храбры, стоышти одеснжж божиа прѣстола, югда огнемь сждить изыкомь (Изв. II отд. Ак. Н. т. VII, стр. 146).

Даниил рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорогъ есть (Бусл. Христ. для гимназ. 137).

Великаго мяю Антонія крѣпка храбра и побѣдившаго силою крестною духи неприязненныя (Прав. Собесѣдн. 1858 г. 3 кн. 142).

В слѣдующихъ мѣстах *храборъ* значит болѣе чѣм *воин*; полагаю, прямо — *герой, богатырь*:

Ни црѣ же отъ ороужіа довольную помощь имать на спасеніе, ни храборъ на все довлѣти есть мощенъ (Вост. Словарь).

... Илию огньна еевротеча, Самъсона прѣсильна храбръ-ра... Горек. и Невостр. Опис. II, 2, 430.

Аще имаше единого храбра въ воихъ своихъ. единому на съчу вынйти на единого съчця Персянина (Срезневск. Свѣд. и Зам. в. I, 23).

И бѣ у него (Володимера) Добрыня воевода и храборъ и наряденъ мужъ (П. С. Р. Л. I, 131).

В житіи Ефросиніи Полоцкой: жалость бѣ всемъ въ дому (кн. Всеслава) о ней (Ефросиніи). Преподобная же Ефросинія сего небрежаше жалости отца своего; но яко

доблій храборъ, вооружившись на сопротивника своего діавола пробываше в Монастыри (Пам. стар. рус. литер. IV, 174).

В предисловіи к одной рус. редакціи Александриі Александр Македонскій назван *подобль храборъ*. Замѣчательно выраженіе — *добль храбор* и *подобль храборъ*: оно буква в букву соответствует теперешнему — *славный богатырь*.

По Даріи же Арсжмоуанинѣ царствова Ал. Македонскій лѣтъ 12; образ же рожества и доблесть мужества и еже в ратѣхъ вазни (*fortuna*) и добраа дѣла хоцем сказати по ряду. *и яко и самъ подобль мнится быти храборъ Александръ Македонскій, яко все строивъ и посплвajúще емоу имѣай присно къ доброму дѣлоу помышленія. Толико бо лѣтъ проводи со всѣми языки брань творя и бѣяся яко же неможашу.* Хотящій градж по извѣстоу списати (А. Попов. Обзор Хроногр. рус. редакц. 79). Это мѣсто для нас весьма важно: в нем ясно выражено воззрѣніе русскаго книжника на храбра замѣчательно сходнее с теперешнимъ понятіемъ о богатырѣ. Ал. Макед. называется *храбором* потому, что много лѣтъ вел безпрестанную борьбу со многими народами; в этой борьбѣ он был счастлив и непобѣдим: богатыри служатъ Владимиру до старости, проводя жизнь в постоянныхъ схваткахъ с врагами русской земли. При своихъ успѣхахъ Македонскій храбор „*имѣай присно къ доброму дѣлу помышленія*“: вспомнимъ за вѣтъ крестьянина Ивана Тимофеевича своему дѣтищу Ильѣ Муромцу —

Не помысли зломъ на Татарина,

Не убей в чистомъ полѣ христіанина

Битвы — главная сфера дѣятельности храбров; в сраженіяхъ и обнаруживалась ихъ удаль, *храбърство*: уже бо яко орли слеталися со всей русской земли, съѣхалися дивныя удальцы храбрыхъ своихъ пытати (Сказ. о Мамаев. побойщѣ. Сахар. I, 72).

Слѣдующее мѣсто из житія Ал. Невскаго интересно в томъ отношеніи, что даетъ понятіе о томъ, за какіе подвиги

служилые люди получали прозваніе храбров: в Невской битвѣ „явишася в полку (Александра Невскаго) шесть мужь храбрыхъ съ самѣмъ с нимъ (Ал.). Единъ именемъ Гаврило Олексичъ се наѣха на шнеку, видѣвъ королевича мча подъ руку и възѣха по досцѣ и до самаго корабля, по ней же жожаху съ королевичемъ: иже текоша передъ нимъ, а самаго емше свергоша и с конемъ в воду с доски и божьею милостию невреженъ бысть, и пакы наѣха и бися с самѣмъ воеводою среди полку ихъ. 2 имен. Сбыславъ Якуновичъ Новгородецъ: се наѣха многожды на полкъ ихъ и бьашеться единѣмъ топоромъ, не имѣя страха в душѣ своей, и паде нѣколико отъ руку его и подивишася силѣ и храбрѣству его. 3. Яковъ родомъ Половчанинъ, ловчій бѣ у князя: се наѣха на полкъ с мечемъ и похвали его князь. 4. Новгородѣцъ Мѣша: се пѣшь натече на корабли и погуби три корабли с дружиною своею. 5. отъ молодыхъ его имен. Сава: се въѣха в шатеръ великій златоверхій, и подсече столбъ шатерный, полци Александровы, видѣвше шатра паденье, возрадовашася. 6. отъ слугъ его именемъ Ратмѣръ: се бися пѣшь, и оступиша и мнози, онъ же отъ многихъ ранъ паде и тако скончася (Лавр. л. 206).

Подобно богатырямъ, окружающимъ князя Владиміра, и русскіе храбры собирались около наиболѣе видныхъ князей: бяху же у Александра князя (Невскаго) много храбрыхъ, яко же древле у царя Давида, сильніи и крѣпціи (Тверск. л. под 1224 г.).

И бысть Васильеви (брату Александра Тверскаго) Тверскій столъ держащу, Михайлови же возмужавшу, возмагающу, и познавашеся ото всѣхъ человекъ, яко съхощетъ Богъ свободити люди своя отъ великія нужа и иноплеменникъ и величаху людіе зѣло и мнози дары приходяху къ нему, вси сынове тверстїи прилагашася къ нему и храбри служатъ ему (П. С. Р. Л. XV, 468). Высшей похвалою для кн. Михаила Тверскаго служитъ, по воззрѣнію автора, то, что ему служатъ *храбры*. Такимъ образомъ не эпической только чертой нашихъ былинъ оказывается то, что в нихъ обыкновенно около богатыря собирается *дружинишка хоро-*

брая, т. е. по старинному *дружина храбров*. Как видно, в условіях древне-русской жизни заключаются и основанія того, что в наших былинах богатыри собраны на службу идеальнаго князя Владиміра Стольно-Кіевскаго.

В тверск. л. помѣщено сказаніе о дѣятельности мѣстных ростовскихъ героев — Александра Поповича, Тимони — Златой пояе и др. Герои эти называются *храбрами* прямо уже в смыслѣ *богатырей*.

В современной русской рѣчи слово *храбор* уцѣлѣло в сказках и пѣснях в формѣ *хоробер* и *храбрь* (м. б. храбор).

В былинах оно почти не встрѣчается. Кажется уцѣлѣло напр. в слѣд. мѣстах:

Ай же ты Добрынюшка Никитинич,
Пріѣхал ли ты да не по старому
Королю храбру да в услуженіе

Гильферд. 673.

И шол ли Шурилушка Шапленкович
И шол ли он к королю храбру,
Да нанялся к королю храбру,
Да на десять лѣт да в услуженіе

ibid. 678.

Сказочный богатырь *Бур-хоробер* или *Бур-храбор* тоже, что — Буря — *богатырь* (Потебня. К исторіи звуков, III, 77).

Замѣчательнымъ остаткомъ существовавшихъ в старину лирическихъ пѣсенъ о хоробрахъ является слѣд. хороводная (Сахаров. Сказ. р. н. I), подлинность и древность которой неподлежитъ сомнѣнію (А. А. Потебня. Объясненія мр. п., 52).

Княжій сын хоробер
Да ты что ходишь, гуляешь?
Княжій сын хоробер
Да ты что примѣчаешь?
Скажу вам, друзья, подруженьки,
Как хожу я, как гуляю,
Как хожу я, как примѣчаю

Все свою лишь молодую.
Вѣдь моя то княгиня,
Вѣдь моя то молодая
В Новѣгородѣ гуляет,
На торговой сторонѣ играет.
Уж на моей ли княгинѣ,
Уж на моей ли молодой
Красен вѣнчик сіяет,
Сарафан на ней камчатный,
Убрусец весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгах,
Два алмаза во глазах
Со походкой лебединой,
Со поступью орлиной.

Сахар. Хоровод. п. N 31.

вариант:

Во се хоробер,
Во се хоробер!
Да что ходишь, гуляешь,
Что примѣчаешь?
Я хожу, я гуляю,
Я в хороводѣ примѣчаю
Свою подруженьку.
Вѣдь моя-то молодая,
Вѣдь моя-то княгиня
В Новѣгородѣ гуляет,
На торговой сторонѣ играет.
Уж на моей ли княгинѣ,
Уж на моей ли молодой
Красен вѣнчик сіяет,
Сарафан на ней камчатный,
Убрусец весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгах,
Два алмаза во глазах,
Со походкой лебединой,

Со поступью соболиной.
Во се моя молодая!
Во се моя княгиня!
Ты войди, хоробер,
Ты войди в хоровод,
Ты возьми молодую
Ты возьми княгиню (ibid. 61).

„При пѣніи этой п. хороводные раздѣляются на двѣ половины, и стоят обѣ половины одна против другой. Между ними ходит *хоробер* и поет вмѣстѣ с игроками пѣсню. Под конец пѣсни хороводные сходятся вмѣстѣ, составляют круг и ходят обыкновенным порядком“ (Сахаров, I, стр. 81). Судя по этой п. слово *храбор* имѣло значеніе не только героя, но и вообще „добраго молодца“ суженаго. Вообще, в языках близки представленія *сильнаго, мужественнаго, храбраго* с одной стороны и *мужа, любовника*— с другой. Ср. русск. *мужь* в значеніи *супруга* и *воина*; греч. ἀνὴρ знач. *способный носить оружіе* и *любовник*; греч. πόσις супруг и лат. potis одного корня с pot-ens и пр. Богатырями в наших былинах называются не только герои, отличающіеся воинскими подвигами, как Илья Муромец, Ал. Попович и др., но и такіе *мѣлодцы*, женихи, как Чурило Пленкович, Дюк Степанович, Соловей Будимирович, которым нѣтъ дѣла до врагов Свято-Русь-земли.

С пѣсней о хоробрѣ, сопровождаемой игрой, можно сравнить пѣсню о Чурилѣ, также сопровождаемую танцем (Pokusie, Kolberg, II, 155).

Что касается самой формы *хоробер*, то она предполагает *хоробор*, встрѣчающуюся в лѣтописях, напр. в Ипатской: Владимир Галицкій бысть философъ великъ и ловецъ хитръ, *хороборъ*, кротокъ, смиренъ... татьбы ненавидѣше (П. С. Р. Л. II 221).

С тѣм же значеніем, что на Руси, слово *храбар* употребляется у Сербов. Кромѣ *fortis*, *храбар* значит—юнак, *heros, miles strenuus*: (Богитшић Нар. пјесм. в Словарѣ)

Три ти гласа допадули храбре Марку Краљевићу
ibid. N 7 ст. 1.

Кад је дош'о храбре Марко у славноме у Цариграду
Краљевићу Марко

Стаде ти ми храбре Марко силну цару говорити.

(ibid. ст. 46—7).

В слѣд. мѣстах слову *храбар* может быть придано значеніе „молодца“, пожалуй, суженаго, жениха, как раз в параллель с приведенной великорусской п.:

Освану звезда на ведром небу

Рабар девојци пред белим двором.

(Карадж. Рѣчник. сл. *рабар*).

Hrabar mladi kupus sadi,

Djevojka mi ručak nosi.

Djevojčicu hrabar prosi:

Daj to, djevo, zdravo t' živo.

Ona veli: i ne želi

Što t' ne more, hrabro biti.

Stari pisc. Hrv. VII, 114. из Сл. Еж. 1878, 258.

Тоже слово в формѣ имени существительнаго встрѣчается и у других Славян. Ср. у Болгар извѣстн. черноризец *Храбръ*. В польск. грамат. до XIV в. нерѣдко встрѣчается собственное имя *Chrober* (Бодуэн-де-Куртенэ, О древне-польск. яз., стр. 48). Кроатск. *hrabar*. Корень слова *Miklosich* опредѣляет санскритским *grbh* знач. *ferire* (Lexic. сл. *храбръ*).

Приведенныя данныя касательно употребленія и значенія сл. *храбор* в древне-русском, полагаю, представляют достаточно прочное основаніе для рѣшенія „спорнаго вопроса о происхожденіи у нас слова *богатырь*“ (Галахов, Истор. рус. слов. I, 20).

Татарское иго на сѣверѣ Руси произвело великую революцію в области народнаго поэтическаго творчества. Поле эпоса оживилось вступленіем новаго матеріала, вызваннаго борьбой с Татарами. Должны были появиться пѣсни и сказанія о борьбѣ русских храбров с татарскими *богатурами*. Замѣчательно, что в ранних письменных эпических сказаніях, относящихся к эпохѣ борьбы с Татарами, русскіе герои не называются богатырями; послѣднее названіе ис-

ключительно приписывается татарским витязям. В сказании о Меркурии Смоленском: с Батыем „нѣкто бѣ исполин, богатырь именуемъ, с сыном своим, его же имя повѣсть умолча (Фил. Зап. 1881 г. № 3, 42). В сказ. о Мамаев. побоищѣ: и паки на иное мѣсто приде (Дим. Донской), найде... Бренка и близи Пересвѣтъ чернецъ близъ нарочитаго богатыря лежаща (Сахаров. Сказ. р. н. I, 81). В Задонщинѣ же Пересвѣтъ назван хоробрым: тогда же дѣло было стару помолодиться: хоробрый Пересвѣтъ поскакивает на своемъ вѣщемъ сивиѣ, свистомъ поля перегороди а ркучи таково слово... (Буслаев. Христ. для ср. уч. з., 207).

Соблюденіе строгаго и систематическаго различенія в употребленіи двухъ синонимов—своего — *храбор* для своихъ героев, чужаго — *богатырь* — для чужихъ — немогло долго удерживаться в пѣсняхъ и обыденной рѣчи. Послѣдовало сначала безразличное употребленіе обоихъ словъ, а затѣмъ — замѣна туземнаго слова чужимъ. Почему замѣна совершилась в пользу чужаго слова—рѣшить трудно. Ни страннаго, ни невозможнаго здѣсь нѣтъ ничего: извѣстны случаи замѣны безъ особенной нужды туземныхъ словъ, обыденныхъ и весьма реальныхъ в бытовомъ отношеніи, — чужими. Можетъ быть, такой замѣной имѣлось в виду противопоставить татарскимъ богатырямъ своихъ такихъ же (Ист. рус. слов. Галахова I, 20).

Храбры — были служилые люди, отличавшіеся своею силою и удалью. В представленіи о нихъ не было ничего сверхъестественнаго, сказочнаго: ихъ образъ, по приведеннымъ нами даннымъ, вполне реален. Для выраженія понятія *гиганта* существовало в старинномъ русскомъ языкѣ особое слово, уцѣлѣвшее и до сихъ поръ в былинахъ. В одной русской редакціи хроники Георгія Амартола в числѣ другихъ чисто русскихъ словъ встрѣчается *полоникъ*: бысть нѣкыи гигантѣи рекомыи полоникъ, имя ему Невъродъ. Родѣшася гигантове, еже сказуется полоници. Рожакуся гиганте, рекше полоници. Слово *полоникъ*, замѣчаетъ Срезневскій,

во всѣхъ случаяхъ есть прибавленіе славянское, неизмѣющее в греческомъ подлинникѣ соотвѣтственнаго выраженія“ (Св. и Замѣтки I, 21).

Другая форма того же слова: *польникъ*, *испольникъ*: гиганте рекше полницы; отъ гиганта, рекше отъ полникъ (Miklos. Lexic.) Vocabulum dubium замѣч. Miklosich.

Полагаю, что теперешній былинный синоним богатыря (мущины и женщины) — поляница, паленица, поляниченька — можетъ быть возведенъ к болѣе древней формѣ *полоникъ* или *польникъ*. Форма *поленица* могла возникнуть вслѣдствіе ошибочной народной этимологіи. Именит. множ. ч. отъ польникъ — *польници* былъ понятъ происшедшимъ отъ существит. оканчивающагося в именит. ед. на -ца, по аналогіи напр. — *волчицы* — *волчица*, *горлицы* — *горлица* и др. Разумѣется, такая аналогія могла имѣть мѣсто послѣ совершившейся замѣны окончаній именительн. множеств. ч. *ци*, *си*, *зи* окончаніями винительнаго *ки*, *хи*, *ги* (*дуси* — *духи*, *человѣци* — *человѣкы* — *человѣки* и др.), когда явилась потребность уцѣлѣвшую в былинахъ архаическую форму именит. множ. *поляници*, *паленицы* = стар. *польници*

[Сильніи русскіи могучіи богатыри
Славны поляници вси удалыи

Гильферд. 503.

Были русскіе могучіе богатыри

Тыи поляници были удалые. *ibid.* 663].

привести в связь с склоненіем.

РЯД ПЕРВЫЙ:
БОГАТЫРИ ПЕРІОДА ДО-ТАТАРСЬКОГО.

І. Добрыня Никитич.

Глава III.

Несомнінно, в основі великорусських сказаній о Володимирі і Добрыні лежать зашедшія на сѣвер южно-русскія, кievскія преданія о Владимирі I и дядь его Добрыні. Историческія преданія и пѣсни об этих лицах, связанных уже начальною лѣтописью, вѣроятно, и легли в основаніе Владимирова цикла былин. Вмѣстѣ с нѣкоторыми другими, тоже зашедшими на сѣвер, кievскими сказаніями, онѣ составили на сѣверо-востокѣ Руси эпическій круг, в послѣдствіи ассимилировавшій себѣ и чисто мѣстныя сѣверно-русскія сказанія.

В современных былинах о Добрыні и Владимирі трудно указать, какія — остаток кievской старины, и какія возникли спеціально на сѣверѣ. Можно с большою достовѣрностью полагать лишь, что былина о женидбѣ Володимира представляет древне-кievское наслѣдство. В болѣе древней формѣ она является в извѣстном лѣтописном сказаніи о женидбѣ Владимира на Рогнедѣ — Гориславѣ, записанном со слов „вѣдущих“, т. е. пѣснотворцев (см. П. С. Р. Л. IX 155 — 6). Не сохранив на себѣ пѣсеннаго склада, оно интересно, как отраженіе ходивших в народѣ разсказов на тот же мотив.

Из былевых мотивов, связанных с именем Добрыни, разсмотрим здѣсь два: а) о встрѣчѣ Добрыни с великаншей, поленицей и б) об измѣнѣ жены Добрыни.

А. Освободив Запаву Путятичну от змѣя, Добрыня возвращается в Кіев-град. Наѣзжает в чистом полѣ ископотъ великую; ѣдет тою ископотью, —

Наѣзжае он богатыря в чистом ~~полѣ~~

А сидит богатырь на добром кони,

А сидит богатырь в платках женскихъ.

Говорит Добрыня сын Никитич:

Еже не богатырь на добром кони,

Есть же поляница знатъ удалая,

А кака на тут дѣвица, либо женщина.

Подѣхал Добрыня к богатырцѣ, ударил ее палицей по буйной головѣ, —

А сидит же поляница, несворохнется,

А назад тут поляница неоглянется.

Удивленный Добрыня сомнѣвается в своей силѣ:

Смѣлость у Добрынюшки по прежнему,

Видно сила у Добрыни не по старому.

Пробует силу на сыром дубу в объемъ человѣческой: от одного удара его дуб разбивается по ластиньям. Возвращается к паленицѣ, ударяет ее палицей, та опять удара нечувствует... Послѣ третьяго только удара —

На кони сидит поляница, сворохнула се

И назад же поляница оглянула се:

Говорит же поляница да удалая:

Думала же русскіи комарики покусывають,

Ажно русскіи богатыри пошалкивают!

Схватила Добрыню за желты кудри, сдернула долой с коня и спрятала в глубокой кожанный мѣшок; в вариантѣ — положила в глубокой карман (Кирѣевск. II 29). Коню поленицы стало тяжело везти двух богатырей.

Не могу везти да двух богатырей, гов. он,

Силою богатырь супротив тебя,

Смѣlostью богатырь да вдвоем тебя.

Богатырша вынула Добрыню из мѣшка с такими словами:

Старый богатырь да матери,
Назову я нунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
Ежели богатырь нам прилюбится,
Назову я себѣ другом да любимым;
Ежели богатырь неприлюбится,
На долонь кладу, другой прижму,
И в овсяный блин его да сдѣлаю.

Погатырь полюбился поленицѣ; она вынуждает его дать заповѣдь великую—взять ее в замужество:

А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія,
На долонь кладу, другой сверху прижму
Сдѣлаю тебя я да в овсяный блин.

В Киевѣ они берут по злату вѣнцу (Гильферд. Онежск. б. 37—39).

Из инославянских сказаній с этой былиной можно сравнить слѣдующую сербскую п. о том, как перепугался Марко („Марко Краљевић и джидовка“ Краљ. Марко у народн. пјесмах. I. Филипович. Загреб 1880 N XV). Раз Марко Королевич отправился на богомолье в монастырь с двумя побратимами: Милошем и Релеј. Друзья ѣхали сначала полем, потом вступили в горную, лѣсистую мѣстность. Среди лѣса юнаки замѣтили на дорогѣ перо (крило) птицы Ноя (в рус. сказан. Ног, Нога). Перо лежало поперек дороги и мѣшало юнакам пройти. Ни Реля, ни Милош, ни Марко не были в состояніи поднять перо и отбросить в сторону от дороги. Пришлось саблями просѣчь лѣс и проложить дорогу около пера. Приѣхав к монастырю, юнаки расположились пить вино в пивницѣ.

Ја сам сио, раскажывает Марко, до врата пивници,

Па на врата у сбор погледао;
Кад на сбору шетала дивојка,
За пасом јој од злата преслица,
А у руци сребрено вретено,
За ухом јој Ноја тице крило,
Управила каменой пивници
И униде к нама у пивницу.

Како сам се до врата трефио,
И до мене та стаде дивојка,
Низа се је спустила вретено,
На моју га чизму наслонила.
Како га је наслонила, мајко,
Кан' да ми је ватру наложила.

Дѣва спросила юнаков, не знајут ли они Кралевича Марка. Реља и Милош сказали, што незнајут, а Марко промолчал. Дѣва сњала веретено с ноги Марка и вышла вон. Марко вышел из пивници, догнао дѣву и спросил, для чего ей нужен Королевич Марко.

Ја бих рада тог видети Марка,
отвѣчае она,

Би л' ми мог'о бити ђувеглија.
Когда Марко признался, дѣва

Вретено је подигнула на ме
И ђиде ме ударити њиме.
Туде сам се препануо, мајко,
И побигох од оте дивојке.
Она ме је кроз сбор поћерала,
Ја потекох у цркву утећи.
Кад видила джидовка дивојка
Да ђу јунак утећи у цркву,
Вретеном се за мном јест хитила.
Да ме буде њиме погодила
Била би ме мртва учинила.
Изнад мене вретено хитила,
Мене схвати витар од вретена,
И на мах сам посрнуо, мајко,
И у цркву утекох дивојки.

Дѣва стала перед церковью, а Марко у церковных ворот. Спѣла тетива у туга Маркова лука, угодила стрѣла прямо в сердце жидовкѣ-дѣвущкѣ. Марко подбѣжал к убитой, разсѣк ее на полы и стал разматривать ее сердце.

Кад у нојзи три срца бијаху:
Једно јој се заиграло на ме,
А друго се само заиграва

А треће јој за бој и незнаде,
На нем лежи змија од три главе;
Да ми буде змија опазила,
Била би ме она уморила. (стр. 104—9).

Ср. Болгарск. п. в сборникѣ В. Качановскаго N 170 „М. Корол. убивает дѣвушку Арватку“.

Представленная в этой п. великанша — дѣва с золотой прялкой и исполинским веретеном напоминает дѣв судьбы французских и нѣмецких сказаній. По французским сказаніям дѣвы судьбы, подобно нѣмецким великаншам, носят на головѣ или в передникѣ огромные куски скал, а свободною рукою в тоже самое время кружат *веретено* (Афанасьев. Поэт. Возвр. Сл. на прир. III 348). В Германіи в нѣкоторых мѣстностях передаются рассказы о трех дѣвах судьбы, вѣщія пѣсни которых раздаются при родинах, свадьбѣ и похоропах. У каждой из них имѣется *прялка* со льном, а в руках — *веретено*. Онѣ прядут веревку, протягивая с одной горы на другую (*ibid.* 354).

Дѣвы судьбы, прядущія нить человѣческой жизни, принадлежат и славянской мифологіи. Ганка упоминает о мифических пряхах *licho-plezi* (плетущія лихо), соответствующих паркам; Болгары знают *златну бабу*, которая научила женщин прясть и ткать. Сербск. *вила* указывает в ней пряжу (от слова *вить*), т. е. дѣву прядущую нить жизни, а вмѣстѣ и повитуху, присутствующую и помогающую в родах (Афанасьев. *ibid.* 342).

Но образ славянских вѣщих прях — рожаниц не на столько ясен, чтобы можно было приведенный сербскій рассказ считать вполнѣ туземным. Скорѣй, образ исполинской пряхи „жидовки дѣвушки“ мог быть заимствован из нѣмецких сказаній. Самый мотив пѣсни мог быть народным: рассказы о сношеніях юнаков с мифическими дѣвами—вилами, самовилами очень распространены у Сербов и Болгар.

С былиной о встрѣчѣ Добрыни с поленицей замѣчательно сходно одно кавказское сказаніе из круга нартовских.

На Кавказѣ, у Татар-Горцев, Кабардинцев и др. племен существует мало изслѣдованный пока круг эпических сказаній о Нартах. Нарты—тоже, что наши богатыри: они и „храбры“ и „поленицы“. „Нѣкоторыя поговорки, употребляемыя в настоящее время Татарами-Горцами и Кабардинцами, хотя немногими, но яркими чертами намѣчают образ нарта. „Он храбр, хитер, силен, — он молодец, как нарт“ говорят о каком нибудь благородном узденѣ; „он строен, статен, как нарт“ говорят Горцы про человека, отличающагося между другими величественной и привлекательной наружностью и прославившагося подвигами благородства, безстрашія и силы. Таким образом, названіе нарт в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним „удалого добраго молодца“. Равным образом сказанія гласят, что нарты были народ огромнаго роста и необъятной силы, народ, закаленный в перенесеніи трудностей и лишеній. Они проводили жизнь свою главным образом в исканіи опасностей и приключеній, в набѣгах с цѣлю добычи, а также в особых странствованіях, называемых джортуулами“ (Матеріалы для описанія мѣстностей и племен Кавказа. I. Тифлис 1881, отд. 2, стр. II).

Одним из основных мотивов нартовскаго эпоса являются сказанія о встрѣчѣ Нартов с Эмегенами. Эмегены отличались, как и Нарты, огромной физической силою и гигантским ростом и вмѣстѣ с тѣм глупостью; у них было никакой сообразительности и хитрости. „По нѣкоторым сказаніям, у них было много голов и один глаз во лбу. Между Нартами и Эмегенами велась постоянная борьба, в которой, благодаря своему умственному превосходству, Нарты всегда оставались побѣдителями, не смотря на то, что Эмегены обладали несравненно большим ростом и физической силою. Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что Эмегены ѣли человѣческое мясо и, когда попадал к ним кто-нибудь из Нартов, старались невыпускать его живым из своих рук“ (ibid. II—III).

Вот какой разсказ существует у Татар-Горцев Пятигорскаго округа о том, как женился нарт Алаутан.

Уже под старость Алауган вздумал поискать себя невѣсту. Осѣдлав своего коня Гемуду и надѣв на себя оружіе, Алауган выѣхал из нартовских селеній. Долго он ѣхал по красивым нартским землям и наконец завидѣл вдали какое-то черное пятно, которое, по мѣрѣ его приближенія, постепенно все увеличивалось. Когда Алауган подъѣхал к нему, то глазам его представилась громадной величины женщина „Эмегена“, с откинутыми назад через плечо персями: она зачинала трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитка—как аркан.

При видѣ такой громадины Алауган совершенно оробѣл, и не зналъ, на что рѣшиться. „Если пуститься бѣжать, рассуждал он, то Эмегена догонит и, навѣрно, съѣст; а не бѣжать и подойти к ней—страшно“. Думал, думал и, наконец, рѣшился он потихоньку подойти к ней сзади и тотчас взять ея персяи себѣ в рот, и таким образом сразу стать ея молочным сыном. Так он и сдѣлал. Эмегена быстро обернула голову назад и, увидѣв Алаугана, проговорила: „ах, как жаль, что ты так скоро сдѣлался моим ребенком; а то был бы для меня сладким кусочком...“ Алауган, желая показать себя петрусом, отвѣтил ей на это: ах, как жаль, что ты так скоро стала моею матерью; а то послужила бы отличной приправой для моего „сырпына“.

Употребленный Алауганом прием — *locus communis* кавказских сказаній. Ср. напр. в одной Аварской сказкѣ, царевич, отправившійся искать чудеснаго морскаго коня, пріѣхал в дремучій лѣс. Послѣ долгих блужданій по лѣсу, он увидѣл дом, окруженный башнями и частоколом из стальных кольев. Царевич вошел в дом,—видит: сидит великанша, головой как бы в потолок уперлась. Бросился к ней царевич и приложился губами к ея груди. „Теперь ты мой сын, а я твоя мать“, сказала великанша, — если бы ты неприкоснулся к моей груди, то вот что я с тобой бы сдѣлала. С этими словами разорвала она кошку на двое и, сунув в золу, проглотила ее“. (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. II стр. 10 Нар. сказ.).

Эмегена спросила у Алаугана о том, куда и за чѣм он ѣдет. Тот рассказал ей, что до старости оставался холостым, а теперь ѣдет отыскивать себѣ невѣсту.

„Ах, как это кстати! я тоже вышла из дому, чтобы найти жениха для своей единственной прекрасной дочери; вот право, какое счастливое совпаденіе! Пойдем к ней: увидѣвъ ее, ты, конечно, полюбишь ее!“ Бѣдный Алауган с досады кусая себѣ губы, но дѣлать было нечего; из опасенія за свою жизнь, он должен был волей-неволей согласиться на предложеніе Эмегены, и они вмѣстѣ отправились в путь. Вскорѣ они пришли к громадной скалѣ, в которой была большая пещера, заложная тяжелым каменным засовом. Эмегена одной рукой отодвинула засов, и они вошли внутрь скалы. Долго они шли, то опускаясь, то поднимаясь, по тѣсным проходам, наконец Алауган увидѣлъ впереди мерцающій огонек. Когда приблизились к нему, послышался чей-то радостный крикъ: ^{слышу} людской запах, — вот-то будет славная закуска!“ Это был голос Эмегиной дочери.

Мать остановила ее, сказав, что это она привела ей жениха. Каково же было изумленіе Алаугана, когда он увидѣлъ громадную и страшно уродливую дѣву: зубы у ней были так велики, что нижніе клыки доставали до носу, а верхніе опускались ниже подбородка. Нечего дѣлать, пришлось Алаугану жениться на такой уродинѣ. Переночевав, Алауган взял свою невѣсту, посадил ее на лошадь, а сам сѣлъ позади ея. Едва отѣхали нѣсколько шагов, как у Гермуды согнулась спина от тяжести, а живот опустился чуть не до земли. Вслѣдствіе этого Алаугану пришлось слѣзть и, ведя лошадь за узду, идти впереди. От Эмегены родился сын, которому дано было имя Шауай. (Матеріалы для опис. мѣстност. и плем. Кавказа I, 1881 г. Тифл. II стр. 8—10).

Сходство между русским и кавказским сказаніями так очевидно и так велико, что склоняет мысль установить между ними болѣе близкое отношеніе, чѣм простое сравненіе.

Мужественныя женщины в.-русскаго эпоса — жены Ставра, Дуная, Данилы Ловчанина рѣзко отличаются от странных, уродливых по своим особенностям, образов полениц — великанш. Тѣ стоят в органической связи с народной жизнью, не противорѣчат данным исторіи и быта. Великанши — поленицы слабо связаны с народным эпосом и исторіей, сказанія о них являются какими-то отрывками, примыкающими совѣм к другому, нерусскому, порядку отношеній. Кавказское сказаніе органически примыкает к мѣстному эпосу; образ Эмегенов стоит в связи с исполинской природой страны и, может быть, с исторіей.

Образ женщины великанши русских былин мог быть заимствован из кавказских сказаній. Отрывочныя сказанія о кавказских поленицах — Эмегенах могли зайти на Русь и удержаться здѣсь до наших времен, сохранив на себѣ слѣды отношеній своей кавказской родины. Встрѣча наших полениц с богатырями всегда враждебна. Как Эмегены, онѣ жестоки и кровожадны:

Если богатырь не прилюбится,
На долонь кладу, другой прижму
И в овсяный блин его да сдѣлаю.

Как Эмегены, онѣ глупы:

Силою богатырь супротив тебя,
Смѣlostью богатырь да вдвоемътебя.

Баба горынинка показывает Добрынь Никитичу, побѣдившему ее в бою, и Ильѣ Муромцу свой погреб, в котором было золото и серебро.

Эмегены живут в горных пещерах: в русск. сказаніях паленицы называются — баба *Горынинка*, *Златы-горка* и др.

Связи Руси с Кавказом во всѣ періоды нашей исторіи были так живы и постоянны, что а priori можно было ожидать встрѣчи с вопросом об отношеніи кавказских народных сказаній к русскому народному творчеству. Народы, осѣвщё на этом этнографическом днѣ великой Европейской равнины, находились в частом и долгом общеніи с югом и востоком Руси. Непремѣнно должны были отразиться в народном творествѣ слѣды их вліянія, как

отразились они в языкѣ, бытѣ, общем складѣ русской народности (Сухомлинов. О языкознаніи в древн. Россіи, стр. 18—29. Пыпин. Историч. оч. рус. народности В. Е. 1884. Октябрь).

Позднѣе, козачество Запорожское и Донское было естественным проводником кавказских мотивов на Русь.

Лосі сочинен русских былин — шелки *шемаханскіе*, сѣдла *Черкасскія*, Черкесы *Пятигорскіе* объясняются именно живыми сношеніями с Кавказом.

С цѣлю придать наибольшую устойчивость нашему предположенію о возможности вліянія кавказских нартовских сказаній на русскій эпос, укажем на аналогичный случай из области мало-русской народной словесности.

В урочищѣ „Буняково Замчище“ около села Деревичи Новградволинскаго у., рассказывает преданіе, жил когда-то лицарь „Шолудивый Буняка“. І був той лицарь не аби який,—навіть і тілом не такий як повинно бути людини: мало того, що страшенно великий, ще, выбачайте, у ёго печінки й легкѣ та були на версі, отак от і стремили за плечіма“. Веѣ его боялись, потому что он был людоѣд: пожирал хлопцев, которых приводили к нему по очереди. Вот пришла очередь одному хлопцу, который был единственный сын у матери. Мать при прощаньи с сыном сѣлала слѣдующее: пішла, нацїрвала у себе з грудей покорму, замісіла з того покорму тіста, спекла перїжків, та даючи их своему хлопцеві й каже: „на ж, тобі оці перїжки, а ось що з ними зроби: як приїдеш до Буняки, то конешне підведи ёго, щоб він хоч единого перїжка ззів оцім ти маеш визволитися, бо як Буняка наїсться моїх перїжків, то вже тебе незайме, для того, що вважатиме тебе за брата (то б то через її покорм).

Хлопцу удалось дать пирожок Буняку; тот сѣл его, зараз і почувяв, яка в іх була заправа. „Ну, каже, хлопча, дякуй своей матери, що так мудро вхитрувалася: теперь ти еси вызволенный від смерти, не можу бо я тобі того лиха заподїяти через те, що ти стався мені братом.

Ночью хлопец, подкравшись к спящему Буняку, от-

рѣзал ему печенки и таким образом и сам избавился от смерти и страну освободил от врага (Драгоманов. Малорус. народ. пред. и рассказы 224—5).

Имя великана напоминает Половецкаго хана Буняка, разорявшаго южно-русскія области в концѣ XI ст. В мѣстностях при-Днѣстровских ходят о том же лицѣ и болѣе историчныя преданія (см. Kolberg, Rokucie I, 345—6); сохранилась даже пѣсня:

Що ж то за диви!
Може Буняк соладиви?
Кажут его череда
Пришла нас вигнати.
Лише дадут ему знати,
Куда буде утікати

Гей на на,
Буняка!

Ей берут ся до него
Князь Роман, бояры
А щож буде з него,
Гды піде в прегони.
Ой втікаєт голова,
За ним біжить череда

Голова Буняка,
Здраст вам боже,
вже наша. Ibid. 346.

Интересный факт для судьбы стариннаго южно-русскаго эпоса, на котором мы ниже остановимся!

В приведенном рассказѣ о Бунякѣ замѣчательна в особенности одна подробность: средство, употребленное матерью хлопца для смягченія кровожаднаго великана в сущности тоже, каким воспользовался Алауган. Обычай молочнаго усыновленія на Кавказѣ — черта реально-бытовая и locus communis народных сказаній. „Необходимость в постороннем покровительствѣ и помощи, говорит Дубровин о Черкесах, дала начало оригинальному обычаю, извѣстному под именем *усыновленія*. Лицо чуждаго народа или чуждаго общества, переселившись к одному из черкесских

племен и желая там скрыться от преслѣдованія или остаться навсегда, изъявляло желаніе быть усыновленным одним из семейств того аула, в котором поселилось. Глава семейства призывал к себѣ желающаго быть приемышем, в присутствіи всѣх обнажал женѣ своей грудь и приемышь три раза устами дотрогивался до ея сосков. Послѣ того он считался как бы вскормленным грудью его жены и сыном в его семействѣ. Точно также поступали два лица, составившіе между собою союз на жизнь и смерть. Тогда жена или мать одного из них давала другу мужа или сына свою грудь и с тѣх пор он пользовался покровительством, какое принадлежало дѣйствительному питомцу. Впослѣдствіи этот обычай до того развился, что стоило только дотронуться до груди женщины, чтобы остановить ея мужа от преслѣдованія, даже и в том случаѣ, если бы дотронувшійся до груди его жены был его заклятый враг“ (Очерк Кавказа и народ. его населяющ. кн. I, 79—80). Тот же обычай встрѣчается у Ингушей (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. IX. 79). Сравните с этим:

У Малабарцев акт усыновленія состоит в том, что хозяйка дома дает сосать свою грудь, и если младенец выплюнет молоко матери, или незахочет сосать, усыновленіе считается недѣйствительным (Э. Реклю. Материнское главенство в первобытн. семьѣ. Рус. Богатство 1883, N 1, стр. 156).

У русских и других Славян подобнаго обычая, насколько извѣстно, нѣтъ. Ни факты народной поэзіи, ни данныя языка и быта не дают основаній предполагать существованіе его у Славян по крайней мѣрѣ в *историческое* прошлое. В русских сказках, в тѣх случаях, гдѣ герои кавказских сказаній прибѣгают к молочному усыновленію, обыкновенно, дѣло происходит таким образом: герой сказки приходит к избушкѣ на курьих ножках. „Избушка, избушка, стань ко мнѣ передом, к лѣсу задом“. Избушка повернулась; вошел — там сидит баба-яга: „оу-оу! доселева русскаго духу видом не видано, слухом не слыхано, а поныче русской дух в виду является, в уста мечется! Что,

добрый молодец, дѣла пытаешь, иль от дѣла лытаешь?“ Прежде, старуха, напои, накорми, потом вѣсти распроси. Старуха напоила, накормила и спать положила... и под. Так и должно было быть у гостепріимнаго народа, каким были Славяне, для котораго *чужанин* был не *hostis*, не *Feind*, а *гость*.

Поэтому нам кажется, что м.-русское преданіе о Шелудивом Бунякѣ сложилось под непосредственным вліяніем кавказских и, может быть, черкесских сказаній и обычаев. Извѣстно, что Черкесскія поселенія существовали на югѣ Россіи. До настоящаго столѣтія здѣсь были синонимами слова *черкес* и *козак*. Замѣчательно, что эти два слова и на Кавказѣ являются синонимами. По преданіям, сохранившимся у Осетин, Черкесы еще до VII в. (т. е. до прихода из Крыма кабардинских князей) назывались *казахами*, имя, которое они удержали за собою и в устах Мипгрельцев и теперь еще называющих их казак-мепе, т. е. царями казаков (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. IX. 113).

Ниже, при разборѣ былин о Святогорѣ, мы еще встретимся с затронутым здѣсь вопросом.

В. Дашкевич в ст. „Былины об Алешѣ Поповичѣ и кончинѣ богатырей“ (Кіевск. Унив. Изв. 1883 N 5) говорит: „наши былины о Добрынѣ, Алешѣ и Настасѣ Микulichнѣ представляют черты сходства в *мелких частностях* с нѣкоторыми из средневѣковых нѣмецких обработок весьма распространенной в средніе вѣка саги о принужденіи жены ко вступленію с ней в брак во время долгаго отсутствія мужа“ (стр. 241). Из сходства наших сказаній с нѣмецкими (излож. их и друг. сродн. см. у Ор. Ф. Миллера Ил. Муромец и богатырство Кіевск. стр. 525 и дал.) автор заключает, что сказаніе могло быть занесено к нам нижненѣмецкими людьми через западныя окраины, через Новгород, который был естественным проводником западнаго вліянія в дотатарское и татарское время (243). Была и еще одна возможность проникновенія занимающаго нас

мотива в наши народныя сказанія — именно через католических проповѣдников (244).

В принципѣ, конечно, нельзя отвергать возможности вліянія нѣмецких сказаній на русскія. В занимающих нас сказаніях совпаденія дѣйствительно любопытны, но все таки вопрос о происхожденіи этих сказаній остается открытым. При распространенности вариантов даннаго мотива у различных народов представляется возможность закружиться в отыскиваніи того, кто у кого заимствовал. Совпаденія в частных подробностях принадлежат нѣмецким сказаніям, французским *chansons de geste*, русским, болгарским и даже кавказским нартовским. Так, в нѣмецких сказаніях герой, получив чудесным образом вѣсть о выходѣ замуж жены, внезапно, одним полетом возвращается на родину (Op. Миллер, 525). В сказаніи о Карлѣ Великом, помѣщенном в Хроникѣ Энкеля (XIII в.), говорится, что Карл В, узнав от ангела о том, что совѣтъ баронов принуждает его жену отдать свою руку другому мужу, из страны Угров, которых он обращал в христіанство, в трое суток прибыл в Ахен на трех смѣнных конях; кони были доставлены ему ангелами, посланными от Бога (*ibid.* 531). В болгарск. п. „Симон и негова невѣста“ (Миладинов. N 66) Симон, узнав от своего коня о выходѣ замуж жены, возвращается домой как раз перед свадьбой. Его конь был его совѣтником, добрым пайщиком службы царской. Когда Симон получил от царицы позволеніе ѣхать домой,—

Тога велит коня, бърза коня:
 „Престегни ми, мой църни очи,
 За що негля кѣде ке си ода
 Ако сакаш не'ста да отасаме.
 И му върза негой църни очи,
 И си летна коня по небеси,
 И си стигна по край него'о село

Милад. стр. 89.

Подобно тому, как в нѣмецких, французских и русских пѣснях, Симон открывается своей женѣ посредством кольца.

В одной бретонской пѣснѣ (Ор. Миллер. И. Мур. 525) муж — солдат возвращается домой на другой день послѣ свадьбы его жены; за измѣну он убивает жену. Ор. Ф. Миллер замѣчает, что эта бретонск. п. стоит особняком (526. примѣч.); это несправедливо. В болгарск. п. (Dozon N 35) Стана, жена Коё, прождав 9 лѣт мужа, ушедшаго в гайдуки, выходит замуж, по настоянію отца, за Стояна. На другой день послѣ свадьбы возвратился Коё с товарищами, убил деверя и мужа Станы, а ее —

Коё си Стана съблече,
 Па ѡкъ със смоля намаза,
 Па ѡкъ на свеща запали,
 На дружина да му свѣти.
 Три дни сж яли и пили,
 Стапа им за свѣща свѣтила.

У кавказских горцев встрѣчается сказаніе, развивающее тот же мотив: „о том как Сатана поддалась обману“ (Сборн. свѣд. о Кавказ. Горцах. V. Нартовск. сказ., стр. 17). Урызмаг отправился в годовой балц (отлучка); в отсутствіи его сошел небесный кузнец Сафа и прельстил Сатану. Когда Урызмаг, по своем возвращеніи, узнал об измѣнѣ жены, он оставил ее и пошел странствовать. Сатана переодѣвшись, догнала его и прельстила; потом открылась мужу. Урызмагу не оставалось повода гнѣваться на жену; примиренные супруги возвращаются домой.

В нѣкоторых частностях кавказское сказаніе сходится с германским мифом об измѣнѣ Фригги Одину и Одина — Фриггѣ. Замѣчательно, что Один, с цѣлью прельстить Ринду, дочь короля Рутенов, принимал вид, между прочим, *ковача* (Ор. Миллер, 534, 536). А дочь короля Нидунга соблазняется Велентом, небесным ковачем (ib. 72).

„Для того, чтобы поднять вопрос о перенесеніи повѣствовательных сюжетов, говорит А. Н. Веселовскій, необходимо, поэтому, заставить достаточными критеріями. Необходимо принять в расчет фактическую возможность вліянія и его внѣшніе слѣды в собственных именах, в остатках чуждаго быта, в совокупности подобных призна-

ков, потому что каждый в отдельности может быть обманчивъ" (Журн. Мин. Нар. Пр. 1882 г. ССХХІІІ, 212).

В русских и болгарских п. об измѣнѣ жены в отсутствіи мужа невидно слѣдов чуждаго быта, чужих правов и отношеній; нѣтъ ничего такого, что бы побуждало видѣть в них созданіе не туземное, а заимствованное.

Присутствіе мифическаго элемента в нѣкоторых вариантах разбираемаго мотива дало основаніе Ор. Ф. Миллеру предположить для него мифическую основу.

„Союз Одина с Фриггю, говорит он, по своей основѣ есть ничто иное, как коренной в мифологіи всѣх народов, древнѣйшій союз неба с землею. Теплое лѣтнее небо представлялось держащим в своих объятіях землю и порождающим из лона ея прекрасных дѣтей. Но в зимнюю пору недоставало этого теплаго плодотворнаго мужа. Он представлялся тогда умершим, — и это было древнѣйшее представленіе. Позже, когда замѣчено было постоянное возвращеніе теплоты небесной, его отсутствіе, уже признанное только временным, стало представляться *отлучкой*, отъѣздом в чужой отдаленный край... Но над землею попрежнему высится и в зимнюю пору свод небесный — только это уже не прежнее теплое, плодотворное небо, а холодный, безсильный его двойник, обманщик, облекшійся в его образ и оболѣстившій его жену... Но вот наконец возвращается настоящій. Он сначала неузнаваем, лишен величія..., пока опять не откроется в своем парственном блескѣ и не освободит своей супруги, природы, от ея злых женихов — этой зимней силы, протѣснившейся на его мѣсто" (Ор. Миллер, 542).

Все это болѣе поэтично, нежели точно, научно. Такое объясненіе, как и прочія мифологическія, оставляет неудовлетворенным читателя своею общностью и широтой. В основѣ разбираемых сказаній могли быть чисто бытовые факты. Введеніе же мифическаго элемента могло совершиться позже, в силу общенароднаго свойства переносить земное и человѣческое на небо и на божественное. По крайней мѣрѣ, кавказское партовское сказаніе стоит в несомнѣнной

связи с оригинальным горским обычаем — *ходить на балц* (отлучка). „Балц мог быть 12-голичный, 20-голичный, мѣсячный и даже недѣльный. Говорю „мог быть“, т. е. прошедшим временем потому, что балц этот теперь теряет то значеніе, которое имѣл прежде — значеніе большею частью безцѣльной поѣздки в дальніе края—в Чечню, в Кабарду и пр. ради того только, чтобы проѣхать своих знакомых и прожить у них без всякой цѣли все время, предвзятое на балц. Но балцы предпринимались и с видимой цѣлью, не без дѣла. Лѣтъ 15 или 20 назад в Осетіи, Чечнѣ и Кабардѣ балц был в большом ходу, и он же служил осязательною причиною всюду тогда распространеннаго увоза скотины, лошадей и пр. Предприниматели таких балцов были не только терпимы в народѣ, но даже пользовались уваженіем, как люди не деревенщина, а благородные наѣзники“ (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. III народ. сказ. 19—20).

Подобнаго рода поѣздки в дальнія страны с цѣлью себя показать, людей посмотреть, вѣроятно, были и у Славян, в частности у Руси. О них упоминают сказки и былины. Добрыня просится у матери—

Поѣду я добрый молодец
В чисто поле поляковать, козаковать,
Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
Порублю я вѣдь поганых татаровой

Гильферд. 177.

или:

Дай мнѣ Добрынюшки прощеньицо,
Дай-ко Добрыни благословеньицо,
А съѣздить Добрыни на чисто на полѣ
А мнѣ ли Добрыни исполяковать,
Могучи плечи Добрынюшки расталкивать.

ibid. 347.

Судя по горскому обычаю, *такой* мотив поѣздки Добрыни древнѣе того, когда он ѣдет по порученію Володи-мира. Это стремленіе „испробовать силушки богатырской“, растолкать могучія плечи, выразилось, между прочим,

в укшуйничествѣ на сѣверѣ, бродничествѣ и позднѣе козачествѣ на югѣ Руси. Помимо этого, бытовая исторія могла представить столь много фактов для образованія пѣсеп и сказаній об измѣнѣ жены в отсутствіи мужа, что кажется излишним прибѣгать к туманным мифологическим сближеніям, или к натянутым соображеніям о заимствованіи.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

В виду довольно опредѣленных указаній тверской лѣтописи на *Тимою—Золотой пояс*, храбра, товарища Олеша Поповича; в виду того, что таже личность в Никоновск. л. называется *Добрыня Рязанич—Золотой пояс*, я присоединяюсь к мнѣнію гг. Буслаева, Майкова и др., что в былевом Добрынѣ Никитичѣ, племянничкѣ кн. Владиміра, соединены два образа: кіевскаго Добрыни, дяди Владиміра и какого-то сѣверно-русскаго, мѣстнаго, рязанскаго богатыря, м. б. Тимои. Произошла взаимная ассимиляція эпических сказаній: рязанскій храбор привлекся к Владиміру и породнился с ним; кіевскій сподвижник Владиміра получил мѣстную, рязанскую окраску:

Жил был торговый гость

Никитушка Романович;

живучись, он переставился. Оставались у Никиты жена и сын Добрыня Никитич. Про его удалство прошла слава великая по всѣм землям. Сам старій козак Илья Муромец собрался на ту славу на великую. Приѣхал старій к городу Рязани,

Сам своим умом размышляет:

Досель Рязань-город слободой слыла,

Нониче Рязань слывет городом.

(Еоименко. Матеріалы, II, стр. 10).

2. Иван Данилович.

Глава IV.

Считаем вѣроятным, что упоминаемый в Новгородск. л. под 1118 г. сотскій *Ставр*, навлекшій на себя гнѣвъ Владиміра Мономаха и заточенный им в погреб, есть одно лицо с былинным Ставром Годиновичем.

Ближайшее к этому лѣтописное упоминаніе относится к *Ивану Даниловичу*.

Никоновская лѣтоп. под 1136 г., рассказывая о походѣ Ольговичей Черниговских против Кіевского кн. Ярослава Володимерича, между прочим, сообщает: Ольговичи, повоевавъ села по Сулѣ отидоша и сташа на Супои. И изыде противу их князь великій Ярополк Кіевскій, сын Владиміра Мономаха... и снидошася на сѣчу и бишася крѣпко; но вскорѣ побѣгоша Половци от Ольговичев. И погнаша по них великаго князя Ярополча дружина, и брати его *лутчяи мужи храбрыи*, и биша много гоняще Половцев и возвратишася вспять, и необрѣтоша князей своих, и впадоша Ольговичем в руцѣ; а Половцы обратишася на них в тыл, и тако многих *храбрых* мужей избиша Ярополчих и брати его, и держащих стяг великаго кн. Ярополка Кіевского и брати его изымаша, и бояр его множество поймаша, а иных многих без числа убиша, и *храбраго Давида Яруновича* тысяцкаго кіевского, и *Ивана Данилова богатыря славнаго* убиша и Станислава *благороднаго*, и Данила Тугковича, и Дамьяна, и Янка, и многих мужей *сильных* и *храбрых* и внука Влад. Мономаха Василька Марича убиша, и много князей убиша, и едва убѣжаша в Кіев с братьею своею отнюдь в малѣ дружинѣ Ярополк... м. августа в 8 д. (изд. 1768 г. II, 71).

Разсказ о том же событіи Ипатск. л. короче; неупоминается в нем об Иванѣ Даниловичѣ и других *храбрах*, павших в сраженіи при Супоѣ. „Тысяцкій с бояры Ярополка преже гнаша по Половцѣх, избиша ѣ и воротиша ся опять на полчище, и необрѣтоша княжьи своея, и упадоша Ольговичем в руцѣ, и тако изымаша ѣ, держаше стяг Ярополч, яша бояр много: Давыда Ярославича (=лавр. Яруновича) тысяцкаго, и Станислава Доброго Тудьковича и прочих мужій; и внук Володимерь Василько Маричич убьен бысть ту; многы бо бяше бояре киевский изоимали“ (Ип. лѣт. 1871, 214).

Разсказ Никоновск. лѣтоп., очевидно, *подновлен*: выраженіе „славнаго богатыря“ принадлежит, по крайней мѣрѣ, к XIV—XV ст.; эпитет Станислава „благородный“ отдает болѣе эпосом, чѣм исторіей; *храбрыя*, *храбрых* стоит вмѣсто *храбри*, *храбровъ*; но несомнѣнно, он основан на неизвѣстном нам мѣстном, киевском, свидѣтельствѣ о битвѣ при Супоѣ. Иначе трудно объяснить большую фактическую обстоятельность изложенія Никоновск. л. в сравненіи с Ипатск. и Лаврентьевск. Упомянаніе об Иванѣ Даниловичѣ под 1136 г. еще болѣе убѣждает в том, что автор Никоновск. л. имѣл под руками какую либо лѣтописную киевскую замѣтку. Если бы свѣдѣніе об этом богатырѣ он получил из былин или других эпических сказаній, то скорѣе упомянул бы о нем во главѣ *о богатырях Владиміра*, ибо в XVII в., когда составлялся Никоновскій свод, цикл Владиміров уже вполнѣ был установлен.

Извѣстіе Никоновской л. важно по своему указанію на кружок *храбров*, служивших у стольнаго — киевскаго князя. Это, сколько нам извѣстно, самое раннее, *наиболье достовѣрное историческое* свидѣтельство о Киевском богатырском кругѣ. Сообщенія той же лѣтописи „о богатырях Владиміра“ — позднѣйшаго происхожденія; о них ниже. Один из храбров этого мѣстнаго круга прозывается „благородный“. Это напоминает *въжливаю* богатыря Владимірова цикла Добрыню: он отца-матери хорошаго, роду племени

ученаго, умѣет слово молвить, перед чужим царем поклониться и похвалиться (Кирѣевск. Указатель).

Итак, богатырь, котораго великорусскія былины воспевают под именем Михаила и Ивана Даниловича, назывался в дѣйствительности *Иваном Даниловичем*, жил в XII в., состоял на службѣ в. кн. Кіевскаго Ярополка Володимерича, считался *храбром*, и в битвѣ при Супоѣ в 1136 г. был убит вмѣстѣ с другими кіевскими служилыми храбрами. Получает таким образом фактическое основаніе общее мнѣніе наших изслѣдователей о южно-русском, кіевском происхожденіи былин об этом богатырѣ.

А. Н. Веселовскій в ст. „Южно-русскія былины“ сдѣлал остроумную попытку опредѣлить схему старинной пѣсни, от которой пошли великорусскія былины о Михайлѣ Даниловичѣ и Василии Игнатьевичѣ, — и мрус. рассказы о Михайликѣ. Мы не можем согласиться с почтенным изслѣдователем в самом существенном. Нам кажется, что былины об Иванѣ Даниловичѣ составляли особый круг, отличный по основному мотиву от былин про Василья Игнатьевича. Малорусскія сказанія примыкают к послѣдним.

Из малорусских сказаній с былиною об Иванѣ Даниловичѣ можно сравнить думу об Ивасѣ Коновченкѣ (напечат. в Сборн. южно-рус. п. Метлинскаго, в Кіевск. Старины 1882 Август и в сборн. Максимовича за 1834 г.).

У Черкасской вдовы Коновчихи был сын Ивасъ (в вар. Метл. у городі у Крылові) — единственная опора и надежда матери. Однажды в Черкасы (в. в Крылов) зашли козаки „охотне війско викликати“; Ивасъ рѣшилсѣ идти с козаками. Бѣдная мать плакала, не пускала сына в войско; спрятала даже молодецкую сбрую; только сабли не спрятала. Воспользовавшись отсутствіем матери, Ивасъ взял саблю, оставил дом, догнал козаков и вступил в их отряд под начальство Корсунскаго полковника Хвилона. Козаки прибыли на Черкень — или Черкас-длинну.

Тогді ж то Хвилоне, Корсунський полковниче

Из намету вихождає,

До козаків стиха словами промовляє:

Эй, козаки, діти, друзи!

Прошу вас, добре дбайте:

Чи нема междо вами которого козака старинного,
Отамана Куринного,—

У першому разі на герци погуляти,

За віру християнську достойно и праведно стати?

Чи не мог бы котрый козак собі слави лицерствія достати?

Тогді то всі козаки замовчали.

Ср. с этим: цари невѣрные осадили Киев град в несмѣт-
ном числѣ. Владимір на пиру предлагает богатырям:

Уж вы, гой, еси, князи мои бѣяра,

Да вы ой еси, паленицы да удалые,

Ише весь-то вы народ да православные!

А и хто бы то видь сѣздил да в чисто полѣ

Да пересчитывать силы невѣрныя?

А и в тую пору было, во то время

Большой видь хоронится за среднѣго,

Ишшо средней-от хоронится за младшаго

А от младшаго Владиміру отвѣту нѣт.

Кирѣвск. III 44.

В отвѣт на рѣчь Хвилона,

Тільки Ивась Коновченко стиха словами промовляє:

„Эй, Хвилоне, Корсунський полковниче,

Батьку старий!

Благослови мині козаку молодому

У першому разі на герци погуляти,

За віру християнську достойно-праведно стати;

Чи не мог би я собі слави, лицерствія достати?

В вар. Киевск. Стар. Ивась желает —

Пам'ятати козацькою заживати

Й знамена турецкаго доставати.

В былині:

А и в тую-ту пору было, во то время

Выходил тут дородне добрый молодец

Из-за тово стола видь бѣлодубова,

Ише на имя Михайло сын Данилович

Понизѣшеньку он Владиміру поклоняется,

Помалешеньку ко Владиміру подвигається:
„Ты спусти-тко, Влад. князь, в чисто поле,
„Пересчитывать то видь силы невѣрныя!

Полковник Хвилон

Стиха словами промовляє:

„Эй, Ивасю вдовиченьку!

Ще ти дитя молоде,

Розумом недійшле,

У походах не бувало,

Крови християнської не видало:

Кров християнську увидиш,

Бардзе скоро изомліеш.

Чи не оберетця котрий козак старинный?

Почти тоже говорит и Владимір смѣлому Ивану Даниловичу:

„Ох ты гой еси, младый вьюношь, Иван Данилович!
Молодохонек, зеленехонек,
Ты на больших боях не бывывал,
Страстей-ужастей ты не видывал“.

Кирѣевск. III, 40.

Эй Хвилоне, Корсунський полковниче,

Батьку старий!

Возьми ти утя едно старее

А друге малее,

Пусти ти на воду:

Чи не равно буде плисти младе,

Як бы старе?

Чи не равно буде козак младий

На герці гуляти, як бы старий?

„Ой Ивасю Вдовиченьку, дитя младее!

Коли ж ти мою загадку одгадав,

Благословляю-ж тобі у першому разі на герці погуляти...

И Михайло Данилович ссылається на тоже *locus communis*: Великий государь, вели поимать гоголя и вели держать три года, да пусти, государь, того гоголя на воду, и умѣет ли тот гоголь по водѣ плавати: так то наше богатырское сердце неуимчиво. Это слово Владиміру полкуби-

лось: буди ты пожаловав во стольном градѣ Кіевѣ, отвѣтил он богатырю. Напустился богатырь на врагов, что ясеи сокол на стада галичья, побил много силы татарской. Враги принуждены были просить сроку на три дня (Гисторія о М. Д. Веселовскій, стр. 22—4).

Ивась Коповченко, получив дозволеніе Хвилона,

Сам на добраго коня сѣдав,
Міждо козацкими табурами пробігав,

.

На турецьки табури пробігав,
Турецьки намети поперевертав,
Турок пъядесят під міч узяв,
Девъятеро живцем извъязав.

(Метлинскій. Южно-рус. п., стр. 418—20).

Второй выѣзд против Турок Ивася был неудачен. Невпняв совѣту осторожнаго полковника, Ивась выпил много оковитой водки и опьянѣл.

Турецька бесурмяняська віра пъянаго чоловіка

за четь мили взнали,

Та йще за четь мили назад отступали;

То вони поки его пъянаго зарубали,

Ще сімсот за собою утерали;

Тільки то недобре вчинили,

Що коня неловили.

Кінь по табору турецькому гуляе,

На собі кривави поводи обривае.

Замѣтив коня Хвилон, поняв, что сталося с Ивасем; приказал козакам поймать коня и привести в табор. Ивася похоронили, а матери дали знать о смерти сына (Кіевск. Стар. 1882 Авг. 275).

Несчастен был второй выѣзд и Михайла Даниловича. Мурзы-уланове накопили ям, натыкали в ямы копьев; выѣхал Михайло на бой и угодил в яму, а „конь его выдрался и поскакал в чистое поле“ (Южно-рус. был. стр. 24); былина говорит, что конь поскакал к монастырю, гдѣ сидѣл его родной отец (Кирѣевск. III, 40).

В развязкѣ сказанія расходятся: в малорусском герой

умирает; в великорусском—спасается, благодаря отцовской молитвѣ и своей.

„Кто был (Ивась Коновченко) неизвѣстный исторіи герой и в какомъ походѣ участвовал, трудно рѣшить, говоритъ К. Ф. У. О. Под Хвилонемъ же думы онъ разумѣетъ Филона Джеджалія, сподвижника Хмѣльницкаго отъ 1649—1658 г. (Кіевск. Стар. Авг. 1882 г. 278). Сравненіе думы с великорусскою былинной даетъ основаніе полагать, что заключенный в ней поэтический образъ былъ созданъ раньше временъ козачества. Онъ вѣроятно принадлежалъ Руси до-татарской. Во времена козачества онъ только получил новое примѣненіе,* былъ иначе истолкованъ, сообразно историческимъ обстоятельствамъ времени.

К одной группѣ относится сербская п. о Секулѣ (Богшић, Срп. нар. п. из стар. запис. N 20): Вышли Угры на Косово; Секула просится у воеводы Янка ударить на царскій шатеръ. Янко удерживалъ его, но Секула непослушался; напалъ на Турокъ, но былъ израненъ множествомъ стрѣлъ, и умеръ (см. О сербск. п. Косовскаго цикла, стр. 34). Тот же мотивъ лежитъ в основаніи сербскихъ сказаній объ убіеніи Милошемъ Обиличемъ на Косовомъ полѣ турецкаго царя Мурата (Вук, Пѣсни II, стр. 312—14. Гильфердъ III, 186 и слѣд.).

3. Демьян Куденевич.

Глава V.

В Никоновск. лѣтоп. внесены два отрывка из существовавшего, вѣроятно, сказанія о подвигах Переяславскаго богатыря *Демьяна Куденевича*. Эти отрывки интересны по сравненію с нѣкоторыми современными великорусскими былинами.

Демьян Куденевич жил в городѣ Переяславль при кн. Мстиславѣ Изяславичѣ. Вот какъ разсказывается в Никоновск. лѣтоп. об одномъ богатырскомъ его подвигѣ: князь Глѣбъ Юрьевичъ пошелъ на Мстислава Изяславича къ Переяславлю; „и тамо пришедъ не успѣ ничтоже: бѣ бо у Мстислава воинства много в Переяславль собрася, но и Демьянъ богатырь Куденевичъ тамо.... Пребысть же мало в Новѣградѣ Сѣверскомъ, бояре же его начаша къ нему глаголати, да идетъ къ Переяславлю на великое княженіе, понеже хотять тебе вси переяславстїи людіе; онъ же послушавъ ихъ скоро прїиде къ Переяславлю. Услышавше же стражіе Переяславстїи, пригнаша в Переяславль, князю же Мстиславу Изяславичу еще лежащу на одрѣ своемъ, яко предъ свѣтомъ бѣ; онъ же скоро встаетъ и посла воинскихъ собратѣи, а самъ спѣшно тече къ Демьяну богатырю Куденевичу и глаголетъ ему сице: „нынѣ, о человекѣ Божїи, время Божьей помощи и пречистыя Богородицы и твоего мужества и крѣпости. Демьянъ же Куденевичъ в той часъ ~~иде на~~ конь со слугою своимъ Тарасомъ и точію пять отрокъ его зѣло молодыхъ въздоша на кони; безвѣстно бо бѣ, и вси кождо розыдошася, онъ здѣ, онъ ондѣ. Демьянъ же Куденевичъ скоро тече со своимъ слугою на конехъ и срѣтаетъ Глѣба Юрьевича на полѣ близъ посады и нападаетъ яро на воин-

ство его и убивает многих нещадно. Князь же Глѣб Юрьевич ужасея зѣло, и скоро побѣже назал, а к Демьяну Куденевичу посла, глаголя: „на любовь и на мир прїидох, а не на раты!“ Демьян же Куденевич со слугою своимъ Тарасомъ возвратися в Переяславль и многу честь прїа от господина своего в. кн. Мстислава Изяславича (П. С. Р. Л. IX, 177).

По основному мотиву и частнымъ подробностямъ это сказаніе сходится съ былинной об Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ царѣ. Представляемъ сводъ сходныхъ мѣст изъ извѣстныхъ вариантовъ. Послѣ вѣра у Владиміра

Все русскіи могучіи богатыри
Да все поляницы удалыи
Да все со двора расходилися
По своимъ ли то полатамъ богатырскимъ.
Среди то ноченьки темныя
Вдругъ то забило в било колокольчато
На томъ ли дворѣ на княженецкомъ
У солнышка князя у Владиміра.

Пришелъ посолъ отъ Калина, который подступилъ къ Кіеву и хочетъ вѣхатъ „въ стольный Кіевъ градъ“ (Гильферд. N 121).

Ночью, на разсвѣтѣ и Глѣбъ подошелъ къ Переяславлю. Во время нашествія Калина у Владиміра богатырей неслучилось. Илью Муромца разгнѣванный Солнышко приказалъ посадить въ глубокой погребъ,

А сильніи кіевски богатыри
А розсердились они тутъ на князя на Владиміра;
А они скоро вѣдь сажались на добрыхъ коней
А уѣхали они да во чисто поле
Ай во тое раздолье во широкое

(Гильферд. N 57, стр. 304).

Дочь Владиміра доставляла Ильѣ въ погребъ пищу и одежду. Узнавъ отъ дочери, что Илья еще живъ, Владиміръ спѣшитъ къ погребу глубокому,

И говоритъ онъ Ильѣ да такыя слова:
Ай же ты старыя козакъ да Илья Муромецъ
Нашъ то Кіевъ-градъ нынѣ въ полону стоитъ

Обошел собака Калин царь наш Киев-град
Со своима со войскамы со великими.
А постой же ты за вѣру за отечество,
А постой ко ты за славный Киев град,
Да постой за матушки Божьи церкви,
Да постой ко ты за князя за Владимира,
Да постой ко за Опраксу Королевичну

(Гильферд. 448).

Отсутствіе готоваго войска заставило и Мстислава Изяславича идти к Демьяну и просить его защитить город.

Так тут старый козак да Илья Муромец
Выходил он со полаты бѣлокаменной
Шол по городу он да по Киеву,
Заходил в свою полату бѣлокаменну,
Да спросил то как он паробка любимаго;
Шол со паробком да любимым
А на свой на славный на широкій двор,
Заходил он во конюшеньку в стоялую,
Посмотрѣл коня он богатырскаго.
Говорил Илья да таковы слова:
„Ай же ты мой паробок любимый,
Вѣрный ты мой слуга, безъизмѣнны!
Хорошо держал ты моего коня да богатырскаго.
Цѣловал он его во уста сахарніи,
Выводил добра коня с конюшеньки стоялыи
Ай на тот на славный на широкій двор.
Ай тут старья козак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он засѣдывать...

(Гильферд. 448).

Снарядил коня, вооружился сам и поѣхал на Татар...

Не ясен сокол да напускает на гусей на лебедей,
Да на малых перелетных на сѣрых утушек,
Напускает-то богатырь свято-руескіи
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырскаго,
Да поѣхал ли по той по силушкѣ татарской,
Стал он силушку конем топтать,

Стал конем топтать, копьём колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет будто траву косит.

(Гильферд. 452—3).

В концѣ концов Татары были побиты, Калин царь взят в плѣн. В сходной по мотиву былинѣ про Василья Игнатьевича и Батыгу, побѣжденный русским богатырем Батыга „на уход ушел“:

Ай бѣжит то Батыга запинается,
Запинается Батыга, заклинается:
Не дай Боже, не дай Бог, не дай дѣтям моим
Не дай дѣтям моим и моим внучатам
А во Києви бывать да вѣкъ Києва видать

(ibid. 325).

Слова Глѣба: „на любовь прїидох и на мир, а не на рать“, ясно, принадлежали стариной былинѣ про Демьяна, и оттуда взяты автором сказанія. К подобным loci соm-munes древняго русскаго эпоса принадлежат и слѣд. мѣста из настоящаго отрывка: . . . „нападает яро на воинство его и убивает многих нещадно“; князь . . . „ужасеся зѣло и скоро побѣже назад“, „многу честь прїя от господина своего“ в. князя . . . ; наконец, упоминаніе о слугѣ при богатырѣ.

Разсказ о смерти Демьяна Куденевича можно сопоставить с былиной о Сухманѣ Одихмантьевичѣ. Изложим сначала содержаніе былины.

Былина о Суханѣ или Сухманѣ начинается запѣвом общим нѣскольким былинам. У князя Владиміра пир; всѣ веселы, Сухан грустен; всѣ хвалятся, Сухану нѣчем похвастаться; он рѣшается—

Похвастать, непохвастать добру молодцу,
Привезу тебѣ (Владиміру) лебедь бѣлую,
Бѣлу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену.

Ср. тот же запѣв в былинах про Михайла Казарянина (Кирша Данилов, 3-е изд., 139), Михайлу Потыка (ibid. 143) и др.

Собственное содержаніе былины заключ. в слѣд: Сухман прѣзжает к Нѣпрѣ рѣкѣ; Нѣпра течет не по старому, вода с пѣском помутилася: за ней стоит сила невѣрная (Татары), мостит мосты, собирается переправляться и идти к Кіеву. Сухан рѣшается „отвѣдать силы невѣрных“. Выдернул богатырь с корнем кряковистый дуб, взял его за верхушку и напустился на Татар. Всѣх прибил, осталось только три татарина; они

Бѣжали ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
Садились под кусточки под раkitовы,
Направили стрѣлочки каленныя.

Когда Сухан подѣхал к рѣкѣ,

Пустили три татарина поганых
Тыя стрѣлочки каленныя
Во его бока во бѣлыя:

Сухмантій выдергивал стрѣлочки каленныя, заложил раны маковыми листочками

А трех татаровой поганых
Убил своим ножищем-кинжалищем.

Раненый возвратился в Кіев, рассказал Владиміру про свои заработки, но Владимір ему неповѣрил. Сухана он приказал посадить в погреб, а Добрынѣ съѣздить и „провѣдать заработки Сухмантѣевы“. Когда Добрыня, по возвращеніи, подтвердил слова Сухана, Владимір приказал освободить его из погреба; общает ему богатую награду, но он отказывается от ней:

Не умѣл меня, солнышко, миловать,
А теперъ невидать меня в очи ясныя.

Промолвил, а сам

Выдергивал листочки маковые

Со тых ран со кровавых;

Сам Сухмантій приговоривал:

„Потеки, Сухман-рѣка,

„От моя от крови от горючія,

„От горючія крови от напрасныя“

(Рыбников, I, 26—32).

Конец нашей былины походит на сербскую п. о смер-

ти Реля Крылатаго. Реля вмѣстѣ с Марком Королевичем и Милошем убѣгали от Арапов; два послѣдніе упали в ров, вырытый хитрыми врагами. Реля вынес изо рва побратимов, но сам пал жертвой арапской хитрости. Вслѣд убѣгающим юнакам —

... Завика са града Арапка:

„О јуначе, што но два извуче,
„Окрени се, да ти видим лице!“

Превари се Рела от Пазара,
Окрену јој очи и обрве;
А арапка зацјела стријелу
И на Релу шипке оборила;
Двије њега шипке ударише:
Једна, мајко, у срце јуначко,
Друга, мајко, под грло бијело,
И погину, жалосна му мајко!
Лијепо смо њега сахранили,
И у црну земљу погребали...

Јао, Рела, покојна ти душа!

(Filipović. Marko Kraljević, LVIII).

Из засады и нашего Сухмана подстрѣлили враги.

Сравним теперь с былиной летописный рассказ о смерти Демьяна Куденевича.

Однажды „придоша Половци мнози с Давыдовичи и взяша град Дегин и безвѣстно идоша к Переяславлю на вел. кн. Мстислава Изяславича и ноцію придоша к Переяславлю на ранней зарѣ и посад зажгоша, никому же их вѣдящу, яко ратніи придоша; они же оступиша град и бысть во градѣ много смущеніе и плач. Демьян же Куденевич *един выпде из града немля ничто же одьянїя до спльшнаго на себь*, паче же помощію Божіею, и много бив ратных, *настрѣлен же быв от Половец и изнемог возврати ся во град*; ратніи же вси, страхом одержими бѣжаша спѣшно кождо во свояси. Демьян же до конца изнеможе от ран; и скоро тече к нему князь вел. Мстислав Изяславич и мнози дары дае ему и власти обѣщевая; он же рече: „о суетія человѣческаго! кто мертв сый желает дарованія тлѣн-

наго и власти погибающія!“ И сіе рек, усну вѣчным сном и бысть по нем от всѣх велій плачь во градѣ (П. С. Р. Л. IX, 178).

Демьян Куденевич вышел на врагов один без ратнаго вооруженія; Сухман Одихмантьевич, встрѣтившись неожиданно с силой невѣрною, для борьбы с нею пользуется первым попавшимся орудіем—дубиной.

Демьяна ранили в битвѣ; тоже—и Сухана. Демьяну князь обѣщал „многи власти и дары“; Сухмана Владимір хочет „жаловать, миловать“

За его услугу за великую
Городами его с пригородками,
Али селами со приселками,
Аль безсчетной золотой казной.

В отвѣтъ Демьяна князю слышится укор, выраженіе недовольства: „кто мертв сый, желает дарованія тлѣннаго и власти погибающія!“ Лѣтопись не объясняет причин этого недовольства, разочарованія. В былинѣ оскорбленное самолюбіе заставляет Сухмана отказаться от награды Владиміра:

Не умѣл меня, Солнышко, миловать,
Не умѣл меня, Солнышко, жаловать,
А теперь не видать меня в очи ясныя.

По влиянію сказаній об образованіи рѣки из крови героев, народная фантазія создала Сухман-рѣку, протекшую от горячей крови Сухмана

От горячія крови от напрасныя.

Названіе рѣки Сухона могло оказать влияніе на образованіе такого нароста в былинѣ о Сухманѣ (Н. И. Петров. Тр. Кіев. Д. Ак. 1874. Ноябрь, 346).

При очевидном сходствѣ былин о Калинѣ, Сухманѣ и сказаній о Демьянѣ Куденевичѣ, мы все-таки нерѣшаемся признавать исторію о Демьянѣ Куденевичѣ историческим подлежащим указанных былин. Остановимся на том скромном выводѣ, что как лѣтописное сказаніе о Демьянѣ так и соотвѣтственныя великорусскія былины основаны на одном древнем эпическом мотивѣ. В XII в. в Переяславлѣ

он соединялся с именем Демьяна Куденевича; перешедши на сѣверо-восток Руси, он позже вошел в состав былин о Сухманѣ и Калинѣ—царѣ.

И этот вывод имѣет значеніе для вопроса о туземности и устойчивости русских былевых мотивов. В частности, лишается фактической опоры мнѣніе подобное слѣд.: „былина о Сухманѣ, говорит В. Воллнер, по своему трагическому исходу принадлежит к самым прекрасным, но *вмѣсть к наименѣе эпическим* (eines der unepischsten). *Сантиментальный характер этой былины указывает на вліяніе литературное и притом впрямую позднѣйшаго времени.* (Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Leipzig. 1879, стр. 89).

Ниже мы еще встрѣтимся с былиной сантиментальной по содержанію, но несомнѣнно старинной, по основному мотиву.

Вообще же, сантиментальность в народных сказаніях еще не служит указаніем на литературныя вліянія поздняго времени. Многія напр. сербскія пѣсни сантиментальныя по содержанію несомнѣнно туземны и довольно древни.

4. Олеша Попович.

Глава VI.

Лѣтописныя сказанія об Александрѣ Поповичѣ нераз останавливали на себѣ вниманіе изслѣдователей; однако отношеніе ихъ къ былинамъ про Алешу Поповича осталось недостаточно выясненнымъ.

Тверской лѣтописецъ, излагая „Повѣсть о калѣцѣмъ побоищѣ, и о князехъ русскихъ, и о храбрыхъ 70“, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія об Александрѣ или Олешѣ Поповичѣ на основаніи „описаній“ подвиговъ этого хоробра в Ростовской землѣ.

Бѣ нѣкто от ростовскихъ жителей Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него именемъ Торопъ; служаше бо той Александръ великому кн. Всеволоду Юрьевичу, повнегда же дасть кн. вел. Всеволодъ градъ Ростовъ сыну своему князю Константину, тогда и Александръ начать служити Константину. Егда же преставися великій кн. Всеволодъ, Константину невосхотѣвшу быти в Володимери, но у Пречистія Ростовскія и чудотворцевъ излюбы жити, тѣмъ и прошаше Вѣлодимера къ Ростову, а не Ростова къ Володимеру, ту бо омышляше столу быти великому княженію; но не въсхотѣ сего пречистая Богородица. И дасть кн. вел. Всеволодъ столъ свойъ меншему от Константина сыну своему Юрію; тѣмъ Константинъ гнѣвашеся на брата о княженіи, а князь великій Юрійъ многы браны на Константина

въздвиге, хотя с Ростова съгнати его, и не попусти ему Господь. Пришедшу бо ему на нь ратию, Костантин отыде в Костромѣ и тоа съзже; кн. вел. Юрій стоаше под Ростовом, в Пужбалѣ, а войско стоаше за двѣ версты от Ростова, по р. Ишнѣ, бяхуть бо ся вмѣсто острога обрѣу Ишню. Александр же выходя многы люди вел. кн. Юрія избиваше, ихже костей накладыны могыли великы и доныи на р. Ишнѣ, а инии по ону сторону рѣки Уси, много бо людей баше с вел. кн. Юрием; а инии побieni от Александра же под Угодичами, на Узѣ, тѣ бо храбрии выскочивше на кою либо страну оборонаху град Ростов, молитвами Пречистыа. Многажды бо кн. вел. Юрій на братне достоаніе приходаше, но с срамом възвращашеся. Единою выѣде на него из Ростова Костантинъ, и бысть им бой за Юриевым на р. Гзѣ, и тамо побѣди Костантинъ молитвами Пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александром с слугою Торопом; ту же бѣ и Тимоня Золотой пояс. И ту убиша у вел. кн. храбраго Юрату, о сем вельми опечалися кн. вел. Юрій; побѣжден же смирился с братом. Потом прииде на Ярослава Переяславскаго Мъстислав Мъстиславич, тесть его и инии князи, с собою же и Костантина подвигоша, а за Ярослава стал кн. вел. Юрій за брата; и бысть им бой на Липицах и на Юриевѣ горѣ, и ту всѣ полки вел. кн. Юрія изыти, в них же убиен бысть храбрый и безумный боярин Ратибор, иже похвалися сѣдлы наметати супротивных ¹⁾. Князя же Юрія побѣдивше, и на столѣ в Володимерѣ Костантина посади-

¹⁾ В сказаніи о Липецкой битвѣ, помѣщенном в Академич. сп. лѣтоп. рѣчь Ратибора передана так: нѣктоже бояляр князь Юрьевых рече: „княже Юрьи и Ярославе! небыло того ни при праѣдех ни при дѣдех, ни при отцѣ вашем оже бы кто вшел ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышел цѣл, хотя бы и вся Руская земля и Галичская и Киевская и Смоленская и Черниговская и Новгородская и Рязанская, никако противу сей силѣ успѣют; аже нынешніи полци, право наверхем их сѣдлы“. И любя бысть рѣчь кн. Ярославу. (Лавр. л. стр. 470).

па; два же лѣта Константин быв князь великій, паки стол дасть брату Георгію, а дѣтем Ростов и Ярославль, а самъ в Господу отходить.

Не смотря на довольно сухой перечень событій из жизни Александра Поповича, все-таки в изложеніи лѣтописца пробивается струя народно-поэтическая. Александр является здѣсь уже богатырем: личность и подвиги его заслоняют собою дѣятельность другихъ участников в междоусобной брани князей Юрія и Константина. За симъ слѣдуетъ часть наиболѣе нас интересующая по сравненію с народно-поэтическими мотивами.

Видѣвъ же Александр князя своего умрыша, а Юрія сѣдша на столѣ, размышляше о животѣ, еда како отдасть мыщеніе кн. вел. Юрята ради, и Ратибора и инѣхъ многѣхъ от дружины его, ихже изби Александр; вскорѣ смислив, посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся в то время, и съзываетъ ихъ к собѣ в городъ, обрыт под Гремячимъ колодеземъ на р. Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ ститъ пуст. Ту бо събравшеся съвѣтъ сотвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженіямъ, то и нехотя имутъ перебитися, понеже княземъ в Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю в матери градомъ Кіевѣ. Бѣ же тогда в Кіевѣ кн. вел. Мстиславъ храбрый Романовичъ Смоленскаго и Володимеръ Руриковичъ Ростиславича, в то же время Мстиславъ Мстиславичъ в Галичи, и быша челомъ вси тѣ храбрыи великому кн. Мстиславу Романовичу, о нихъ же кн. вел. вельми гордяшеся и хваляшеся. (П. С. Р. Л. XV 336—38).

Тотъ же самый мотивъ развивается в старинѣ про Алешу Поповича, записан. в г. Мезени А. М. Никольскимъ (Ефименко, Матеріалы по этнограф. рус. насел. Арханг. губерн. 2 ч., стр. 25—26).

Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ,
У того попа Ростовскаго
Едино было чадо милое
Удалъ добрый молодецъ на возрастѣ,

По имени Алешинька млад,
И стал Алешинька конем владѣть,
И стал Алешинька мечем владѣть.

Приходит Алешинька к своему родителю и просит у него
благословенія

Ѣхать да во чисто поле во раздольице
Ко тому ли ко синю морю. . . .
И просил он себѣ у роднаго батюшки
У того ли попа Ростовскаго
Себѣ дружинишу хорошую,
Хорошую да хоробрую.

Отец дал сыну благословеніе с буйной головы до рѣзвых
ног.

И пошел же Алешинька на конюшен двор
Со своею дружиною хоробрую,
И брали они коней добрых,
Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія
И затягивали подпруги шелковыя
И застегивали костылечки булатныя
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговаривают:
„Уж ты конь, ты конь, лошадь добрая!
„Не оставь ты конь во чистом полѣ,
„Сѣрым волкам на растерзанье
„Черным воронам на возграенье,
„А сильным паланицам на восхваленье“.

Вооружились сами и выѣхали из роднаго города.

У рѣе молодцы нестайвали,
Перевоза молодцы некривявали,
Они ѣхали из утра день до вечера,
И доѣхали до разстаньюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка во Киев град,
Друга дорожечка во Чернигов град,
Третья дорожечка ко синю морю
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,

На тѣже тихи вешни заводѣи.

На распутьи трехъ дорогъ происходитъ совѣщаніе Алеша Поповича съ дружиной, подобно совѣту Александра Поповича съ храбрами на рѣкѣ Гдѣ подъ Гремучимъ ключемъ.

Говорилъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:

„Ужъ ты, гой еси, дружина хоробрая,
„Въ котору дорожку нашъ путь лежитъ,
„Въ Кіевъ ли ѣхать, аль въ Черниговъ,
„Аль въ тому морю синему?“

И говоритъ дружина хоробрая:

Ужъ ты, гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Если ѣхать намъ да въ Черниговъ градъ,
Есть въ Черниговѣ вина заморскія,
Вина заморскія да заборчивыя,
По стаканчику выпьемъ, по другому хочется,
А по третьему выпьешь, душа горитъ.
Есть тамъ калашницы хорошія,
По калачику съѣдимъ по другому хочется,
По другому съѣдимъ по третьему душа горитъ.
Есть тамъ дѣвушки хорошія,
Если на дѣвушку взглянешь такъ загуляешься.
И пройдетъ про насъ славушка не малая
Отъ востока слава до запада
До того города до Ростовскаго,
До того ли попа до Ростовскаго
До твоего батюшки родителя.
Поѣдемъ-ко мы, Алешинька, въ Кіевъ градъ
Божьимъ церквамъ помолитися,
Честнымъ монастырямъ поклонитися.

И поѣхали они въ городу въ Кіеву.

Былина отражаетъ въ себѣ явственныя слѣды удѣльно-вѣчевой эпохи, — той же, въ которой относится и лѣтописный разсказъ: Алеша Поповичъ и его дружина хоробрая — дѣти города Ростова. Уѣзжая въ Кіевъ, они заботятся о томъ, чтобы неперіобрѣсти себѣ дурной славы въ Ростовѣ; о Свято-Русь-землѣ еще нѣтъ рѣчи. Замѣчательный фактъ устойчивости русскихъ народно-поэтическихъ мотивовъ. Общій тонъ,

план и отчасти содержание былины и летописнаго разсказа весьма сходны. Очевидно, по крайней мѣрѣ, с XVI ст., когда составлялся тверской свод, наша былина измѣнилась немного.

Нѣкоторыя общія черты былины и сказанія принадлежат к *loci communes* стариннаго русскаго эпоса. Таков напр. мотив о совѣщаніи удальцов перед отъѣздом в чужіе края. Ср. напр. Гильферд. Онежск. был. N 173 стр. 875. Еще любопытнѣе слѣд. малорусская колядеа:

А в ліску, в ліску—й а в Недоборі
Блудило блудців—сімсот молодців,
Сім сот молодців—самих вібранців.
Приблудило сі—над бистрий беріг,
Над бистрий беріг, над сине море.
Ой станьмо браєі—та порагьмосі,
Та порагьмосі—та ни зрагьмосі,
Та ни здаваймо на жінки срібло,
На жінки срібло—на гівки злото,
Й-але зложім сі по дзолотому,
По дзолотому, по червоному.
Та купім собі дзолотий човниє,
Дзолотий човниє—срібле веселце,
Та пускимо сі краєм Дунаєм,
Краєм Дунаєм до Сорокова.

Ми там чуємо—доброго пана,
Доброго пана, гой, пана Лесі,
Що він нам на рік добре платит.
Гой платит, платит по сто червоних,
По сто червоних, по сто сім злотих,
По сто сім злотих—по коню роню,
По коню роню, по яще сідла,
По яще сідла—шабелька срібла...

Kolberg, *Roscucie I*, 107.

В Никоновск. летопись занесены отрывочныя извѣстія о дѣятельности Александра Поповича в Кіевѣ при Владимірѣ. Разсмотрим эти извѣстія в связи с данными народнаго эпоса.

В лето 1000 приде Володарь с Половцы в Кіеву,

забыв благодѣянїя господина своего кн. Владиміра, дѣмоном научен. Володимеру же тогда в Переяславци на Дунаи: и бысть смятеніе велие в Кіевѣ. И изыде пощю во срѣтеніе им Александр Попович, и уби Володаря, и брата его и иных множество Половец изби, а иных в поле прогна. И се слышав Володимер, и возрадовася зѣло, и возложи на нь гривну злату, и сотвори и вельможа в полатѣ своей.

Нечего и напоминать, что извѣстіе это ложно в историческом отношеніи. Оно интересно по сравненію с рассказом мезенской былины об освобожденіи Алешей Кіева от Василия Прекраснаго.

Кіев осадили Василий Прекрасный: хочет стольный город в полон взять, пожечь святыя церкви, князя Владиміра повѣсить, а княгиню Евпраксію Нивитишну замужъ взять. Алеша предлагает дружинѣ напасть на врагов и освободить от бѣды Кіев град:

Выслуга наша не забудется,
А пойдет про нас слава великая
Про выслугу нашу богатырскую
И узнает про нас старый козак
Илья Муромец сын Иванович,
Недошедши старие нам поклонится.

Напускался он с дружиной на рать Василия Прекраснаго, —
И прибили тое силу рать великую,
Кое сами кое кони топчут,
И разбѣжалась рать сила великая
По тому полю широкому,
По тѣм вустам ракитовым,
Очистила дорогу прямоѣзжуѣ.

Заѣзжали богатыри в Кіев град. Опускаем изложеніе вставочнаго эпизода о том, как богатыри, обиженные холодным приѣмом Владиміра, уѣхали из Кіева и возвратились снова туда благодаря лишь участію Ильи Муромца. Приѣхавших гостей с почетом встрѣчали Илья Муромец с князем Владиміром и княгиней Апраксією:

По колѣно-то у Апраксіи наряжены ноги в золото,

А по локоть-то руки в скатном жемчугѣ,
На груди у Апраксія камень и цѣны ему нѣт.
Недошедши Апраксія низко повлонила
И тому же Алешеньѣ Поповичу:
Уж многолѣтно здравствуй ясен сокол,
А по имени Алешинька Попович млад!
Побѣдил ты немало силы нонь
И слободил ты наш крашен Киев град
От того ли Василя Прекраснаго.
Чѣм тебя мы станем теперь Алешу жаловать —
Пожаловать нам села со приселками,
А города с пригородками
И тебѣ будет казна незатворена,
И пожалуй бо ся ты к нам на почестен стол.
Брала его за бѣлую руку, вела в гридню столовую, сажала за столы дубовые, угощала розналивчатыми напитками и кушаньями сахарными,
И стали Алешиньку тут жаловать
Села со приселками, города с пригородками,
А казна-то была ему незакрыта

(Ефименко, стр. 28).

Сходство быliny с лѣтописным извѣстіем весьма замѣтно. Несомнѣнно в XVII в., когда внесено было извѣстіе об Александрѣ Поповичѣ в Нивоновскую л. оно было еще сильнѣе; тогда вмѣсто Василя Прекраснаго враг мог имѣть другое имя, менѣе носившее на себѣ слѣды книжных вліяній.

В лѣто 1001. Александр Попович и Ян Усмошвец, убивый Печенѣжскаго богатыря, избиша множество Печенѣг и князя их Родмана и с тремя сыны его в Киев к Володимеру приведоша. Володимер же сотвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквам и по монастырем, и убогим и нищим, и по улицам больным и клосным великія кади и бочки меду и квасу и перевары и вина поставляше, и мяса и рыбы и всякое оwoщие, что хто требоваше и ядаше.

Хотя и неизвѣстны быliny об Алешѣ Поповичѣ, со-

держаніе которых соотвѣтствовало бы этому извѣстію, однако ясно, что здѣсь сокращенно изложена существовавшая былина про этого богатыря. В былинах обыкновенно счастливый подвиг богатырей оканчивается пиром у Владимира: богатыри —

Ай пріѣхали, как сказали вѣдь,
 Что убит безбожный Калин царь
 А со всѣю со рать силой великою.
 Ай как тут солнышко как Владимір князь
 А на радости на великійей
 Ай как тут для удалых для молодцов
 Забирал столованье почестен пир;
 Ай как начали пить, кушать вѣдь, добром про-
 клаждаются,
 Ай как над собой незгоды болѣ начинаются.
 Ай как публиеовал указы он строгіи
 Ай по городу по Києву,
 Разотворил как он всѣ кабаки, конторы он,
 Что бы весь народ как пил да зелено вино;
 Кто не пье зелена вина,
 Тот бы пил да пива пьяныя,
 А кто неьет пивов пьяныхъ,
 Тот бы пил меды стоялые, —
 Что бы всѣ да веселилисе.
 Ай топерь да послѣ этого
 Ай тому да всему да славы поют.
 Ай Дунай, Дунай,
 Болѣ вѣкъ незнай.

(Гильферд. Онежск. был. стр. 384).

Третье извѣстіе очень кратко; трудно сопоставлять его с былинами. В лѣто 6512. Идоша Печенѣги на Бѣлград. Володимер же посла на них Александра Поповича и Яна Усмошвеца со многими силами. Печенѣги же слышавше побѣгоша в поле.

Очевидно, сказанія Никеоновск. л. об Александрѣ Поповичѣ по своей основѣ чисто эпическія. Несомнѣнно, имена Володаря, Родмана, Яна Усмошвеца совершенно

внѣшним образом шиты с эпической канвой сказаній. „Что касается до тѣх событій, говорит Костомаров, в которых, по Нивоновсе. сп., участвует Александр Попович, то они вымышлены книжником. Половцы, которых привел какою-то Володарь, по всѣм извѣстным нам другим древнѣйшим спискам, пришли и столкнулись с русскими уже гораздо позже, и едвали могли находиться в древнем спискѣ во времена Владимира, а тѣм болѣе не было подручно Владимиру находиться в Переяславцѣ на Дунаѣ. Быть может что нибудь и существовало в народных сказаніях о подвигах Александра или Алеши Поповича, аналогичное извѣстной нам по былинам его побѣдѣ, одержанной над Тугарином Змѣевичем; быть может, это подало книжнику повод, передѣлав такое сказаніе по своему, представить то, что он представил; но такая передѣлка имѣла бы для историка преданій о Владимирѣ такое же значеніе, как и чистая выдумка. Что касается до Яна Усмошвеца, то он здѣсь не болѣе, как выдумка книжника, вздумавшаго дать собственное имя силачу, побѣдившему Печенѣга; он сочинил это имя на основаніи извѣстнаго ему занятія силача; сверх того, книжнику хотѣлось продолжить его богатырскую дѣятельность, так как он знал, что Владимир сдѣлал большим человѣком побѣдителя Печенѣга, а потому прилично этому большому человѣку совершать богатырскіе подвиги и послѣ своего возвышенія (Историч. монограф., XIII, стр. 205).

Автор тверск. лѣтоп. упоминает об „описаніях“ подвигов Олѣши Поповича, которыми он пользовался. Вѣроятно, в редакціи, бывшей в его руках, как болѣе древней, неговорилось ничего о подвигах Олѣши в Кіевѣ при Владимирѣ. По мѣрѣ развитія былин об Олѣшѣ, отнесенія его к циклу Владимірову, составлялась, вѣроятно, и повѣсть о нем, в которую входили существовавшія былины о дѣятельности его в Кіевѣ на службѣ кн. Владимиру. К фактам народно-поэтическим в ней присоединились домыслы грамотѣев, вызванные стремленіем тѣснѣе связать Олѣшу Поповича со временем Владимира, с историческими и сла-

зочными лицами эпохи этого князя. Автор Никоновск. лѣтоп., вѣроятно, имѣл под руками такую повѣсть, простодушно принялъ домыслы книжника за историческій фактъ, извлекъ из нея нѣсколько извѣстій об Олешѣ и заполнил ими пустые годы в болѣе древнем спискѣ лѣтописи.

Ясно, что в XVI и XVII ст. Олеша Поповичъ еще не имѣлъ характера богатыря — представителя духовнаго сословія: онъ представлялся еще какъ дружинникъ — храбор. Да и в теперешнихъ былинахъ образъ его двойится: то онъ — *смѣлый*, — нѣтъ смѣлѣе его во всемъ Кіевѣ —, то онъ — на смѣшникъ женскій, хвастунъ и коварный челоуѣкъ.

Сходство былевыхъ мотивовъ об Алешѣ и лѣтописныхъ сказаній об Александрѣ Поповичѣ, бывшее неяснымъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ (Ягичъ О славянск. народн. поэзіи. Слав. Ежег. 1878 г., стр. 199), благодаря мезенской былинѣ, становится очевиднымъ.

Тожество имен *Александра* и *Алеша* черезъ посредств. ф. *Олеша* уже признано давно (Отчетъ о XIV присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 77).

Итакъ, былевой герой Алеша Поповичъ в дѣйствительности назывался Александромъ, уменьшит. Олешей Поповичемъ, жилъ в XIII в. и былъ хоробромъ в дружинѣ Ростовскаго князя. Пользуясь принадлежавшимъ дружинникамъ правомъ свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, Олеша, по смерти ростовскаго кн. Константина, отбѣжалъ съ нѣкоторыми товарищами изъ Ростова в Кіевъ. На службѣ Кіевскаго князя онъ и умеръ; можетъ быть, былъ убитъ в битвѣ съ Татарами на Калкѣ, если только не домыслъ книжника лѣтописное сообщеніе: „и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ (на Калкѣ)“. П. С. Р. Л. XV, 342.

Имѣемъ основаніе не соглашаться съ мнѣніемъ г. Квашнина—Самарина, будто Алеша Поповичъ — богатырь южно-русскій, кіевскій, приуроченный къ Ростову в Суздальскій періодъ русскои исторіи (Русск. Вѣстн. 1874 г. Сентябрь, 42—4).

Вмѣстѣ с Тимоней или Добрыней — Золотым поясом Рязанием Олеша Попович открывает ряд богатырей сѣверо-русских.

„В позднѣйших козацких пѣснях, говорит г. Ровинскій, Алеша называется Алексіем Поповичем Пирятинским, писарем войсковым, казаком лейстровым, и дѣйствует на морѣ“ (Русск. нар. картинки IV, 101). В основѣ малорусской думы об Алексіи Поповичѣ „мы можем, говорит г. Безсонов, усматривать дѣйствительное воспоминаніе о богатырѣ Алешѣ Поповичѣ, занесенное или уцѣлѣвшее от старины живым слѣдом (Кирѣвск.. в. 4, примѣч. XXVII). Сближеніе неточное. Кромѣ внѣшняго совершенно случайнаго совпаденія в названіи героя малорусская дума и великорусская былина представляют созданія совершенно различныя по происхожденію и содержанію.

Справедливо сравнивают думу об Алексіи Поповичѣ с извѣстным эпизодом былин о Садеѣ. Только совпаденіе это вовсе не указывает на то, что в основаніи этих сказаній лежит „мотив древнѣйшій, былевой, эпическій“: „спасеніе корабля среди бури через жертву одного виновнаго брошеннаго в море“ (ibid.). Этот мотив встрѣчается нерѣдко в житійных сказаніях о чудесах различных святых, и отсюда весьма естественно мог зайти в устно-народную словесность. Малорусская дума об Алексіи Поповичѣ и былина о Садеѣ могли возникнуть совершенно независимо одна от другой, именно, под вліяніем распространенных книжных житійных сказаній. Нравоучительный характер малорус. думы вполне отвѣчает этому предположенію.

Помѣщаем здѣсь наиболѣе любопытныя сказанія на мотив думы об Алексіи Поповичѣ и былины о Садеѣ.

Чудо св. Михаила Клопскаго о купцѣ. (Памяти. стар. русск. литературы изд. Кушел—Безбородк. IV стр. 48).

К сему святому *купецъ нѣкій Великаго Новгорода*, именем Михаил, велику любовь имяше, тогда еще в животѣ святому суцу; по отшествіи же святому во Господу,

случися купцу оному ити по морю в латинскія страны куплю дѣяти; и тамо ему многа имѣнія пріобрѣтшу молитвами святаго, егда же во своя возвратися, и паки в корабль шед, морем шествует; егда же в пучинѣ плавающу, тогда ненавидѣй добра роду человѣческому враг бурю зельну в мори воздвизает и плавающим бѣду велію и скорбь наводит; сим же тако бѣдующим купец той в умѣ святаго имѣй, со слезами того на помощь призывает; святой . . . на помощь тому ускори и явленнѣ себе всѣм показа . . . діавола же прогна и море укроти, и паки невидим бысть има. Купцу же молитвами святаго паки благополучнѣ плывущу и своего отечества достигнувшу и во обитель святаго пришедшу и со слезами чудоносному гробу припадающу и смерти избавителя многих душ святаго нарицающу и всѣм явственно чудо проповѣдающу, слышаще же братія и игумен удивишася и прославиша Бога.

Чудо блажен. Исидора юродиваго ростовскаго (из Четыхъ — Миней Дмитр. Ростовск.).

Сотворися бо чудо дивно и пезабвенія достойно: купцы нѣцци по морю с куплею своею в корабль плаваніе творяху, и внезапно на нѣкоем мѣстѣ корабль ста, и неможаше двинутися отуду, и разбивашеся волнами, вси же в нем бывшіи, отчаянся живота своего, и ожидаху смерти; таже умыслиша метнути жребія, кого ради корабль ста, и волнами разбиваемый есть и паде жребій на единого от них купца из града Ростова, идѣже святой Исидор жительствоваше. Посадиша убо купца того на доску, и пустиша в море, и двинуся скоро корабль от онаго мѣста, а человек той на дсцѣ волнами носимый уже во вратѣхъ смертныхъ бѣ, ни от когоже чаючи помощи: и се внезапно предста ему угодникъ Божій Исидор, по морю яко по суху ходяй и глаголяй к нему: знаеши ли мя человекче? купец же едва проглаголати возмог, рече: о рабе Божій, Исидоре! в нашемъ градѣ жительствоуй, неостави мене в мори сем погружаема, но помози мнѣ окаянному и избави мя от горькія смерти. Святой же взял его за руку и на дсцѣ оной посади и бяше ему дска, аки ладія, верху воды не-

погрязновенно плавающая. Святый же управляя ю погна скоро вслѣд корабля и достиг до того, всади в корабль челоуѣка цѣла, здрава и ничим же врежденна. Запрети ему, глаголя: никоуму же повѣдай о мнѣ, но съазуй, яко божественная сила избави тя от глубины морскія.—

Из Пролога: в 19 д. м. Марта, Слово о женѣ, за-
клавшей два дѣтища своя.

Повѣдаше монах Палладій, глаголя: яко слышах от нѣкоего корабленика, глаголюща: яко единою ми пловущу, рек, по морю в корабли, имѣх же многи всадники. И проходящим нам море, всѣм прочим добрѣ пловущим, овым убо в Константинь град, овым же во Александрію, другим же индѣ, комуждо вѣтру поносну суцу егда пловущим тѣм. Мы же пребыхом 15 дній, непоступающе от мѣста идѣже быхом. И бѣхом во мнозѣ стуженіи и недомышленіи, глаголюще: что убо есть сіе; Аз же навклир имѣх печаль о корабли, и иже в корабли суть, вси начахом молити Бога, за что сіе; и како еже никаможе поступающу кораблю; Единою же ми бысть невидимо глас глаголя: верзи Марію в море, и стройно ти корабль поидет. Аз же помыслих, рекій, что убо сіе будет; и кто есть Марія; И яко недомышляхся о сем, паки прииде ми глас второе глаголя: верзи Марію в море, и гонзнет. Тогда аз умыслих сице, и возвах напрасно: Маріе, рекій. Она же, возлежащи на постели своей, отвзася, рекущи: что господине велиши! Тогда рѣх ей: сотвори любовь, дойди сѣмо. Она же вставши прииде. И поем ю отведох едину, и рѣх ей: видиши ли, сестро Маріе, какія грѣхи имаю аз, яко вси вы мене дѣля имате погибнути; Она же вельми воздохнувши рече: по истинѣ господине навклире, аз есмь грѣшница. Паки же аз рекох: жено, кія грѣхи имаши; Она же рече: лютѣ мнѣ, яко нѣсть грѣха, его же не сотворих окаянная, моих ради грѣхов, вси имате погибнути. Таже потом рече: по истинѣ, господине навклире, аз окаянная мужа имѣх, и два дѣтища: первый 9 л., а другій 5 л. Таже потом умре муж мой, и пребывах вдова. Живяше же убо вкрай мене воин, и аз хотѣх, дабы мя поял жену себѣ,

и послах к нему. Воин же рече: не поиму тебе, имущу дѣти инаго мужа. Тогда аз услышах, яко нехощет мене пояти дѣтей дѣля, етому же и любящи их: и заклах дѣти моя, окаянная, и вѣсть ему послах, рекущи: уже не имам ни одинаго дѣтища. И яко то слышав воин о дѣтищах тѣх, еже есмь сотворила, и рече: жив Господь, живый на небесѣх, яко не поиму ея. Аз же того убоявшись окаянная, и помысливши себѣ, егда сіе увѣдят суди, и уморят мя, и того дѣля бѣжах ¹⁾). И сіе слышав аз от жены тоя,

¹⁾ Подобный мотив развивается в нѣкоторых малорусских пѣснях. Ср. напр. Kolberg Rokucie, П, 44—46.

Ой на горі могилочка,
Росте на ній дівиночка,
Висить на ній гадиночка;
На гадину сонце пиче,
А з гадини трута тиче.
Підстав дівче коновочку,
Най натиче трути з рота,
Тим зчаруеш свого брата.
И зчаруеш брата свого
За для мене молодого.
Брат до міста за дарами,
Сестра в поли за чарами;
Брат у місті дар купуе,
Систра ему чар готуе.
Брат из міста з дарунками,
Систра д' нему з чароньками.
Ой, на! брати, тай напий-сі,
Ти з дороги а струдив-сі.
Ой пий, сестро, вперед сама,
Аби-с міні щось ни дала.
Та пий, брати, я вже пила,
Лиші-м тобі ще лишила.
А брат того як напив-сі,
По конику повалив сі.
По конику вороненькім,
По сіделку золотенькім.
Ох, дай, сестро подушечку,

и паки нехотѣх ея вовреци в пучину морскую. Но сице умыслих и рѣх ей: се аз пребываю в корабли, да вѣси убо, жено, аще непойдет корабль, то мои грѣси держат корабль. Таже возва корабленики, и свѣсиша малый кораблец, и небысть ми ничтоже, ни поступи великій корабль. И рѣх женѣ: сниди в малый кораблец. Она же сниде. И абіе кораблец ни до пятижды обратися, стрем-

Най сі приспю хот трошечку.
Що то, сестро, тай за пиво,
Що воно ні так звелило.
Тільки-м, сестро, світом ходив,
Ще-м такого пива не пив.
Бігай сестро по сосіди,
Най сі с ними попрощаю,
Най з гріхами ни вмираю.
Сосідї нім ще прібули,
Очка его раз зринули.
За дарунок з срібла злота,
Іду марни з сего світа.
Ой, Сирбину, Сирбиночку!
Сватай мене дівчиночку.
Примха тибє буде сватав,
Зчаровалас свого брата.
Зчаровалас брата свого,
Тай ще мене молодого.
Брат в могилі зпочиває,
Систра очи протирає.
Ввійшло дівче до світлиці,
Вдаряло сі в обі лиці.
Бідна ж моя головочко!
Що ж я типер наробила,
Ані брата, ни Сирбина.
Ні Сирбина ані брата,
Пішла ж би я за жибрака.
Жибрак ходит, хліба просит,
А дівчина торбу носит.
Що віпросит, а все в торбу,
А дівчину гайда в морду.

глав ко дну иде и погрязе; великій же корабль поплы
стройно. И три дни по сем пловуще, преидохом еже бѣ-
хом прешли за 15 дній.

Аналогично приведенным чудо Михаила Клопскаго о
попъ невърующем (Памятники Куш. Безб., IV, 49) и
мн. др.

РЯД ВТОРОЙ:
БОГАТЫРИ ТАТАРСКОГО ПЕРИОДА.

Глава VII.

С нашествіем Татар начинается на сѣверо-востока Руси борьба с ними населенія,—борьба долгая и упорная, большею частію скрытая и глухая, иногда выходившая наружу в видѣ народных возстаній, поголовных избіеній татарскихъ кушцов, чиновников и пр. Сценой борьбы были главным образом окраины, границы русской территоріи. С образованіем Московскаго княжества пограничная борьба принимает вид болѣе правильной и систематической обороны. Устраиваются пограничныя крѣпости, острожки, учреждается пограничная стража — с цѣлію слѣдить за движеніями кочевников и оберегать границы государства — русской земли. Первое извѣстіе о такой стражѣ находится под 1360 г. (Бѣляев, О сторожев. станичн. и полевой службѣ на Польск. Укр., стр. 1, прим. 1).

В это время сложился образ богатырей, стоящих на заставахъ, оберегающих границы свято-русской земли.

Исслѣдователи былеваго эпоса относят эту черту в Кіевскій період русской исторіи. „Разсматривая всѣ черты былины (Владимір. ц.), нельзя не придти к убѣжденію, что в ней отразилась эпоха, бывшая второю в исторіи Кіевской Руси, эпоха оборонительной борьбы со степью; первый же період представлял эпоху наступательной борьбы с Византіей. И в былинах остались слѣды и этой первой эпохи“ (Е. Барсов. Сѣверн. н. сказ. о древн.-рус. кн. и царях. Д. и Н. Россія 1879, N 9, стр. 402).

Борьба со степью велась в Московской Руси в равной мѣрѣ как и в Кіевской. Только характер этой борьбы

в Московской Руси был иной. Ширь степей, полякованье—
козакованье Московским служилым людям пришлось промѣ-
нять на тѣсноту острожков, стояніе на заставах и обереганіе
границ. Идеальным героем до-Татарской Руси был дружин-
ник—хоробер; в татарско-московскую пору таким стал бога-
тырь — стоятель и оберегатель. В „Сказаніи о Кѣвских
богатырях“ относимом издателем, Е. В. Барсовым, к нача-
лу XVII в., но сохраняющем в себѣ былевья формулы бо-
лѣе раннаго времени, чрезвычайно мѣтко-образно выраже-
на борьба стараго порядка с новым — дружинников, при-
вывших поляковать, с требованіями о стояньи и стороженьи,
исходившими из новаго центра Руси, Москвы.

Владиміръ — образ московскаго великаго князя — полу-
чив извѣстіе о намѣреніи цареградских богатырей „изгуби-
ти Кѣв“ приказывает богатырям никуда неразѣзжаться,
а беречь Кіев и всю его вотчину.

А возговорят богатыри таково слово:

Государь князь Владимир Кіевской!

Сторожем мы в землѣ не извадились жить,

Недоветца нам сторожами слыть.

.

Не извадились мы сторожемъ стеречи,

Только мы извадились в чистом полѣ ѣздити,

Побивать полки татарскіе.

Отпусти нас государь в чистое поле,

Мы тебѣ государю прямые вѣсти отвѣдаем

Или тобѣ приведем языка добраго.

Владиміръ не рѣшился отпустить богатырей, и послѣдніе
самовольно оставили Кіев град, „поѣхали в чистое поле;
ѣдут по чистому полю, возговорят меж собой таку посло-
вицу:

Лутче бы мы тоѣ срамоты великія неслыхали,

Нежели мы от князя в очи такое слово слышали,

Хотя б мы люде недородились,

Да были бы мы богатыри недобрыя,

И нас бы в Кѣвѣ

Сторожи стеречи незаставляли.

(Богатырьск. Слово Е. В. Барсова, 12—14).

Время взяло свое: служилым людям пришлось никуда не разбѣзжаться и беречь Московскаго князя и всю его вотчину — Свято-Русскую землю.

Быт московских станичников в былинах рисуется яр-ко и живо. За чертами татарской эпохи в них нельзя раз-смотреть того, что принадлежало болѣе раннему времени, что перешло на сѣвер из Кіевской Руси, из эпизодов борь-бы Кіева со степью.

Сподобляется старый казак Илья Муромец
Во далече, далече, во чисто поле,
Сѣдлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он потеси,
На потеси сѣдельшко черкасское,
Подвязывал двѣнадцать потесей,
Подвязывал шелвами муханскими
Не для-ради красы, басы, угожества, —
Для-ради закрѣпы богатырьской.
Пряжки клал мѣди казанской,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдучи,
Одна курева стоит во чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.
Приѣзжает Илья во чисто поле,
Ко тому дубу ко Невиду,
Ко тому кресту Леванидову
К бѣлому ко каменю к Олатырю.
Раздернул ён свой бѣл шатер,
Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшеницы бѣлояровой,
О шатер поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил 40 сажен,
На деревце повѣсил три кисточки,
Три кисточки повѣсил золоченных,

Не ради красы, басы, угожества,
Для—ради призрашки богатырской,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Илья Муромец в чистом поли,
На этой на заставы великоей.

Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются,
Собрались 12 богатырев,
На эту на заставу великую.

Гильферд. 708—9.

Выѣзжали на Сафат-рѣку
На закатѣ краснаго солнышка
7 удалых русских витязей,
7 могучих братьев названных . . .
Перед ними раскинулось поле чистое,
А на том на полѣ старый дуб стоит,
Старый дуб стоит кряковистый,
У того ли дуба три дороги сходятся . . .
Становились витязи на распутии,
Разбивали бѣл полотнян шатер,
Отпускали коней погулять по чисту полю;
Ходят кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипывают,
Золотой уздечкой побрякивают;
А в шатрѣ полотняном витязи
Опочив держат. Кирѣевск. IV. 108.

Подобно Московским станичникам, находившимся под властью атаманов, под-атаманов и пр., устраиваются и богатыри на своей заставѣ:

Под славным городом под Кіевом,
На тѣх на степях на цигарских
Стояла застава богатырская:
На заставѣ атаманом был И. Муромец,
Под-атаманье был Добрыня Н. млад,
Есаул Алеша поповскій сын . . .

Стоявшіе на заставах сторожи должны были слѣдить за движеніями кочевников: тоже и богатыри.

Ай на славной Московской на заставы
Стояло 12 богатырей их святорусских,
А по ней по славной по Московской по заставы
Ай пѣхотою никто да непрохаживал,
На добром кони никто тут непроѣзживал,
Птица чернѣй ворон непролетывал,
Ай ще сѣрый звѣрь да непрорысывал.

Гильферд. 461.

„Если станичники завидят воинских людей на дальних урочищах, наказывал кн. Воротынскій станичникам по порученію Грознаго, то им посылать посылки по три, по четыре, или сколько будет пригоже, посмотря по людям и по дѣлу, от которых мѣст пригоже, а не от одного мѣста, чтобы, проѣздав подлинно про неприятеля, на какия мѣста он идет, самим с подлинными вѣстями спѣшнѣе на-скоро в тѣ города, на которые пойдет неприятель“ (Соловьев, Ист. Рос., VII, 27). Ср. в былинѣ про Жидовина: мимо заставы богатырской незамѣтно проѣхал Жидовин — богатырь. Добрыня пробирал свою братію приборную:

„Ой вы гой еси братцы ребятушки!

„Мы что на заставушеѣ устояли?

„Что на заставушеѣ угладѣли?

„Мимо нашу заставу богатырь ѣхал!

Собирались они на заставу богатырскую,

Стали думу крѣпшею думати:

Кому ѣхать за нахвальщиком

Положили было на Васью Долгополоаго; но Илья Муромец, атаман, нашел это неудобным. Не годились также Гришка Боярскій, Алеша Попович, Добрыня Никитич; пришлось ѣхать самому атаману (Кирѣевск. I, 47).

Подвиги русских удалцов в борьбѣ с Татарами были прославлены великорусскими пѣтарями в былинах татарскаго періода. Мнѣніе А. Н. Веселовскаго, будто русскій эпос „почти не коснулся татарина, этого сравнительно поздняго врага русской земли“ (Южно-русскія был. 39), не имѣет никаких основаній. Правда, мотивы поэзіи татарской эпохи как то расплылись в русском эпосѣ. Фантазія

пѣтарей воспользовалась готовыми поэтическими образами, и богатырей предыдущей эпохи привлекла к татарщинѣ; но создала и много новых образов. Період борьбы с Татарами для Великороссов был героической эпохой; для поэтическаго народнаго творчества он имѣл такое же значеніе, как у Сербов вѣка борьбы с Турками, у Мало-россов эпоха казацких войн. Можно сказать, что в борьбѣ богатырей именно Татарами заключается суть русскаго былеваго эпоса.

Былевое творчество татарскаго періода ярко отразилось уже в раннем письменном памятникѣ этой эпохи — в „повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань“ (Срезн. Свѣд. и Замѣтки, XXXIX). Сюда занесены два эпизода, несомнѣнно основанныя на народных былинах: а) о смерти рязанск. кн. Феодора и самоубійствѣ его жены Евпраксіи и б) о Евпатіи Коловратѣ.

1. Рязанскій князь Федор Юрьевич.

Рязанскій кн. Юрій Ингоревич „посла сына своего кн. Федора Юрьевича Резанскаго к безбожному царю Батю с дары и моленіи великими, чтобы невоевал Резанскія земли. Кн. Федор Юрьевич приде на рѣву на Воронеж к царю Батю и принесе ему дары и моли царя, чтобы невоевал Резанскія земли. Безбожный царь Батый лестив бо и немилосерд пріа дары и охабися лестію невоевати Резанскія земли. И ярся хвалися воевати русскую землю, и нача просити у Резаньских князей тщери или сестры себѣ на ложе. И нѣвѣи от вельможъ Резанских завистию насочи безбожному царю Батю на кн. Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собѣ княгиню от царска рода. Она ж и лѣптоку тѣла красна бѣ зѣло. Царь Батый лукав. лестію и немилостив в невѣрїи своем, пореваем в похоти плоти своей, и рече кн. Федору Юрьевичу. Дай мнѣ, княже, вѣдѣти жены твоей красоту. Благовѣри. кн. Фед. Юрьевич посмѣяся и рече царю. Недостойно бо е нам христіаном тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас пріодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши. Безбожный царь Батый възъярися зѣло и о-

горчися. И повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго кн. Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи звѣрем и птицам на растерзаніе. И иных князей нарочитых и людей воинских побил. И един от пѣстун кн. Ф. Ю. укрывся именем Аполоница, зря на блаженное тѣло честнаго своего господина горько плачуцися. И видѣ его никим брегома и взя тѣло возлюбленнаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благовѣрной кн. Еуправсѣи. И сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби и благовѣрнаго кн. Федора Юрьевича. Благовѣрная же княгиня Еуправсѣя стояше в превысоком теремѣ своем, и держа любезное чадо свое кн. Ивана Федоровича. И услыша таковыя смертоносныя глаголы и горести исполнены, абие ринуся из превысокаго терема своего с сыном своим Иваном на средю земли. И заразися до смерти. И услыша вел. кн. Юрій Ингорович убіеніе возлюбленнаго сына своего блаженнаго кн. Федора и инѣх князей и нарочитых людей много побитіе от безбожнаго царя. И нача вельми плакаться и с велик. княгинеею, и со прочими княгинями и с братіею. И плакаше весь град (Резанскій) на мног час.

Вторая половина разсказа напоминает эпизоды пѣкаторых сербских пѣсен Косовскаго цикла.

Кад Лазару одсекоше главу
На убаву на полу Косову,
Од Србла се ниео не десио,
Већ се деси једно Туре младо,
Јесте Туре, ал' је од робине
Родила га Српкиња робина,
Па беседи Турско момче младо:
„Ао Турци, моја браћо драга!
„Ово ј глава једног господара,
„Греота је од Бога једнога,
„Да је вљују орли и гаврани,
„Да је газе коњи и јунаци“.
Узе главу светога Лазара,
Зави у skut коласте аздје,
Па је носи до воде кладенца,

Спушта главу у воду кладенац
Стајала је глава у кладенцу
Лепо време четрдесет лета,
А убаво на Косову тело,
Ни га једу орли ни гаврани,

Ни га газе коци ни јунаци. Вук. П., II, 324.

Убѣжавшиј с Косова слуга Милутин приноси Милицѣ печальную вѣсть о гибели всего войска, о смерти Лазаря (ib. 293—4). В бугариштицѣ (Гилѣф. III, 183) говорится:

Кад ми бѣше Милица тужне гласе разумѣла,
(о косовской катастрофѣ)

Бѣше јом се од жалости живе срце распуенуло.

Справедливо сопоставляют с рассказом о Федорѣ и Евпраксии былинку о Данилѣ Ловчанинѣ (Ор. Миллер?). Сходныя мѣста дѣйствительно есть. Владимир хочет жениться; он просит князей—бояр съискать для него подходящую невѣсту:

Из-за лѣвой было из-за сторонушки
Тут возговорит Мишатыча Путьятин сын:
„Уж ты батюшка Володимир князь!
Много я ѣждал по иным землям,
Много видал я королевичон,
Много видал и из ума пытал:
Котора лицом красна—умом не сверстна,
Котора умом сверстна—лицом не красна.
Ненахаживал я такой красавицы,
Невидывал я эдакой пригожицы,—
У тово ли у Данилы у Денисьича,
Ишло та ли Василиса Никулишна:
И лицом она красна, и умом сверстна,
И русскую умѣет больно грамоту,
И четью пѣтью гораздо церковному;
Ишло было бы кого назвать нам матушкой,
Ввеличать нам государыней.

Владимир не хочет от жива мужа жену взять; но Мишатыча был переметлив; он предложил:

Мы Данилушку пошлем во чисто поле,

Велим пымать птичку бѣлогорицу,
Принести ее к обѣду княженецкому;
Што ишло убить ему льва лютово,
Принести его к обѣду княженецкому.

На охотѣ погиб Данило, бросившись на свое копьѣ. Василиса Никулична нестерпѣла смерти мужа любимаго. Приходила она ко милу дружбу, поклонилась Данилу Денисьевичу,

Берет Василиса свой булатный ножъ
Спорола сеѣ Василиса груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя

(Кирѣевск. III, 32—38).

Любопытную параллель к сказанію о Федорѣ и Евпраксіи представляет грузинское преданіе о Давидѣ Сасунском и женѣ его Хандуд-Ханум. Давид Сасунскій бился с Хлатцами. Послѣдніе сильно тѣснили его. Его конь завяз в камышах Чехура, в болотѣ. Кое-как он выбрался из болота и пріѣхал к водам Лохура. Еще при своей жизни, когда Абамелик был в домѣ Ибрагима-аги, он силою пробрался к его женѣ. Ее звали Шимшим-Ханум. От Абамелика она родила дѣвочку, очень талантливую. Вот эта дѣвица взяла лук да стрѣлу и пошла притаилась у обвалившегося берега рѣчки.

Когда купался Давид в водах Лохура, дѣвица та тайком пустила стрѣлу Давиду в спину. Давид стал на ноги и закричал; голос его дошел до Сасуна. Собрались его братья и поѣхали на выручку Давида. Скоро они отыскали дѣвочку с голубыми глазами. Давид схватил ее за одну ногу, наступил на другую, рванул, разорвал ее на двое и бросил.

Братья взяли Давида и поѣхали в Сасун. Четыре дня спустя, Давид умер. И стали братья его сѣтовать по нем. Они пошли к Хандуд, чтобы утѣшать ее, и пожелали ей многого здравія. А Хандуд-Ханум сказала: „Ох, ох! видно, послѣ Давида быть мнѣ у них посмѣшищем“.

Ченчхапкорик сказал: „Хандуд-Ханум, не плачь, не плачь!“

„Давид помер, но голова моя еще цѣла“.

Хандуд-Ханум поднялась на вершину башни и бросилась оттуда вниз. И ударилась она головой о камень, и голова ее пробила камень.

В долбленое головой мѣсто Сасунцы сыплют пол-шника (мѣстная мѣра сыпучих тѣл) проса и толкут, как в ступкѣ. До сих пор видны там слѣды ея семи кос; а ступка та и понынѣ стоит там перед замком (Ж. М. Нар. Пр. ССХVIII, 74).

2. Евпатій Коловрат.

Во время нашествія на Рязань Батыя, „нѣкій от вельможъ Резанских имянем Еупатій Коловрат был в Черниговѣ с князем Ингварем Ингоревичем, емля подать своего государя вел. кн. Ингоревича Резанскаго. И услыша приход зловѣрнаго царя Батыя, и иде из Чернигова малою дружиною, и гнаше скоро. И пріѣха в землю Резанскую и видѣ ея опустѣвшу, грады разорены, церкви пожжены, люди побьены. И пригна во град Резань, и увидѣ град разорен, государи побиты, и множество народа лежаше, ови побьени и посѣчени, а ини позжены, ини в рѣцѣх истоплены. И вскрича Еупатій в горести душа своя и распалаяся в сердци своемъ. И собра мало дружины 1700 челов., которых Бог соблюде, быша бо виѣ града. И погнаша в слѣд безбожнаго царя Батыя, хотяще пити чашу смертную с своими государьми равно и едва угнаша его в земли Суздальствѣ. И внезапно нападоша на станы Батыевы и начаша сѣчи без милости. И сметоша яко всѣ поскы Татарскыя. Татарове же сташа яко пияны, а ли неистовый Еупатій тако их бѣаше нещадно, яко и мечи пригнушася, и емля мечи татарскія и сѣчаше их нещадно. Татарове мяшаша яко мертви восташа. Еупатій сильныя полкы татарскыя проѣзжая бѣаше их нещадно и ѣздя по полѣм татарским храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. И едва поимаша от полеу Еупатіева пять челоуѣе воинских изнемогших от великих ран и приведо-

ша их к царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати. Коея вѣры есте вы и коея земля и что мнѣ много зла творите. Они же рѣша. Вѣры кристіанскія есѣвъ, раби велик. кн. Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатіева Коловрата, посланы от кн. Ингваря Ингоревича Резанскаго тебѣ сильна царя почитити и честно проводитьи, и честь тебѣ воздати, да не подиви царю неуспѣвати наливати чашу на великую силу рать татарскую. Царь же подивися отвѣту их мудрому. И посла шурина своего Хостоврула (Таврула) на Еупатіа, а с ним сильныя полки татарскія, хотя Еупатіа жива яти. Хостоврул (Таврул) же съѣхася с Еупатіем. Еупатей же исполни силою наѣхав и разсѣче Хостоврула на полы до сѣдла, и начаша сѣчи силу татарскую. И многих тут нарочитых богатырей Батиевых побил: ових на полы пресѣкоша, а иных до сѣдла краяша. Татарове же возбоашася види Еупатіа крѣпка исполина и навадиша на него множество пороков и начаша бити по нем с сточисленных пороков и едва убиша его и принесоша тѣло его пред царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы и по князи ординскіи и по санчабѣи и начаша дивитися храбрости и крѣпости и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удалцов и рѣзвцов не видали, ни отцы наши возвѣстивши нам. Сіи бо люди крылатіи и неимѣюще смерти тако крѣпко и мужественно ѣздѣ бѣяшася един с тысящею, а два с тмою. Ни один от них неможет съѣхати жив с побоища. Царь Батый зря на тѣло Еупатіево и рече. О Коловрате Еупатіе, гораздо еси меня посвечал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многіе полки от тебе падоша. Аще бы у меня такой служил, держал бых его против сердца своего. И даша тѣло Еупатіево дружинѣ останной, которые пойманы на побоищѣ, и веля их царь Батый отпуститьи и ни чем вредити. (Срезневск. Свѣдѣн. и Запѣтки, XXXIX).

Несомнѣнно, былина о Коловратѣ много потеряла в изложеніи книжника, однако мотивы народных былин и ло-

сі *communes* переданы точно. Послѣднее обстоятельство очень важно: таким путем только и можно опредѣлить степень туземности и древности извѣстных эпических формул.

Подобно Михайлу Даниловичу, Евпатій троекратно выѣзжает на врагов, при чем третій выѣзд оканчивается для него несчастьем.

С Евпатіем вступает в борьбу и падает в ней, между прочим, родственник Батыя, шурин: Василий Игнатьевич пущенной стрѣлой убивает „наилучших головушек, хорошеньких:

Убил сына Батыги Батыговича,
Убил зятя Тараванчика Карабликова,
Убил дьячка-то выдумщика.

Михайло Данилович в первый свой выѣзд убил трех братьев братовичей Бахмета и силу, что с ними было (А. Н. Веселовскій, Южнорусск. был., 23).

К общим мѣстам (*loci communes*) русскаго эпоса принадлежат напр. слѣд. в разсказѣ о Коловратѣ:

И внезапно нападоша на станы Батыевы и начаша стчи без милости.

А ли неистовый Еупатій тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля мечи татарскія и сѣчаше их нещадно.

Еупатій сильныя полки татарскія проѣзжая, бьяше их нещадно и ѣзда по полкам татарским храбро и мужественно, яко и самому царю побояться. Сравни. Гильферд. 896 стр.:

Размахалась у Василья ручья правая,
Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
Куды рученькой махнет—туда улица,
Куды ноженькой пихнет—переулочек,
Вдвое, втрое того топчет его добрый конь.
И видит тут Батый что бѣда пришла,
И сам говорит таково слово:
„Не ужоль таковы люди в Кіевѣ,—
„А один молодец всѣх татар прибил?
Посворешенько на коней собирается,

И сам он невѣрный зачинается:
„Не дай мнѣ-ка Бог на Руси бывать,
„И не дѣтям моим и не внучатам,
„Оставайтесь во Кіевѣ по прежнему.

Коея вѣры есте вы и коея земля и что мнѣ много зла творите? Ср.:

Ты откудова, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, коей орды,
Как ты нуть зовут по имечки,
Нарекают по изотчины?

Гильферд. 68 и мн. др.

Гордый и насмѣшливый отвѣтъ слуг Евпатія Батыю напоминает слѣдующее мѣсто в исторіи про Михайла Даниловича: на предложеніе Батыя служить ему вѣрою и правдою Мих. Дан. отвѣчает: рад тебѣ служить вѣрою и правдою, своею саблею острою над твоею-шеей толстою (Южн.-рус. был. 15).

Со словами Батыя у трупа Евпатія ср. слѣд.: Калин—царь говорит Ильѣ Муромцу:

Ай же ты старый казакъ да Илья Муромец!
Да садись ты со мной да за единый стол,
Ѣшь ко ѣствушку мою сахарную,
Да и пей-ко ты мои питыицы медвяныи,
И одежь-ко ты мою одежу драгоцѣнную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,
Не служи-тко ты князю Володиміру. Ibid. 455.

... ових на полы пресѣвоша, а иных до сѣдла краяша. .
... на великую силу рать татарскую ...

Еупатей ... *разсыче* Хостоврула на полы до сѣдла и проч.

Имя татарскаго багадура Хостоврул или Таврул до сих пор живет в былевом эпосѣ—в формѣ прозвища—Бахмет *Тавруевич* (Южнорус. был., стр. 30), Возяг *Таврольевич*.

3. Идолище поганое.

Глава VIII.

Идолище поганое, говорит Ор. Ф. Миллер, является только особым видом различных насильствующих змѣев, кощеев, дивских старѣйшин, демонов и т. п. Собственно же ему свойственною чертою является то, что он, соотвѣтственно своему, *связывающему его с язычеством прозвищу* нехочет допускать в обнасилованном им Кіевѣ того, что, по народному преданію, составляет главнѣйшее проявленіе христіанства—милостыни спасенныя“ (Илья Муромец . . . 740). „Народ, без сомнѣнія, видит в своем Ильѣ Муромцѣ только свято-русскаго, изначала православнаго богатыря, а в Идолищѣ — чудовищнаго представителя нехристи, которому, подобно всякой другой нехристи в наших былинах, приписывается какое-то временное нашествіе на русскую землю, рисующуюся в былинах православною изначала“ (ibid. 762).

Если иго татарское отодвинуто в нашем эпосѣ назад, — в Владиміровой порѣ, то Идолство, напротив того, отодвинуто в нем вперед, как явленіе пытавшееся было *смыть христіанство*, но прошедшее таким же *мимо-летным (?) мигом*, как и власть Батыги—Калина“ (!) (ibid.).

„Идолище, говорит П. В. Безсонов, начало языческое: у него есть своя „земля Идольская“, свое „царство Идольское“ . . . С Идолищем борется христіанство в лицѣ Ильи Муромца“ (Примѣч. в IV т. Кирѣевск. X стр.).

Взгляд на Идолище, как на представителя язычества, в сожалѣнію перешедшій в учебники (Бѣлоруссов, Учебн. теор. словесности, стр. 41), является чистѣйшим производом. Он основан на неправильно понятом значеніи слова

Идолице. Название *Идолице* — бранный эпитет, прилагаемый в былинах к татарину, Батыгъ; часто Идолице замѣняет эти опредѣляемыя и в таких случаях является собственным именем.

Как на наш-от на батюшко Киев-град
Наѣзжает нечисто Едолице,
По прозванію Батыга Батыгович.

Гильферд. 1148.

Ай татарин да поганыи
Что ль Идолице великое
Набрал силы он татарскія *ibid.* 22.

Илья Муромец

Здравствует князя со княгинею
А тому ли татарину челом небѣет.
Говорит Идолице поганое. *ibid.* 733.

Былины об Идолицѣ примыкают к лѣтописным сказаніям о насиліях татарскихъ послов, баскаков и др. и о разправѣ с ними ожесточеннаго населенія. Совпаденія с лѣтописными фактами в нѣкоторых случаях так характерны, что приходится былины об Идолицѣ относить к разряду *историческихъ* пѣсен Татарской эпохи. В них во многих случаях довольно вѣрно отражаются событія перваго, наиболѣе тяжелаго, времени владычества Татар на Руси. Сам Ор. Ф. Миллер позже отнес их к татарскому періоду (Ист. рус. словесности Галахова I, 93).

Во стольном городѣ во Києви
У ласкова князя у Владиміра
Сдѣлалась побѣдушва великая,
Великая побѣда на весь Киев-град:
Наѣхало Идолице великое,
В долину Идолице шти сажень,
В ширину Идолице трех сажень,
Меж ушами у него вѣдь как сажень с локотью,
Меж глазами у него вѣдь как пядя мѣрная,
Меж ноздрями у него изляжет калена стрѣла.

Насильники являются в народном эпосѣ в образѣ чудовищ, исполинов. Враги Греков, Сарацины представляются

в народной греческой поэзии в образъ страшных великанов. Ксанфин, отправившись искать своего сына, Василия встрѣтил Саракина, он был болен и спал; имѣл на своей головѣ 65 замков, 42 деревни; на затылкѣ у него мельницы вертѣлись; как в одной то ноздрѣ его конь стоит на стойлѣ, а в другой ноздрѣ дѣвица умычена (Былина о Ксанф., пер. Дестуниса, стр. 25). Едва ли прав поэтому А. Н. Веселовскій, видящій в описаніи Идолица сѣверно-русское искаженіе черт южно-русскихъ былин, зашедших на сѣвер. „Сѣверно-русскія былины, отрѣзанныя от почвы, на которой онѣ создались, отдѣленные цѣлыми вѣками от отношеній, которыя воплотились в них впервые, поневолѣ должны были исказить их в уровень с новой исторической средой и той общественной и природной обстановкой, в которой им суждено было доживать свою вѣковую жизнь. Приуроченіе вышло неполное. Образы южно-русской природы обратились в общія мѣста, не раздвѣтаясь новыми сѣверными красками; преувеличенію открылось широкое поле, потому что пережѣвалась не своя пѣсня, прямо вынесенная из жизни, из своего непосредственнаго прошлаго, дним словом из тѣх источников, из которых пѣвец мог бы почерпнуть чувство мѣры и норму вѣроятія: пережѣвалась пѣсня привнесенная, которую слѣдовало истолковать и переложить на ново, иначе она была бы полупонятна. Отсюда явленіе шаржа: татарина, этого сравнительно поздняго, общаго врага русской земли, он почти не коснулся; но он являлся во всей силѣ, когда на сцену выходило Идолице, змѣй, или старчице пилигримице или царице Уланице:

Вить уишиша-та у царишша быдта блюдишша
А глазишша-та у царишша — быдта чаши пивныя,
А носишшо-то у царишша быдта палица боевая
(Южно-рус. был. стр. 38—39).

Если послѣдовательно проводить мнѣніе почтеннаго академика, то пришлось бы счесть за шарж и гиперболическія изображенія предметов в искусственных поэтических произведеніях.

Идолице сам на словах похваляется:

Давайте мнѣ поединщика!

Если нѣтъ у вас поединщика,

Я божьи церкви всѣ на дым спущу,

Ай весь Кіев град в полон возьму

Гильферд. 905.

Князей — боар всѣх повырблю.

ibid. 887.

Батый просит трех богатырей: Илью Муромца, Олешу Поповича и Добрыню Никитича:

Дашь, не дашь, за боем возьму,

Сильных богатырей под мечь склоню,

Князя со княгиней в полон возьму,

Божьи церкви на дым спущу,

Чудны иконы по плавь рѣки,

Добрых молодцев полоню станицами,

Красных дѣвушек плѣнницами,

Добрых коней — табунами.

Бирѣвск., IV, 41.

Ср.: „беззаконный, проклятый и всему злу начальник Шевкал, разоритель христианскій, отверже уста своя скверная, начат глаголати, діаволом услышан: „*господине царю! аще ми велиши, аз иду в Русь, и разорю христианства, а князи их избью, а княгини и дѣти к тебѣ приведу*“. И повелѣ ему царь сотворити тако.

Высокомѣріе и гордость Татар были замѣчены путешественниками: „нечестіе и высокомѣріе их (Татар) простирается до того, говорит Винцентій Бовезскій, что они государя своего хана называют сыном божіим и поклоняются ему вмѣсто Бога“ (Яковлев. Путешеств. к Татарам, (105). „Кичась своим многолюдством, они думают, что никакой народ не может им противустоять“ (ibid. 109). О том же см. Плато-Карпини (ibid. 103).

С пріѣздом в Кіев Идолица „сдѣлалась побѣдушка великая“,

Не по старому в Кіевѣ звон звонят . . .

Обнасилничал Идолице поганое,

Сидит у князя в новом теремѣ,
У княгини руки держит в пазухѣ.
Грустный вид представляет терем княжескій:
Княженецкія грядни с боку на бок пошатилися,
Ставники в окнах помитусились

Кирѣевск. IV, 19.

Владимір князь уже не хозяин в своем теремѣ; его мѣсто занял Идолице. Ср.:

Беззаконный же Шевкал, разоритель христіанскій, поиде в Русь со многими татарами, прииде на Тверь и *прогна князя велик. со двора, а сам ста на кн. вел. дворъ, со мноюю гордостію, и воздвиже великое гоненіе на христіаны, насильством, и грабленіем и поруганіем*“ (П. С. Р. Л. XV 415).

Идолице ай ѣсть-то он, пьет хлѣбом за щеку

Другой за другую,

Аи бѣлюю лебедь на закусочку;

Выпивает он вѣдь напиток

По боченкѣ сороковочкѣ за единый дух,

А во градѣ вина все мало становится.

Гильферд. 905.

„По свидѣтельствам ханских ярлыков послан и гонцам ханским были особы пошлины и сверх того кормы на счет тѣх владѣній, куда послы пріѣзжали“ (Бѣляев, О монгольск. чиновн. на Руси в Арх. истор.-юрид. свѣд., I, 109). При таких условіях представленіе татарскаго посла в образѣ объѣдалы и опивалы могло быть естественным с народной точки зрѣнія.

При Идолицѣ в Кіевѣ

Не просят милостыни спасенныя.

Идолице говорит Ильѣ Муромцу, пришедшему в Кіев в образѣ нищаго:

Отколь пришел ты стар человекъ?

У нас была владена заповѣдь великая:

Не просить милостыни спасенныя.

Кирѣевск. IV 19—20.

По извѣстіям китайских лѣтописцев у Татар старость

и слабость находятся в презрѣннѣи (Бестужев — Рюмин Истор. I 273). Винцентій Бовезскій говорит, что Татарѣ, видя, что родители их старѣются и от старости дряхлѣют, кормят их жирною пищею, чтобы они, отягчаясь, скорѣе задушились“ (Путеш. в Татар., 101). „Как шатры их ни изобилуют всѣм, но они не помогают бѣдным и нищим (ibid. 109). По свидѣтельству Пано-Карпини, в бытность его в Россіи прибыл туда татарскій баскак, Сарацин, который, между прочим, „нищих, кои снискивали себѣ пропитаніе милостынею, уводил“ (ibid. 185).

Отношеніе Татар к нищим противорѣчило установившимся на Руси понятіям. Нищая братія пользовалась народною любовью; церковь приняла ее под свое покровительство. Естественным должен представляться поэтому протест и общества и самих калик переходящих против татарских послов запрещавших „собирать милостыню спасенную“.

4. Илья Муромец.

Глава IX.

Нѣкоторые мотивы былин об Ильѣ Муромцѣ находятся в несомнѣнной связи с житійными сказаніями. Такъ, былина о чудесном испѣленіи этого богатыря напоминаетъ сказанія о туровскомъ мнѣхѣ Мартынѣ и ростовскомъ епископѣ Леонтіи.

В 27 д. іюня. Нѣкто старецъ именемъ Мартинъ, бывъ прежде поваръ епископомъ туровскимъ Симеону, Игнатію и Іоакиму. Сего еписк. Георгій свободи старости ради, и бысть монахъ. Пребываше же в епископли монастырѣ у святыхъ мученик (Бориса и Глѣба) единъ живый. Часто же боляше старецъ лономъ, чрево бо его в лоно исхождаше. И егда сіе бываше, тогда лежаше старецъ вошія, не могій востати и послужити своему тѣлу. Единою же болящу ему тѣмъ недугомъ, и лежаше в келліи, от жажды водныя изнемогаше, и никому же посѣтившу его, за не бѣ вода велика около монастыря. В третій же день внидоша к нему святіи мученици Борисъ и Глѣбъ явѣ, в своемъ подобіи, яко и на иконѣ написани суть, и глаголаша: чимъ болиши, старче? Онъ же исповѣда имъ недугъ свой. И рекоша ему: хочещи ли воды? И рече старецъ: „о господіе мой! уже ея издавна жажду“. И вземъ единъ ручку старчу (в вар. водонос), и принесе воды, и взявше корецъ, напоиша старца. И рече старецъ: чья еста дѣтска? И отвѣщаша ему, глаголюще: Ярославля. И мнѣвъ старецъ, яко Георгіевы Ярославля слуги суть. И рече: Богъ да сотворитъ вамъ многа лѣта, господіе мой, обаче сами взявше хлѣбъ ядите, азъ же не могу послужити вамъ. Они же рѣша: да бы тебѣ хлѣбъ былъ, мы убо отыдемъ отсель, а ты не боли, но почій. И абіе невидими быша. Старецъ же обрѣтется здравъ, и воставъ

прослави Бога и святых мученики. И пребысть прочее здрав, сие же сам сказа отцу духовному (Пролог; Ч—Минеи Дмитр. Ростовск. Макарий, Ист. р. ц. III, 301).

Об Аврааміи Ростовском рассказывается в его житіи: препод. Авраамій до осмнадесяти лѣтъ бысть в разслабленіи великом. Случися же бысть из новгородцев благочестивых мужей во градѣ их и в домѣ отца его; и бесѣдоваху о вѣрѣ в І. Христа и бываемых чудесѣх в христіанской вѣрѣ; отрок же, лежа на одрѣ, внимаше бесѣдѣ их, удивляясь зѣло; и егда вси разыдошася, нача о себѣ помышляти, како у отца моего богов много, а мнѣ не помогут, а у Новгородцев един Бог и многим исцѣленіе дает. Если бы мнѣ оной Бог дал здравіе, я бы стал ему вѣровать и служить вѣчно. И в тѣх мыслях призываше себѣ на помощь І. Хр. И абіе внезапно ощутив нашедшую свыше силу на него, нача превращатися на одрѣ, руками и ногами владѣти и вскорѣ воста с одра своего возрадовася зѣло (Макарий, Ист. рус. ц., I, 271).

В былинах про Калина царя, несомнѣнно относящихся к татарскому періоду (Ровинскій, Русск. нар. карт., IV, стр. 42, прим. 53) говорится, между прочим, о том, как разгнѣванный Владимір приказал посадить И. Муромца в погреб,

А поморить его смертью голодною.

А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька,

А малешенька-та дочка молодешенька,

Во-потай бере ключи у своей матери

А от тых ли от погребов глубоких;

Составляет она хлѣб да Ильи Муромцу.

Когда же подошел под Кіев Калин-царь и грозил поворить Кіев град, а княгиню Опраксію отнять, Владимір запечалился и жалѣл о том, что посадил в погреб Илью Муромца и поморил его голодною смертью.

А дочка его была малешенька,

А ѣ говорила она да таково слово:

„Ай же ты родитель, ты мой папенька!

„А слышала во церкви во писаніи

„А старому казаку на бою смерть неуписана,
„И голодная смерть неуписана;
„А бери-тво князь ты золоты ключи.
А берет-то князь да золоты ключи,
А отмывает-то вѣдь князь да глубокой погреб,
А во погреби Ильюнюша живой сидит,
Ай горит у Ильюши воссова свѣча,
А читает он вѣдь книгу да евангелье
Гильферд. 304—5.

в вар.:

Он во погреби сидит-то сам не старится,
Там перинушки, подушечки пуховы,
Одѣяла снесены там теплыи,
Бѣтвушка поставлена хорошая,
А одежица на нем да живет смѣнная

ibid. 448.

Обрадованный Владимір выводит богатыря из погреба холоднаго за ручушки за бѣлыя и просит постоять за вѣру и отечество супротив царя Калина.

Мотив вполне бытовой. Он встрѣчается и в сербских пѣснях. Отдѣльныя частности содержанія могли возникнуть под вліяніем сходных сказаній церковно-житійнаго характера. Сравн.: о Гуріи архіеписк. Казанскомъ рассказывается в его житіи (Четыи—Мин. Дм. Ростовск.).

Препод. Гурій архіеписк. Казанскій рожденіе и воспитаніе имѣ во гр. Радонежѣ; родом бѣ от меньших болгар, имя ему прежде бѣ Григорій, сын отца Григорія же, прозывашеся Руготин. Живяше же отрок блаженный первѣе у нѣкоего князя, именем Іоанна, смирен и тих имѣя нрав, и в церковь часто хождаше, посту же и молитвѣ, и милостынѣ и прочим добродѣтелем прилежаше, безупружное живый житіе. Видѣвъ же господин добронравіе его, вручи весь дом свой, и сего ради оболган бысть к господину по зависти от клевет своих, аки бѣ прелюбодѣет с женою его; господин же вѣру емь клеветующим на него, повелѣ его убити. Сын же господина того, разумен сый, умоли отца своего, да не ускорит клеветникомъ вѣру

яти и не посрамить себе: испытавъ убо по тонку о нем, и увѣдав, яко неповинен есть, свободи его от смерти. Обаче отец его от ярости побѣждаем, всади его в ров глубоок. И два лѣта в нем препроводи, алчбою озлобляемый: пища бо подаваема ему бѣ не человѣческа, на три дня вметаху по единому снопу овса, и мало воды. Нѣкій же его друг обща снѣди ему приносить: он же нехотяше, но велѣ ему приносить бумаги и чернила, и писаше, сѣдя в ровѣ книжицы в наученіе дѣтям, и даеше продавати и цѣну их нищим раздавати. По дву же лѣтѣх милосердый господь, видяи доброе терпѣніе раба своего, неповинно таковая страждущаго, благоизволи, аки от ада, от узилища того свободити его, и отверзе ему невидимую силы своея рукою затвор темничный. Сравни. Ровинскій, Рус. нар. карт. IV, стр. 37—38, примѣч. 46, 47.

Любопытны былины о пребываніи Ильи Муромца с другими богатырями в Царь-градѣ. „Роль Царь-града в русских былинах обращает на себя вниманіе, говорит А. Н. Веселовскій. Илья является поочередно в Кіевѣ и Константинополѣ не только в былинах об Идолицѣ, но и в „сказаніи о семи русских богатырях“ (Южно-рус. был. 60).

„Сказаніе“, судя по количеству изданных вариантов, пользовалось большим распространеніем в древней Руси. Суть содержанія его в том, что богатыри, узнавъ о намѣреніи царя из Царя-града отпустить на Кѣев изгонею 42 богатыря „Кѣев изгубити“, без согласія Владиміра, самовольно уѣзжают в Царь-град. В Царь-градѣ русскіе богатыри побѣждают богатырей царя Константина Боголюбовича, двух главных богатырей—Идола Скоропеевича и Тугарина Зміевича берут в плѣн, и послѣдняго ведут в Кіев. За вѣрную службу Владимір награждает возвратившихся богатырей шубами подасамитными, цѣпями золотыми и сверх того казною несмѣтною (Е. Барсов. Богатырск. сл. 12—26). Представленный Владиміру Тугарин Зміевич, на вопрос князя о цареградских вѣстях, отвѣчает:

Что ты меня, государь, о вѣстях спрашиваешь?

Всѣ вѣсти у тебя, государь: нѣтъ, государь, тебя гро-

знѣе во всѣхъ царствахъ, а богатырей твоихъ нѣтъ удалѣя во всѣхъ земляхъ.

По просьбѣ И. Муромца с товарищи Владимір отпускает Тугарина в Царь-град. Богатыри провожают его; при прощаньи, на рубежѣ, говорят ему таково слово:

Скажи ты, Тугарин Зміевич, благовѣрной царицѣ Еленѣ, еще есмы в правдѣ устояли, и царское все исполнили: государю служба служена и честь получена“.

Богатыри возвратились в Кіев „и стали славно жить в Кіевѣ, и их храбрости слава не минуется“ (Кирѣевск. Пѣсни, IV, 37—38).

Слѣдует ограничить мнѣніе Е. В. Барсова, что в этой былинѣ „характерно выражено наступательное дѣйствіе Кіева на Византію“ (Богатырск. сл. 10). Весьма вѣроятно, что в былинах о хожденіи богатырей в Царь-град скрывается воспоминаніе о дѣйствительных походах Русских Славян на Константинополь; но едва ли одно это обстоятельство вполне объяснит роль Царьграда в русских былинах.

Благодаря исконнымъ политическимъ связямъ и церковной зависимости Руси отъ Греціи, Царь-градъ, Византія получила в представленіи русскихъ людей особую, идеальную окраску, греческій царь патріархъ—силу авторитетовъ. Идеальныя представленія о византійской власти, рѣшавшей главнѣйшіе вопросы духовнаго и отчасти гражданскаго бытія древней Руси, особенно ярко отразились в кругѣ сказаній легендарнаго характера на мотивъ — о полученіи русскими людьми славы и чести отъ царя и патріарха. Такъ, уже в житіи Петра царевича Ордынскаго ростовскій епискъ Кирилл (1231—61) рассказываетъ царю Берке в Ордѣ о Леонтіи, „како крести градъ Ростовъ и како честь прія отъ русскихъ князей и отъ греческаго царя и отъ патріарха“ (Ключевскій, Древне-русск. житія святыхъ какъ историч. источн. 20). „О сношеніяхъ Леонтія съ греч. царемъ и русск. князьями ни слова не говоритъ ни одна редакція его житія“ (ibid.).

Къ XV и XVI в. идеализація Византіи дошла до высшей степени, особенно в Московскомъ государствѣ. В это

время получила силу мысль, что непосредственное преемство от Византіи извѣстнаго обычая, учрежденія служитъ неизбѣемымъ, основаніемъ самой необходимости его существованія. Являются сказанія, имѣющія задачей связать нѣкоторые наиболѣе важные факты русской жизни съ византійскою древностію. Терновскій къ этому времени относитъ происхожденіе сказанія о присылкѣ царскихъ регалій Константиномъ Мономахомъ кіевскому вн. Владиміру Мономаху (Изученіе Византійск. истор.). Къ той же эпохѣ относится сказаніе о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. Къ этимъ сказаніямъ по времени происхожденія, характеру и основной мысли примыкаетъ и „Сказаніе о Кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили в Царь-градъ и побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь“. Это не народная былина въ тѣсномъ смыслѣ слова, а книжное сказаніе XV или XVI в., содержащее въ себѣ многіе мотивы былинныя и былевыя формулы (*loci communes*). Очевидно, авторъ связавъ русскихъ богатырей съ Царьградомъ, эпическимъ царемъ Константиномъ, имѣлъ въ виду ту же конечную цѣль, что и авторы сказаній о бармахъ Мономаха и бѣломъ клобукѣ. Всѣ три сказанія относятся къ одному литературному направленію и связаны одной мыслью. Благовѣрная царица Елена говоритъ: „Илья Муромецъ съ товарищи! такихъ грозныхъ богатырей небывало въ цареградѣ, не побивали нашихъ цареградскихъ богатырей...“ (Богатырск. слово, стр. 24). Тутаринъ Зміевичъ говор. Владиміру: „У тебя государя вотчины не во всѣхъ ли ордахъ, а богатырей твоихъ удалее нѣтъ и во всѣхъ земляхъ“ (*ibid.* стр. 26). „Въ древняя бо лѣта, говорится въ повѣсти о новгор. бѣломъ клобукѣ, изволеніемъ земнаго царя Константина, отъ царствующаго сего града царскій вѣнецъ данъ бысть русскому царю; бѣлый же сей клобукъ изволеніемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ архіепископу вел. Новгорода и кольми сій честнѣе оного, понеже архангельскаго чина есть царскій вѣнецъ есть, и духовнаго суть... да просвѣтятся и похвалятся о семъ православніи... вся святая предана будетъ отъ Бога величій рустей земли во времена своя и царя руского возвеличитъ Господь надъ многими языки,

и подо властію их мнози царей будут от иноязычных...
и страна наречется свѣтлая Росія, Богу тако изволившу прославити тацѣми благодареніи русскую землю, исполнити православія величеству и честнѣйшу сотворити паче первых сих“ (Памятн. Кушел-Безбор. I, 296).

Максимович полагал, что „кіевское давнее мнѣніе о принадлежности Ильи Муромца второй половинѣ XII ст. остается в полной силѣ и должно быть признаваемо за положительное свѣдѣніе историческое“ (Сочинен. I, 127). „Признаніе за ним этого столѣтія утвердилось в Кіевѣ особенно со времени митропол. Евгенія; а впервые оно было обнародовано еще в 1638 г., в книгѣ Тератургимѣ, напечатанной в печерской лаврѣ. Сочинитель ея, здѣшній (кіевскій) монах Афанасій Кальнофойскій был один из тѣх ученых сподвижников достопамятнаго Петра Могилы, которые вмѣстѣ с ним открыли гробницу свят. Владимира в развалинах Десятинной Церкви, как это видно из его Тератургимы. Что он знал все написанное дотолѣ в Кіевѣ о св. Владимірѣ, то видно также из его книги. Конечно, не на угад написал он и свое показаніе о принадлежности И. Муромца второй половинѣ XII в. В кіевских пещерах, над могилами почивающих там подвижников были стародавнія доски с краткими о них извѣстіями. Тѣми надписями руководились всѣ, писавшіе в том вѣкѣ о св. отцах печерских. Вот древній источник, из котораго Кальнофойскій мог заимствовать показаніе свое об Ильѣ Муромцѣ“ (ibid. 124).

Не заподозрѣвая добросовѣстности Кальнофойскаго, можно сомнѣваться в давности почитанія в Кіевѣ святаго подвижника Ильи Муромца. Ко времени Кальнофойскаго могла существовать надпись на доскѣ над гробницей святаго; но содержаніе ея едва ли основывалось на несомнѣн-

ных фактических данных. Ни в одном из древних агиографических памятников не упоминается святой Илья Муромец ¹⁾. Весьма вероятно, поэтому, что показание свое об Ильѣ Муромцѣ Кальнофойскій почерпнул из народнаго преданія, а не из письменных исторических источников. Замѣчательно, что Эрих Ляссота, бывшій в Кіевѣ в 1594 г., упоминая об Ильѣ Моровлинѣ, не называет его святым. Он говорит: „в другом придѣлѣ, внѣ церкви (св. Софіи) была гробница знаменитаго героя или богатыря Еліа Mogowlin, о котором рассказывают много басен. Гробница его нынѣ разрушена, но в том же придѣлѣ сохранилась гробница его товарища“ (Путевыя записки Эр. Ляссоты пер. и прим. Бруна. Одесса 1873, стр. 19). В этих словах Ляссоты можно находить лишь указаніе на реализацію былевых преданій о *положеніи богатырей в Кіевѣ*.

Тот же путешественник, описывая печерскій монастырь, сообщает, что в *пещерах* находились мощи богатыря, называвшагося в народѣ Чоботко. „Item великан и богатырь, прозванный Чоботком, на котораго, как говорят, тогда то внезапно напали непріатели как раз тогда, когда он надѣл было один из сапогов своих. Неимѣя под рукой другого оружія, он в то время оборонялся от них другим сапогом, еще ненадѣтым, и перебил им всѣх своих врагов, почему и был назван Чоботко“ (ibid. 21). Брун

¹⁾ На мою просьбу, сообщить мнѣ, упоминается ли св. Илья Муромец в древних кіевских рукописных агиологических матеріалах, проф. Н. И. Петров обязательно отвѣтил: „ни в рукописных и печатных прологах, котсрые я специально изслѣдовал, ни в рукописях Кіевской Академіи я ничего не находил о препод. Ильѣ Муромцѣ“. Проф. И. Я. Порфирьев не встрѣчал упоминаній об И. Муромцѣ в рукописях Соловецкой бібліотеки. Проф. Знаменскій, занимающійся разбором рукописей Соловецкой бібліотеки по отдѣлу агиографіи, „ни в одном из сборников житій, прологов, Четких-Миней не встрѣтил никакого, хотя бы самаго краткаго, упоминанія о св. И. Муромцѣ, почивающаго в кіевских пещерах (из письма ко мнѣ И. Я. Порфирьева).

в примѣч. к записк. Ляссоты полагает, что Чоботко тот же Илья Муромец, останки котораго были перенесены народом из разрушенной гробницы при храмѣ св. Софїи. Предположеніе это совершенно произвольно; оно не оправдывается ни Ляссотою ни другими источниками. Из слов Ляссоты явственно выходит, что в его время различались Чоботко — мѣстный народный святой герой и Илья Муромец — богатырь, о котором рассказывалось много басень, и котораго народная молва искала приурочить к Кїевским историческим развалинам вмѣстѣ с его товарищем; под послѣдним можно разумѣть не Добрыню (Ор. Миллер, I. с. 800), а скорѣе слугу Ильи Муромца, того паробка любимаго, слугу вѣрнаго безъизмѣннаго, о котором помнит былина (Гильферд. 448). Ко времени Кальнофойскаго, как видно, произошло смѣшеніе преданій об Ильѣ Муромцѣ со сказанїями о Чоботкѣ. Неизвѣстный святой хоробер, память о котором сохранялась под прозвищем Чоботка, получил имя Ильи Муромца. Вмѣстѣ с тѣм Илья Муромец был помѣщен в Антонїевых пещерах и назван „по народному“ Чоботком: *zakonnik Ilija, tego darmo lud rospolity Czobotk'iem zowie* (Ор. Миллер, I. с. 709 прим.). Дальнѣйшей реализаціей былевых сказаній об Ильѣ Муромцѣ объясняются извѣстія подобныя слѣд.: „видѣхом храбраго воина Ил. Муромца в нетлѣнїи под покровом златым, ростом яко нынѣшних крупных людей; рука у него лѣвая пробита копїем; язва вся знать на рукѣ, а правая его рука изображена крестное знаменїе“ (Путешеств. в св. землю І. Лукьянова, М. 1862, стр. 14). В мѣсяцесловѣ Косолапова под 19 декабр.: препод. И. Муромца. Представился около 1188 г. Мощи его почивают открыто в Антонїевых пещерах в Кїевѣ. Три перста его правой руки сложены вмѣстѣ и пригнуты к ладони. Преподобный почивает в молитвенном положенїи и неотразимо обличает раскол. Вторично воспом. под 21 Сентябр. (сообщ. Н. И. Петров).

На сколько позволяют факты, ясно, что прославленїе Ильи Муромца святым — явленїе сравнительно позднее; оно

принадлежит XVII в. и вѣроятно имѣло мѣсто первоначально в Кіевѣ, куда великорусскіе богомольцы занесли, какъ имя своего главнаго эпическаго героя, такъ и нѣкоторыя былины о нем (*viel fabeln*). Изъ Кіева частію книжнымъ, частію устнымъ путемъ оно перешло на сѣвер. Къ былинамъ взглядъ на И. Муромца какъ святаго привился слабо. Лишь въ концѣ нѣкоторыхъ былинъ встрѣчается упоминаніе о мощахъ И. Муромца, въ качествѣ позднѣйшей пріставки книжнаго происхожденія.

Пріѣзжае онъ (И. М.) во славный во Кіевъ градъ
А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко Кіевскимъ,
А прилетала невидима сила ангельская,
А взидали то его да со добра воня,
И заносили во пещеры-ты во Кіевски,
И тутъ же вѣдь старыи опочивъ держалъ.

Гильферд. 313.

Или:

Построилъ онъ церковь соборную
Святителю Николы Можайскому
Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
Самъ захалъ во пещеры во глубокія,
Тутъ-то Илья переставился,
Понныи теперь его мощи нетлѣнныя.

ibid. 1204.

Если справедливо предположеніе, что Ярл Іліасъ норвежскихъ сагъ, Ілья-шахъ турецкихъ эпическихъ сказаній (Ровинскій, Рус. н. к., IV, 62—4) — одно лицо съ нашимъ Ильей Муромцемъ, то, помимо свидѣт. Кальнофойскаго, время заговѣвъ былинъ объ этомъ богатырѣ приходится отнести къ XIII вѣку и ранѣе. Однако, положительныхъ доказательствъ въ пользу такого именно вывода еще не представлено.

По былинамъ дѣятельность Ильи Муромца связывается главнымъ образомъ съ Татарами. Онъ — главный герой татарскаго періода, и въ этомъ прежде всего заключается историческое значеніе былинъ объ Ильѣ Муромцѣ. Ілья Муромецъ „могучій представитель простаго народа и защитникъ его

интересов“, но только не „перед исключительным господством дружины“ (Буслаев, Истор. Оч. I, 417—18), а первоначально перед внешним врагом, Татарипом.

Развѣ нѣтъ у нас да на святой Руси,
Развѣ дѣтъ у нас во стольном во градѣ в Кіевѣ
Развѣ нѣтъ такова да супротивника,
Ай сопротив Калина царя да Калиновича?
Ай какъ есть у нас да во чистом полѣ
И во чистом полѣ да во бѣлом шатрѣ,
Ай есть вѣдь там да удалый добрый молодец,
Еще старья казакъ да Илья Муромецъ,
И про него же славу про великую,
И про него же силу богатырскую,
И во стихахъ поютъ, и в старинахъ скажутъ,
И на бою ему то смерть не писана.
А знаю я об том и вѣрно вѣдаю
А что он можетъ сразиться супротивъ царя да Калина
Гильферд. 863.

Позже, проникли в былины об И. Муромцѣ и другіе мотивы из области гражданскихъ отношеній московской Руси.

Быть можетъ, первоначально Илья Муромецъ былъ излюбленным народнымъ героемъ в родѣ Ивана богатыря крестьянскаго сына, — и в этой степени образъ его отразился в норвежскихъ сагахъ. В татарское же время образъ его сталъ опредѣленнѣе, занялъ центральное положеніе в кругу другихъ богатырей и получилъ извѣстное мѣстное приуроченіе.

Какое прозваніе имѣлъ в старину нашъ герой — Муромецъ или Муровецъ или Моровлинъ или какое либо другое — рѣшить трудно за недостаткомъ мѣстныхъ суздальскихъ свидѣтельствъ. Во всякомъ случаѣ стоять за древность формы — Муромецъ нельзя в виду сильнаго стремленія населенія сѣверо-восточной Руси приурочить историческихъ и эпическихъ лицъ к различнымъ мѣстностямъ старой Суздальщины. Не только Владимір святой помѣщается во Владимірѣ на Клязьмѣ (Бычков. Описаніе руц. сборн. Публ. библ., I, 234);

но „окаянный“ Батый приурочивается к Ярославлю селу Череможскому: в житии ярославск. кн. Василия и Константина говорится, что Батый стоял под Ярославлем 2 года и 6 мѣсяцев, ища отца своего; баше бо той окаянный царь Батый родом града Ярославля, от веси Череможскія и дошед отца своего в л. 6745 взят бысть град Ярославль (Истор. Россіи Соловьева, IV, 427).

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

5. Васи́лій Игна́тьевич.

Глава X.

Существенная черта былин о Васи́лии Игна́тьевичѣ — стрѣльба в осаждающих — встрѣчается в эпосѣ разных народов. Вот напр. Нартовское сказаніе на этот мотив. Нарты осадили сына Хиза, Челахсартага, в его крѣпости, и очень стѣснили его. Вышла сестра Хизова, красивая Агунда, и сказала: „ах, брат мой, как ты смотришь спокойно на того, кто разоряет твое владѣніе, твой аул; вынеси свои три освященные богом стрѣлы; вѣдь тебѣ надо что нибудь предпринять против тѣх, которые уничтожают твое владѣніе“. Вошел он в дом и взмолился: „о боже богов! ты создал эти стрѣлы; вонзи их в шею тому, кто разоряет мое владѣніе“, и с этим пустил стрѣлу. Первая стрѣла не попала во врага; вторая — тоже миновала его. Третья стрѣла, пущенная Хизовым сыном, полетѣла вверх, с громом упала вниз и попала сыну Дченза прямо в шею. Голова — в одну, туловище — в другую сторону, — так катился Дчензов сын (Сборн. свѣд. о кавк. горц., V, Нарт. сваз., стр. 8).

В виду распространенности мотива, в вопросѣ о происхожденіи былин о Вас. Игн. не имѣет большого значенія извѣстное лѣтописное сказаніе об Адамѣ сузонниѣ, убившем стрѣлой нарочитаго татарина, во время осады Мосевы Тохтамышем (П. С. Р. Л., VI, 100). Здѣсь — простое совпаденіе дѣйствительнаго происшествія с эпическим старинным сказаніем. Впрочем, случайное совпаденіе традиціоннаго эпическаго образа с дѣйствительным событіем могло оказать вліяніе на дальнѣйшее развитіе перваго. Поэтическій образ, получив новое толкованіе, новое приуроченіе к извѣстному событію, естественно мог

воспринять в себя нѣкоторыя черты послѣдняго. Вѣроятно, в связи с дѣйствительными событіями нашествія Тохтамыша на Москву стоит упоминаніе в былинѣ о голях кабацких, самое прозваніе героя *пьяница, у пьянсливый*.

Из Кіева всѣ богатыри уѣхали,
А лучилася голь кабацкая,
По прозванію Василій Игнатьевич,
А двѣнадцать годов по кабакам гулял,
Пропил, промотал все житье—бытье свое.

Гильферд. 322.

В осажденной Тохматышем Москвѣ, по словам лѣтописца, „нѣщцы недобріи человекѣи начаша обходить по двором, и износяще из погребов меду господсыя и сосуды серебрянныя и стѣкланицы драгія и упивахуться до великаго пїана, и к шетанію дерзость прилагаху, глаголюще: „неустрашаемся нахождения поганых татар, селие тверд град имуща, иже суть стѣны камены и врата желѣзны. И паки влазяще на град, пїани суще и шатаахуса и ругающеса Татаром, образом безстудным досаждающе, и нѣкая словеса износяще исполнь укорижны и хулы кидаху на ня“ (ibid.).

Имя героя, *Василій пьяница*, А. Н. Веселовскій весьма удачно объясняет ассимиляціей поэтических образов. „Василій у пьянсливый быть может подставился на мѣсто другаго имени, потому что был народным типом пьяницы. В древней русской словесности извѣстно слово „Василія о том, как подобает воздрѣжати от пьянства“; русскій духовный стих перевел эти назиданія в конкретные образы: Василія Великаго, которому является Богородица, побуждающая его оставить хмѣльное питіе. Типическое имя было готово (Южн.-рус. был., 50).

К одному разряду с былинами о Васи́лїи Игнатьевичѣ относится малорусское сказаніе о Михайлиѣ (Легенда о золотых воротах).

Любопытную параллель к нему, хотя бы в смыслѣ соответствія малорусскаго преданія дѣйствительным отношеніям удѣльно-вѣчевой Руси представляет слѣдующее лѣ-

тописное извѣстіе об одном событіи из жизни князя Михалка Юрьевича.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго Суздальцы и Ростовцы позвали на княжескій стол Ростиславичей, а Владимірцы приняли Михалка Юрьевича. Поступок Владимірцев не понравился Ростовцам и Суздальцам; они рѣшились силою выгнать Михалка из Владиміра и унизить младшій город. „Пріѣхъ же со всею силою Ростовская земля на Михалка к Володимерю и много зла сотвориша, Муромцѣ и Рязанцѣ приведоша и пожгоша около города; Володимерци бяхуться с города, Богородицѣ святой помогаючи им; и стояша около града 7 недѣль и святая Богородица избави град свой. Володимерци же не терпяче глада, рѣша Михалку: „мирися, а любо, княже, промышлай о собѣ“. Он же, отвѣщая, рече: „прави есте, чи хотите мене дѣля погинути?“ Поѣхъ в Русь и проводиша его Володимерци с плачем (Лавр. л., 158).

Михалко Юрьевич был дѣятельный, храбрый и любимый народом князь. О его подвигах существовала цѣлая повѣсть, внесенная в лѣтопись в видѣ сказаній о чудесах пресвятой Богородицы (Хрущев. О древн. историч. повѣстях, 131—37). Удаленіе его из Владиміра по требованію рады трусливых горожан могло стать предметом дружинной пѣсни.

Опредѣлить дѣйствительное отношеніе лѣтописнаго извѣстія к мало-русской легендѣ о Михайлигѣ, за отсутствіем положительных данных, трудно; а сходство между ними есть и довольно сильное. Из извѣстных вариантов легенды наиболѣе интересен сообщенный Трусевичем (Kwiaty i owoce. Kijow 1870, 237—8). Герой называется здѣсь *Михалко*. Разсказ приурочен к Киеву и Татарам. Батый осадил Кіев; осада была безуспѣшна: в городѣ был знакомиу русегз Michałko. Батый знал, что, пока будет Михалко в городѣ, он не возмет Кіева; но ничего не мог сдѣлать. Однажды Михалко, замѣтив Батыя, пустил стрѣлу с письмом, в котором совѣтовал ему

отступить от Киева. Стрѣла попала Батью в руку и пробила ее насквозь. Батый потребовал выдачи Михалка, угрожая в противном случаѣ страшно разорить город, а жителей избить. Michałko prz przysiągł zrobić Batego i ocalić miasto, ale przestraszeni mieszkańcy nie zdecydowali się wystąpić przeciwko Batemu. Zbierali się oni tłumami na ulicach, ustawicznie radzili coś pomiędzy sobą i, jak te oto baby, płakali. Cały naród kochał Michałka, cały naród wierzył święcie w jego waleczność, pomimo to więcej daleko jeszcze cały naród bał się tatarów. Наконец страх взял перевѣс, и горожане рѣшили выдать Михалка. Dowiedziawszy się o tém Michałko prosił by mu wolno było przynajmniej pożegnać lud i Kijów święty. Wdział on wtedy na siebie swą śliczną zbroję, siadł na swego ulubionego konia i wyjechał na plac złoto-wrotsky. Собравшемся там народу он представил горькую участь, какая его ожидает по вступлении Татар в город; а в концѣ, вида непреклонную рѣшимость Киевлян, сказал: Kijowlanie! Kijowlanie! pohana wasza rada! Проговорив это, Михалко ударил копьем в золотыя ворота, поднял их на плечи и вмѣстѣ с ними выѣхал из города (Веселовскій, Южн.-рус. был., 5—6).

Вариант сказанія, изданный Драгомановым (Малорусск. нар. пред., 249) так близко сходится с великорусскими былинами Владимірова цикла, не говоря о мотивѣ, в общем характерѣ и отдѣльных выраженіях, что является предположеніе, не есть ли онъ лишь пересказанная Малоруссами великорусская былина. Иначе трудно себѣ объяснить, какъ в Малороссіи могло возникнуть сказаніе о Михайлигѣ, кievском богатырѣ, дѣйствовавшем против Татар при Владимірѣ. Нѣкоторые выраженія, какъ *татарове-юланове* принадлежат скорѣе великорусскому эпосу, нежели малорусскому. Да и все вообще сказаніе о Михайлигѣ, занимающее одинокое положеніе в малорусской словесности, не есть ли приврѣпленная к Киеву старинная великорусская былина Киевскаго цикла? Вѣдь, всѣ изданные до сих

пор варианты записаны или в самом Киевѣ или в его окрестностях.

При таком предположеніи яснѣе становятся нити, связывающія малорусское сказаніе с событіем, случившимся в сѣверо-восточной Руси, — главнѣйшей родинѣ былин Киевскаго или Владимірова цикла.

Глава XI.

Повѣсть о убіеніи злочестиваго царя Батыя.

Извѣстный Пахомій Логофет въ сказанію об убіеніи в Одрѣ кн. Михаила Черниговскаго „приложил повѣсть „о убіеніи злочестиваго царя Батыя“ в Венгріи; сухое книжное изложеніе пощадило в ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которымъ легко замѣтить, что это — народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, в книжной обработкѣ пущенная приплытымъ Сербомъ в древне-русскую письменность: в такой формѣ, иногда с вариантами, она встрѣчается в позднѣйшихъ русскихъ житіяхъ и лѣтописныхъ сборникахъ (Ключевскій, Др.-русс. жит. святыхъ, 147).

Вполнѣ раздѣляя взглядъ почтеннаго профессора, мы только отмѣтимъ народно-поэтическіе мотивы, вошедшіе в составъ этой повѣсти. При крайней скудости документальныхъ указаній на объемъ и содержаніе старинной славянской пѣсенности, очень важно отмѣтить фактъ, позволяющій дѣлать хоть какія либо заключенія в этомъ отношеніи. А если мы примемъ во вниманіе, что повѣсть написана в концѣ XV или началѣ XVI в., то отмѣченные в ней народно-поэтическіе мотивы должны пролить свѣтъ на такую эпоху в исторіи славянской народной поэзіи, о которой мы ничего не знаемъ.

Текстъ сказанія помѣщаемъ по Никоновскому сп. лѣтоп. изд. 1786 г., III, стр. 27—30. Лѣта 1248 царь Батый подвижеся ратью и до самаго града Варадина Угорскаго, и многи окрест его грады разби, и вся поплени: и никтоже можаше против его стати. Приспѣвшу же ему и въ Варадину граду, еже среди земли Угорскія стоит; около же его мало простыхъ деревес, но вся деревеса виноградная изобиліемъ всякаго овоцѣа, и всякаго вина. Градъ же

отвсюду водома обведен, и зѣло крѣпок; и от сея крѣпости не боящи никого же; среди же града стояше столп камен зѣло превысок. Бѣ же тогда самодержец тоя земли король Власлов, Угром и Чахом и Нѣмцем, и всего поморія, и до великаго моря. (Опускаем вставку о крещеніи Власлава св. Савою сербским).

Царь же Баты, пришед в землю (У)горскую, вся грады разруши, люди поплени; самодержцу же Влаславу, его же св. Сава именована Владислав, непоспѣвшу собратися с людьми далѣчаго ради земель разстоянія.

Батый же наипаче благополучно време обрѣте творяше елико хотяше, король же Владислав многи дни пребываше на предреченном столпѣ в велицѣй скорби, ни хлѣба, ни воды вкушая, и моляще Христа Бога со слезами, да преложит гнѣвъ свой на милость и избавит его от врагов его.

Видѣвъ же со столпа, на нем же сѣдѣше, сестру свою бѣжашу к нему во град, и татарове достигоша ю, яша и отведоша к Батю, король же Владислав видѣвъ сія паче на сугубый плачь и слезы обратися, и моляше Христа Бога, да помощію своею и милостію своею избавит его от врагов его.

Сиде же ему молящусь, и слезам текущим от очию его яко рѣчным быстринам, и кдѣже падаху на мраморие, прохожаху насквозь; еже есть и до сего дни видѣти на том столпѣ, на мраморех. И от сего познаша, иже с ним сущіи панове и вси предстоящіи ему, помощи и милости Божіи быти.

И мало по сем человекъ нѣкто свѣтел зѣло, и страшен, якож всѣм сущим с королем устрашитися и вострепетати от него, ста пред королем глаголя сиче: ради слез твоих дает ти Бог побѣдити царя Батю, изыди убо на него в си час. Начаша ж видѣти лице глаголющаго и невидѣша его; к тому изшедше же со столпа оного, видѣша конь осѣдлан никим держим, но о себѣ стояц и сѣбира на нем. И от сего извѣстно разумѣша помощи Божіи быти.

Король же Владислав в той час всѣде на коня оного,

и сѣкиру ту в руку взем, изыде из града с воинствы своими, елицы тамо с ним бѣша, и внезапно безвѣстно приде на стан царя Батюя. Батюю же тогда отнюдь в малѣ сущи, вси бо татарове его в загоны разыдошася, елицы же с ним сущи татарове в той час гнѣвом Божиим побѣжены быша яко мертви, и бѣжаша с великим срамом.

Сравн. с этой частью сказанія о Батюѣ сербск. п. „од Беча крал разби Турке под Бечом“ (Богинић. Српск. нар. п., стр. 314—15).

Али грми, ал' се земла тресе,
Ал' удара море у мраморје,
Ал' се ори Оринац планина,
Ал' пуцају са Задра лумбарде?
Нити грми, ни се земла тресе,
Нит' удара море у браморје,
Нит пуцају на Задру лумбарде,
Него војска испод Беча иде.
Од Беча је кралу сагледајо,
Тер је к ведру небу погледао,
С ведрим си небом разговара:
„Ах што ћу ти, мој Боже велики!
„Ко ће турском силом одолјети?“
И с неба му нешто проговора:
„Не бој ми се кралу, слуго моја!
„Не мој носит' пред војском барјака,
„Него крижак, име Језусово,
„Ти ћеш турском одолети сили.
Кад је кралу ово разумјео,
Тад је ведру небу зафалио,
Из Беча се војском упутио,
И прид војском барјака не носи,
Него крижак име Језусово;
У турску је војску ударно.
Да је коме стати па гледати,
Како турске одлетају главе,
А ваурске сијевају корде.
Колико је море испод Беча,

Све је црном измијешало крвцом,
Црном крвцом из турскијех глава.
Кад је вралу Турке погубио,
Здраво ми се Бечу повратио,
И велику Богу зафалио,
Да је турске погубио главе!

„Царь же Батый, видѣвъ свою бѣду, и недоумѣвся что сотворити, и побѣже гнѣвом Божиим гоним и сестра королева с ним. Король же Владислав с воинством своим гна велѣд их, и многих татар изби; *таже достиже до самаго царя Батыя и сразися сам с ним, и нача сестра королева помогати Батыю. Король же Владислав возопи с великим гласом и со слезами ко Господу Богу, да ему поможет; и тако помощію Божіею одолѣв уби царя Батыя и сестру свою с ним.*

И пришед с паны своими и со всѣми воинствы своими ста в станах Батыевых; татарове же приходяше из загонов в станы своя невѣдающе бывшаго; Угри же полон у них взимаше, а самѣх смерти предаху и все безчисленное богатство их взяша. Елицы же восхотѣша в христіанскую вѣру, тѣх оставиша живых.

Тако убо Господь Бог сотвори своею невидимою силою; смерти предаде нечестиваго царя, и всю безчисленную силу, и сбытѣся писаніе, глаголюще: мнѣ отмщеніе и аз воздам, глаголет Господь. Сотворен же быв мѣдным лоялом король Владислав на конѣ сидя, и сѣбиру в руцѣ держа, ею же уби царя Батыя с ним же и сестру свою невидимою силою Божіею; и водружен на том столпѣ, иже посреди града стоит, на видѣнія и память послѣдному роду. И сице стоит да иже и до сего дне. Да здѣ убо, аже о Батыи, повѣсь конец пріят.

Во второй части „повѣсти“ особый интерес для занимающагося вопросом об устойчивости народно-поэтических мотивов представляет упоминаніе о бѣгствѣ с Батыем сестры Владислава, измѣниъ ея брату и убійствѣ измѣнницы вмѣстѣ с врагом.

Сказанія на тот же мотив и в настоящее время жи-

вут у Сербов, Болгар, Мало-русов и Велико-русов,— с тою лишь разницею что в современных вариантах *сестра* замѣнена *женой* или *невѣстой*. Ср.:

Бановић Срахина (Вук II N 44). В отсутствіи Страхини, Турчин Влах-Алија увел его жену. Страхиня отправился разыскивать похитителя. На Косовом полѣ он находит врага и вступает с ним в бой. Долго боролся Страхиня с супротивником:

Носише се летни дан до подне,
Док Турчина пјене попануше,
Бијеле су, како горски снијег,
Страхин-бана бјеле, па крваве,
Искрвави низ прси халине,
Искрвави чизме обадвије.

Утомленный бан говорит женѣ:

Љубо моја, тебе Бог убио!
Које јаде гледаш на планини?
Но ти подби један комат сабле,
Удри, љубо, мене, ја Турчина:
Мисли љубо, кога теби драго.
Али Турчин љуго проговора:
„Душо моја, Страхиново љубо!
„Не мој мене, но удри Страхина,
„Нигда нему мила бити не ћеш,
„Пријекорна бити до вијека:
„Кориће те јутром и вечером
„Ће си била са мнош под чадором;
„Мене бити мила до вијека,
„Одвешћу те Једренету граду,
„Наредићу тридест слушњиница,
„Нек ти држе скуте и рукаве,
„Ранићу те медом и шећером,
„Овитити тебе дукатима
„Саврх главе до зелене траве;
„Удри саде Страхинића бана! стр. 284.

Женску страну ласно преварити! Побѣждала жена Страхини, схватила сабельный осколок и ударила им мужа пря-

мо в лоб. Пробылась кровь алою струею, стала застилать очи Страхинъ. Видит бан неминуемую гибель, — догадался позвать вѣрнаго пса Карамана. Примчался вѣрный пес на богатырскій зов хозяина, схватил измѣнницу за горло и вмѣстѣ с ней скатился кубарем в долину. Стало Турчину жалко любви, засмотрѣлся он во слѣд; а Страхиня тѣм временем изловчился, наскочил на Турка, ударил басурмана оземь и заѣл его до смерти зубами. С женой возвратился Страхиня домой. В вар. Богишича (Срп. н. п., стр. 109) шурья Страхины убивают свою сестру за измѣну мужу.

Марко Кралевић и невјерна дјевојка (Filipović, Kral. Marko. Zagr. 1880. N XXII).

Марко Королевич ѣдет домой с дѣвушкой, пожелавшей выдти за него замуж. Пришлось проѣзжать по дремучему бору. Дѣвушка сказала Марку на его просьбу снѣть пѣсню:

Не смијем ти зацјевати Марко,
У гори је Мијате гайдуче,
Три пут ме је у мајке просио,
Ал' ме није испросит могао,
Па се бојим освете гајдучке.

Марко успокоил дѣвушку, и она запѣла. Услышал Миат голос любимой дѣвушки и вышел навстрѣчу.

Он се узе с Кралевићем Марком.
А кад виђе, да ће погинути,
Машио се у свилне джепове,
Па извади од злата јабуку,
Бацио ју прелепој девојци,
А бацајуц овак' говорио:
Помози ми погубити Марка,
Па на дар ти злаћена јабука!
Превари се, уједе ју гуја,
Помогла је Мијату гајдуку,
Нем' помогла, а себи одмогла.

Когда увидѣл Марко бѣду неминуемую, он позвал на по-

моць свою посестриму вилу. Явилась вила и помогла Марку убитъ Міята. А невѣстѣ своей Марко—

Црне јој очи извадио,
Пустио ју у гору зелену,
Да с' пребија од дрва до дрва,
Кано пчела од цвјета до цвјета,
Нек се каје за невјеру црну.

Болгарск. п. Dozon. N 34. Искрен собирается с женой Милицей посѣтитъ родителей послѣдней. Жена отговаривает его:

Любе, Искрене, Искрене!
Не смѣем, любе, да идем
У моя майка на госте,
Че кога бѣх си код мајка,
Иска мене Първан војвода,
А мене мајка не даде.
Сега је Първан војвода
У тая Стара Планина
Со седемдесет дружина,
Па ке ни, любе, пресресна,
Тебе ке, любе, погуби,
Мене ке, любе, залюби.

Искрен не обратил вниманія на предостереженіе жены, приказал ей собираться в дорогу и положить 70 стрѣл для 70 товарищей Парвана и одну стрѣлу, большую, для самаго Парвана. Милица для гайдуков положила 70 стрѣл, а для Парвана не взяла стрѣлы. Когда они путем—дорогою вступили в лѣс и Милица, по настоянію мужа, запѣла пѣсню, Парван узнал ее по голосу и с дружиною напал на Искрена. Искрен побил товарищей Парвана, для послѣдняго недостало стрѣлы.

Парван му тихо говори:
А бре Искрене, Искрене,
Да ли си глава предаваш,
Или ми даваш Милица,
Еднаж сос неж да легнем,
Та па тогава да умрем?

Искрен му тихо говори:
Първане, стара войводо;
Нити си глава предавам,
Ни ти давам Милица,
Но айде да са биѐме
До три дни и три ноци
Кой вому може надвити,
Тоя да земе Милица.

Бились три дня и три ноци.

Искрен си пояс распаса,
Искрен Милицѣ говори:
Любе Милице, Милице!
Я прѣйди та ми поясо,
Та ми поясо забоди.
И Милица го послуша,
Та му поясо отпаса,
Та па го даде Първану.
Първан ље вързал Искрена,
Назад му рѣцѣ вързахж
Та па го върза за дърво.
Първан пригърнж Милица,
Та я пригрнж цалива,
Пае салегнжли заспали,
Един другому на рѣка.

Проходившій мимо овчар сжалился над Искреном и освободил его. Искрен отсѣе голову спавшему Парвану, а Милицу разбудил, привел ее назад в свой дом,

Та ѡ у земниѣ уведе,
Милицѣ главе отсече,
Па ље на внига написал,
Що ље Милица чинила . . .

Малорусск. п. Kolberg, Rokucie, II, 17.

Ны мав Иван що робыты,
мусив вин си й-оженыты.
Взев сы жынку Марьяночку,
гей на свою головочку.

Гой, Иване, Иваночку!
Лышы пыты горивочку,
Лышы пыты тай гуляты,
та будемо газдуваты.
Купы плужок тай воляби,
тай истычов тай боньби,
Та пойдём в чисте поле
тай ви-орем файну ныву.
Оре Иванок й-одын денёк,
Марієча воля гонят,
тай до него ны говорят.
На другый день поступае,
Марієча промовляе:
Ой Иване, Иваночку!
Чи выдыш ты дорожечку?
Тов дорижков Турчин грае,
Видай ид нам повертае.
„На день добрый, Иваночку,
„Продай жинку Марієчу!
„Продай мы жинку, Иване,
„Нехай буде моев панев.
„Як ны схочеш продавати,
„То будем си пробувати!“
Сталы вны си пробувати,
Став Турчина замагаты.
Став си Турчин поправляты,
Став Ивана замагаты.
Ой як став го замагаты,
Став си Иван польваты:
Ой Маріє, Марієчо!
Поратуй мни цес разочок.
Поратуй мни цес разочок,
Най ны буде загыбочок!
Марієчка як се вчула,
Плечима си й-обернула.
За Иваном бидуваты,
За Турчином пануваты.

Былы Ивана тай зйезалы,
Тай до воне пржывезалы.
Идут гору, й-одну, другу,
В трети стали, попасалы.
Ой Турчине, Турчиночку!
Буду в тебе за служечку.
Попусты мы били руку,
Най не терплю выжи муку.
Ой Турчын си ны здогадав,
Ивановы ручки пусеав.
Гей Турчине, Турчиночку!
Цы выдыш ты дубровочку?
Край дубровы два дубочки,
Сыге на них голубочки.
Подай же ж мы, пане, лучы,
Та най убью голубочки.
Й-одын буде, пане, тоби,
Другый буде паны твойи, (2)
Паны твойи—жинци мойи.
Гей Турчын си ны здогадав,
Ивановы лучок подав.
Ой взев Иван, та яе змирыв,
Турчиновы в сердце стрилыв.
Маріечка яе то вздрила,
Трохы з страху ны й-умлила:
Ой Иване, Иваночку!
Подаруй мы цес разочок, (2)
Най ны буде загыбочок.
Буду й других научаты,
Треба вирнов мужу бути.
Я ты зараз подарую,
Най лыш лучок наладую.
Наладував тай ы змирыв,
Маріечку бай застрилыв!

Вариант *ibid.* N 18.

К одному разряду принадлежат былины об Иванѣ Го-
диновичѣ.

Владимір хочет женить своего племянника Ивана Го-
диновича. Невѣста—Авдотья-Лебедь бѣлая, *Марья* Митрие-
вична или *Настасья*—живет „во Кіевѣ“

Во Кіевѣ неvěста в Черниговѣ
У Митрея гостя богатаго

Гильферд., N 188,
или в Золотой Ордѣ (N 83), или в Индіи богатой у куп-
ца у Индійскаго, гостя Митрія торговаго (N 256), или за
славным синим морем (N 51) или в Черниговѣ (N 179).

Ай всим-то Настасьюшка добрым добра,
Тѣлом Настасья как снѣг бѣла,
Походочка у ей вѣдь павлиная,
Ай тихая рѣчь лебединая
А брови-ты у ей черна соболя,
Глаза-ты у ей ясна совола,
Ай личко у ей вѣдь как маков цвѣт

Гильферд. N 88.

Иван Годиневич ѣдет свататься. Хотя она уже просвата-
на за другого (за царя Кощега Трипетовича (N 51), за
сына царск. Федора Ивановича (N 83), за царица Коще-
рица (N 179), но Ивану Годиневичу удастся увести ее в
Кіев, по одним вар. силою, по другим с ея согласіа:

Свѣт государь ты мой батюшка,
Митрей князь богатый!
Я найду вѣдь во землю неvěрную
За того ль за царица за Кощерица,
А иду за Ивана Годиневича

(стр. 915).

На обратном пути в Кіев Ивана Годиневича догоняет
прежній жених его неvěсты и вступает с ним в бой.
В бою Иван Годиневич одолѣл супротивника, ударил его
об сыру землю, сѣл ему на бѣлы груди, а сам просит
Настасью Митревну:

Подай ножище кинжалище
Вывать сердце с печенью татарское,
Татарское сердце царское,
Добрым людюшкам на смяженіе,

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

Ай старым старухам на роптаньё
Черным воронам всё на граяньё,
Ай сѣрым волкам все на военьё
Говорит тут царице Коцерице:
Ай же ты Настасья Митріевична!
Не подай ножица винжалица,
Как за им вѣдь будешь жить,
Будешь слыть бабой простомывныя,
Будешь старому малому кланяться;
А за мной вѣдь будешь жить,
Будешь слыть царицей вѣковѣчной,
Будет старый вѣдь малый тѣ кланяться
Гильферд. 916.

в вар.:

За царем за мною быть—царицею слыть,
Пановя всѣ поелонятся,
Пановя всѣ улановья,
А нѣмецких языков счету нѣтъ;
За Иваном быть холопшой слыть,
А избы мести, заходы скрести.

Кирша, стр. 98.

У бабы волос долог, а ум короток: соблазнилась Настасья
словами Коцерица, схватила Ивана за желты кудры, сби-
ла его о сыру землю. Привязав Ивана Гоудиновича к дубу
а той ли его все кувыль травой, Коцерице с Настасьей
свалились в бѣл шатер.

Мало времячко миновалоси,
Прилетѣли три сизых три малых три голуба
Ай друг промеж другом спругуренули:
За что эта головушка привязана,
Привязана головушка, прикована,
Ради дѣвки, , ради сводницы,
Ради сводницы все душогубницы

Гильферд. 917.

в вар.:

Налетал да тут черный ворон,
Садился тут ворон на сырой дуб,

А закрычал ворон громким голосом,
А спроязычился языком человѣческим,
А брычит, говорит он таково слово:
А не владѣть этой Марьей Митріевичной,
А царю да Кощегу да Трипетовичу,
А владѣть этой Марьею Митріевичной
А тому ли Иванушку Годиновичу

Гильферд. стр. 258.

Эта рѣчь татарину не слюбилася; высказывает он из бѣла шатра,

Вытягивает у Ивана Годиновича

С волчана у его как вѣдь тугой лук,
берет у него калену стрѣлу, и стрѣляет в голубей (= в ворона). Иван Годинович приговаривает:

Уж ты, батюшко, мой тугой лук!
Уж ты, матушка, калена стрѣла!
Не пади-ко, стрѣла, ты ни на воду,
Не пади-ко, стрѣла, ты ни на гору,
Не пади-ко, стрѣла, ты ни в сырой дуб,
Не стрѣли сизых, малых голубов;
Обернись стрѣла в груди татарскія,
В татарскія груди во царскія,
Ай вырви ко сердце со печеню
Добрым людюшкам на сглаженье,
Ай старым старухам на роптаніе,
Черным воронам все на граяньѣ,
Ай сѣрым волкам все на военье.

Так и вышло: стрѣла не убила голубов, а, обернувшись назад, ударила в татарскія груди, вырвала сердце с печеню у царица Коцерица. Настасьюшка заплакала:

Я от бережка откачнулася,
Я ко другому непривачнулася

Иван Годинович попросил Настасью отвязать его от дерева. „Отвязала бы я тебя, да будешь бить—мучить“. — Я не буду тебя бить, только дам три науки молодецких. Эта рѣчь непонравилась Настасьѣ. Брала в руки саблю вооруженую; хотѣла отсѣчь Ивану буйну голову. У Ивана бога-

тырское сердце разгорѣлося

Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
Сырой дуб в земли приклоняется,
Сам весь в штильцы прищербается.

Отходил Иван Гоудинович на свою волю от дерева. Гильферд. N 188.

В вар. Кириши „опрастывали“ Ивана Гоудиновича дружина хоробрая, прибѣжавшая из Кіева „перва высылка, ровно сто человек“ (стр. 99).

Хватал Иван Настасьюшеу за желту косу, сбивал ее о сыру землю,

Отсѣе у ней губы вѣдь как с носом прочь:

Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстами нещасливым цѣловаласи.

Копал глаза со косицaмы:

Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстами нещасливым смотриласи.

Отсѣе ей руки по локотам прочь:

Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстами нещасливым обнималаси.

Отсѣе у ней ноги по колѣнам прочь:

Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстами нещасливым заплеталаси.

Ай только Иванушко женат бывал.

Гильферд. 918.

Если сравнить между собой всѣ приведенныя сказанія относительно реальности содержания и мотивировки отдѣльных эпизодов, то преимущество должно остаться за юго-славянскими вариантами. Послѣдніе глубоко правдивы: нельзя в них указать ни одного намека, ни одной черты, которыя бы отличались неестественностью, принадлежали чуждому быту, иным общественным отношеніям.

По мѣрѣ поднятія с юга на сѣвер реальность и естественность мотивов смѣняется натянутостью и сказочностью.

Малорусская п. является блѣдной копіей с южно-славянскаго оригинала. Завязка разсказа вышла в ней натя-

нutoй; причина предпочтенія Турчина Ивану непонятной; способ избавленія послѣдняго от смерти неестественным. Малор. п. занимает средину между южно-славянскими сказаніями и великорусскими былинами.

Послѣднія, повторяя буквально нѣкоторыя образы малорусск. п. (ср. За Иваном бѣдувати,
За Турчином панувати

и

За царем за мною быть—царицею слыть,
За Иваном быть—холопкой слыть)
идут еще далѣе в область связочности.

В малорус. п. стрѣльба в двух голубочков выведена как эпическ. locus communis. Оно встрѣчается напр. в п. о Байдѣ:

Да висить Байда на колочку
Ні одну нічку, ні годиночку.
Аж приходит цар турецькій,
„Що ти робишь, Байдо,
„Байдо молодецькій?“
Ой у полі два дубочки,
На дубочках голубочки;
„Позволь цару погуляти,
„Сізи голубочки постріляти.
Як ударив Байда, Байда з лука,
Та поцілив цара проміж уха,
А царицю в потилицю,
Его доньку в головоньку...

(Антонов. и Драгоман., Истор. п., стр. 152).

В былинѣ также выводятся три голубя, но затѣм, чтобы осудить поступок душегубницы Настасьи. Стрѣляет в них уже супротивник Ивана из его лука, и стрѣлы, повинувась словам хозяина, не попадают в голубей, а, оборотившись, поражают его врага.

Имя врага в малорусской пѣснѣ еще носит отпечаток южно-славянскаго оригинала — Турчин. В былинѣ он замѣнен царем Загорской земли Аѳромеем Аѳромеевичем,

купцом Индійским, царцем Коцерищем, Коцегом Трипетовичем и др.

Получается, словом, вѣроятность, что великорусская былина об Иванѣ Годиновичѣ есть не туземное созданіе, а—передѣлка зашедшей на Русь юго-славянской пѣсни того же мотива. Переход сказанія мог совершиться независимо от введенія в нашу словесность самаго мотива литературным путем, в изложеніи серба Пахомія Логофета. Естественными посредниками в устной передачѣ мотива были Малоруссы.

Глава XII.

С каких пор перевелись витязи на Святой Руси.

Былина о гибели русских богатырей не стоит особняком в славянской народной поэзии. Мотив о появлении в бою силы небесной, воскрешении побитых воинов в возрастающей прогрессии и бѣгствѣ из битвы витязей, утраченных грозным движением против них сил земных и небесных, вызванным их гордостью и высокомеріем, — встрѣчается в южно-славянских пѣснях. Пѣсни эти приурочиваются в нашествію Турок на Балканскій полуостров и паденію перед грозной ордой разных центров прошлой исторической жизни Болгар и Сербов. Особый интерес представляет пѣсня о паденіи города Сталака (сербск. Сталач; в настоящее время развалины замка и село при слияніи рѣкъ Сербской и Болгарской Моравы в Сербіи), как по своим художественным достоинствам, так и по сравненію с русскими былинами о гибели богатырей (Период. Спис. 1884 г. XII стр. 104—109).

Пишет письмо Сулейман царь, посылает его в город Сталак ко Федору Стала, герою Сталака, с приказаніем ему выдать свою жену, Виисаву, коня, ратную сбрую (дзубе и покрове), которую не берет ни сабля, ни пуля, и острую саблю, которая сѣчет дерево и камень. Федор отвергает требованія султана, полагаясь на твердыни сво-

ей крѣпости. Султан собрал сто тысяч войска и осадил Сталак. Цѣлые три года осаждал Сулейман Сталак, а взять никакъ немог. Медленность осады надоѣла Федору; вышел он на стѣны крѣпости и крикнул, что было мочи: „слышишь ли меня, Сулейман царь! будетъ бросать тебѣ ядра: достаточно ты глушил мои уши: тверда моя крѣпость, не под силу тебѣ взять ее. Вот какъ сойду с крѣпости, покроюсь ратною одеждой, что не берет ни сабля, ни пуля, возьму в руки острую саблю, что сѣчет дерево и камень, осѣдлаю коня „ждрелятаго“, что бьется с туманами и облаками, — живой птицы нигдѣ не оставлю“. Убоялся царь Сулейман и отступил от города. Ренегат Папаз-паша предложил иной план взятія Сталака — посредством подкопа. Сулейман поручил ему свое войско, с которым Папаз-паша подступил к Сталаку, подкопался под крѣпость и проник подземным ходом в погреба Федора; немог лишь отворить ворот погребов. Наступила Свѣтлая Недѣля. Было дѣло в Великій Четверг: гуляла Виисава по бастіону, заглядѣлась на Саву и Мораву, видит, течет вода мутная и грязная. Говорила молодая Виисава: „Господин мой, Федор Визирь! мутная и грязная течет Сава“. Федор отвѣчал: „теперь такъ снѣга, оттого и вода грязна“. На Велик-день Федор пошел в церковь, отстоял святую обѣдню, возвратился домой, и посылает служанку в погреба набрать вина и ракии. Умная и разумная Виисава непустила в погреба служанку, а сама пошла, надѣв на себя одежду служанки. Отворила ворота погребов; что там видит — великое чудо! Всѣ погреба наполнили Турки, выпустили вино и ракию, пьют вино — кто феской, кто туфлей. Тот час схватили Виисаву. Она такъ говорила Туркам: „отпустите меня на свѣтъ бѣлый! Я служанка Федорова; сегодня болгарскій Велик-день: меня Федор послал за вином. Я легко могу вам выдать его: живым его захватите“. Поддались Турки обману и отпустили Виисаву. Затворила Виисава погреба, поднялася на высокій терем, вошла в свои прохладные покои и такъ говорила мужу: „Господин мой, Федор Визирь! Полюбно будь наша ѣда, отравой стань наше питье! Всѣ

погребѣ наполнили Турки, открыли вино и ракію, пьют вино кто феской, кто тувлей“. Тогда сказал Федор: „исполать тебѣ, милый Боже! На Велик-день мѣ приходится проливать кровь!“ Покрылся своей ратной одеждой (облече джубе и покрове), что защищает коня и юнака, что неберет ни сабля, ни пуля, взял в руки острую свою саблю, сѣл на коня „ждрелятога“, воскликнул, что было мочи: „вылѣзайте, Турки, на бой! Кому Бог даст, тот и будет владѣть“. Всѣ Турки вылѣзли из погребов на бой. Как выхватил Сталакинец Федор, как выхватил свою острую саблю, так побил всѣ сто тысяч войска. Стало крови коню по колѣна. Оглянулся Федор назад, что он видит — великое чудо! Гдѣ был один, там два Турка стало. (Од еднога двоица станули). В другой раз Федор повернулся, побил — потоптал то сильное войско: стало крови коню по удила (по зенгвию). Оглянулся Федор назад, что он видит — великое чудо! На мѣстѣ двух три воина стало. Побил Федор то сильное войско: стала кровь литься уж через сѣдло. Оглянулся Федор назад: из трех становятся четверо. Тогда увидѣл Федор, что перед турецкой ордой идет сам Святой Илья, несет им зеленое знамя.

Картина возстанія побитой силы и шествія ея в бой под предводительством Или представлена еще в слѣдующем отрывкѣ, любопытном по приуроченію к гор. Варадину и герою Петру Вайрадинцу:

- „Удри, Петре, удри, Вайрадинче!“
—И я радим, майко, и конь ради,
—Кога Господ, майко, не помага!
—Триста души пот сабя пресекох,
—Уште триста пот коня подгазих,
—Кога назат, майко, се опулих,
—Сите души на нозе станале,
—Настанале и по мене търчат!
—Пред них оди сам свети Илија,
—В раци носи еръстатна байрака.
—Па погледнах поле Вайрадинско,
—Под Вайрадин войска исцѣлнило,

—Кон до копа, јунак до јунака,
—Юнаци те како горски пилци,
—А чадъри еден до другъего,
—Ал байраци как небо облаци,
—А мждраци вако честа гора.
—Уште тако, майко, кажуйќи,
—Уште така поле гледајќи,
—Па пуштиха два млади телала:
—„Кой ќе с' копа, конак да си сака,
—„Кой ќе пешак, метерис да фане.

Запис. ок. Велеса, Период. Спис. кн. IX—X стр. 95—6.

Сталакинец Федор сошел с коня, превлонила пред святым Ильею: „прости меня, наш святой Илія!“ „Прощается, Сталакинец Федор! До сей поры повелѣвал Болгарин, а от сей поры будет царствовать Турчин. А знаешь ли (за что), Сталакинец Федор? Когда были вы в бою на Косовом, вы на конях въѣзжали в церковь, потоптали триста старух, подавили триста младенцев некрещеных, неміропомазанных, копыями антидор брали (със маждраци навару узосте), — за то теперь пусть властвует Турчин“. Тогда сказал Сталакинец Федор: „и я могу, и конь может, но Господь нам непомогает: юначество не удержит царства“. Снял с себя ратныя одежды (дзубе и покрове), изрубил их на мелкія части. Разсѣк саблей своего коня: „лежи конь! пусть съѣдят тебя псы; пусть Турчин на тебѣ земли не воюет“. Сломал свою острую саблю: „лежи, сабля, пусть ѣст тебя земля!“

В неудачно изданном отрывкѣ болгарск. п. „о прекращеніи общенія между юнаками послѣ Косовской битвы“ (Качановск. Памятн. болгарск. нар. творч. I, 431) дѣйствіе переносится на Косово поле; бѣгство юнаков освѣщается рѣшеніем самаго Господа:

Рано ми е сълнце огрѣило,
Марко слезал од доброга коня,
Та го шета по Косово-поле;
Дружина му потио говори:
Бога тебе, Марко Кралевич!

Дали ты неможешь,
Или вонь неможе,
Али сам си Господ не дае?
Тагай си Марко потио говори:
Кад си бише у Косово поле,
Та газише кърви по зенгио,
Сам си Господ пошел,
Видел и рекал:
Нема инат! да бѣгамо!
Тагай си рипнали та побѣгли,
Тагай изайде Реля Крылатич,
Тагай изайде Муса веседжия,
И изайде Момчило добер юнак,
И изайде дете Груянич,
И изайде дете Мияильче,
Тагай су се дружина раздвоили.

Покончив с ратной сбруей, Федор побѣжал в свой терем и стал говорить женѣ: „Госпожа моя, Виисава молодая! Согласна ль ты встрѣчать Турок и служить им, или желаешь бѣжать вмѣстѣ со мной?“ Виисава отвѣчала: „Господин мой, Федор Визирь! Не хочу я и смотрѣть на Турок, а не то, чтобы служить им. Гдѣ ты умрешь, там и я с тобою“. Подхватили своего ребенка-мальчика и поднялись на самый верх крѣпости. Поглядѣв вокруг Сталакинец Федор, крикнул громко, что было в нем мочи: „оставайтесь, башни, пустыми! Пусть межъ вами буют цыгане: Федору в вас ужь невходить!“ Бросились с веру в рѣву Мораву; разступились Сава и Морава: они пали на сухой песок. Как пали, так и стали святыми. Выстроилось там три монастыря. Тогда-то земля потурчилась.

В вар. „Султан Селим и Салаким Тодор“ (Миладинов. 303 стр.) ничего неговорится об оживленіи побитой турецкой силы и походѣ св. Или: Федор счастливо побивает всѣх Турок.

В п. Период. Спис. 1874 IX и X, пѣтой другим размѣром, но развивающей мотив п. о паденіи Сталака, нѣтъ конца:

Кара-Видо вино пиє,
На той поле на Венале,
Пот той дърво дафиново,
Слуга му је мила сестра.
Долетале два галаба,
Кондисале на две гранки,
Му пуштиле бела книга.
Кара-Видо книга гледа,
Книга гледа, съдзи рони.
Што му книга важујеше:
„Стани, стани, Кара-Видо!
„Турци двори испълнило!“
Тува стана Кара-Видо,
Си отиде у дворови,
Си затвори врти порти,
Си исбачи на дивани,—
Му говори Катерина:
„А што стоиш, Кара-Видо,
„А што стоиш, та што чекаш,
„Сильна войска довтасала!“
Кара-Видо и говори:
„Катерино, първна љубо!
„Иди, пушти малку вино,
„Малку да се понापням“.
Па отиде Катерина,
Си отвори девет врати,
Девет врати земњи клети,
Кога виде, што ќе види!
Земњи клети Турци пълно!
Каде пият руйно вино:
Кой со чизма, кой со емения.
Назат ми се повратила:
„Кара-Видо, стопанине!
„А што стоиш, та што чекаш?
„Земњи клети Турци пълно!
„Каде пият руйно вино“.
Тува стана Кара-Видо,

Си истръгна остра сабля,
Се размаха на лево, на десно,

.
Кога се врати на дивани,
Па погледна на соваца,
Кога виде, што ќе види!
Сека порта зелен байрак,
На нашата дванаесет,
Дванаесет ал-байраци.

Поле Венале — на правом берегу р. Вардара к югу от Велеса на 3 или 4 часа пути.

Запѣвъ послѣдней п. и нѣкоторые намеки предыдущих встрѣчаются в болгарской колядѣ — Качановск. Памятники N 19:

Сив сокол принес царю Константину письмо. Призванный для прочтения письма поп Никола од Провопа,

Погледнал книжле-то ¹⁾,
И поронил дребни сълзи;
Па си дума одговори,
Леле, варай, цару Костадине!
Е-те глава, е-те и сабья—
Земи сабья, посѣчи ме:
Царсто ни е достаяло.

Царь неповѣрил словам попа Николы, заключил его в тюрьму и присудил к смерти.

Изведе го, да го сѣче;
Ал погледна на-нагоре,
На нагоре, па на доле:
Колко на гора листье,
Колко на земня трѣва-та,
Толко иде иня вѣра,
Иня вѣра—клетви Турци.
Царь Костадин договаря:
Леле, варай, вѣрны слуги!
Яхайте, та бѣгаме.

¹⁾ Припѣв: коледе! опускаем.

Вѣрны слуги одговарат:
Леле, варай, царь Костадин!
Я се надах, да полетим
Ясно небо с ясны дзвѣзды
Ниес тебе да повернем,
Ато нели гиня вѣра,
Иня вѣра—клетви Турци.
Царь Костадин одговори:
Леле, варай, вѣрны слуги!
И я мога и конь може,
Когі Господь поможе.
Бутна конѣ—конь не верви,
Тергна сабья—невадисе,
Но се преби до крестеве,
До крестеве позлатены;
Проговори царь Костадин:
Леле, варай, вѣрны слуги!
Кой ште с мене да бѣгаме?
Сви са слуги останали,
Само пошел един слуга,

который послѣ отрубил Константину голову и правую руку, когда тот хотѣл зачерпнуть воды в колодецѣ.

Сербских пѣсен на тот же мотив пока неизвѣстно; но герои—Федор из Сталача и Петр Варадинец и города Сталач и Варадин принадлежат главным образом Сербско-му эпосу; приуроченіе паденія царства к Косовскому бою указывает на то, что этот мотив был знаком Сербам и входил в Косовскій цикл пѣсен. Предположеніе о сербском происхожденіи пѣсни о паденіи Сталача, может быть, покажется смѣлым, но едвали неумѣстным: образ Федора в ней представлен таким же величавым и строгим, как и в известной сербск. п. „Женидьба Федора из Сталача“ (Вуѣ II N 82).

Обратимся теперь к соответствующим русским сказаніям.

Былина о гибели богатырей рассказывает: выѣхали богатыри к Сафат-рѣкѣ и расположились опочив держать.

Здѣсь у нихъ произошло столеновѣніе с татарченкомъ, не пропуская мимо себя ни коннаго, ни пѣшаго. Потомъ—

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафат-рѣку,
умывался студеной водою, утирался тонкимъ полотномъ, мо-
лился чудну образу,

Видитъ онъ черезъ Сафат-рѣку
Переpravляется сила басурманская
И той силы добру молодцу необѣхати,
Сѣрому волку необрыскати,
Черному ворону необлетѣти.

И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:

„Ой, ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
„Удалые братья названные!

Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,
Какъ сажались на добрыхъ коней,
Какъ бросались на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить,
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые ихъ кони топчутъ;
Бились три часа и три минуточки,
Изрубили силу поганую.

И стали витязи похваляться:

„Не намахались наши могучія плечи,
„Не уходились наши добрые кони,
„Не притупились мечи наши булатные!

И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:

„Подавай намъ силу нездѣшнюю,
„Мы и с тою силою витязи справимся.

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное, такъ явились двое во-
ителей и смѣло вызвали витязей бой держать:

Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.

Въ вариантѣ (Кирѣевск. Пѣсни IV 2-е изд. 169) бо-
гатыри сказали:

„И со небесной мы бы силою супротивились,

„А не то что с силою проклятой!

Тут Господь на них прогнѣвался,
Спустил на них столѳп огненный:
Они как столѳп перерублят, так два станет,
Два станет все поединици...

Ср.: в л. 1110 бысть знаменіе в Печерстѣм монастырѣ...:
явился *столп огнен*, от земли до небеси, а молнья освѣ-
тиша всю землю, и в небеси прогремѣ в 1 час нощи, и
весь мир видѣ. *Се же бѣаше не огненный столп, но
вид ангелск: ангел бо сице являеться ово столпом ог-
ненным, ово же пламенемъ* (Лавр. л.).

Неузнали витязи воителей. Разгорѣлся на их слова
Алеша Попович, налетѣл на воителей и разрубил их на-
полы со всего плеча:

Стало четверо — и живы всѣ.

Налетѣл Добрыня, разрубил их по полам со всего плеча,
Стало восьмеро и живы всѣ.

Налетѣл Илья Муромец, разрубил их со всего плеча,
Стало вдвое болѣе — и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить,
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые их кони топчут:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.

Бились витязи три дня, три часа, три минуточки, намахали
их плечи могутныя, уходились их кони добрые, при-
тупились мечи их булатныя:

А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.

Испугались могучіе витязи, побѣжали в каменныя горы,
в темныя пещеры: как побѣжит витязь к горѣ, так и о-
каменѣет, как побѣжит другой, так и окаменѣет, как
побѣжит третій, так и окаменѣет. С тѣх пор перевелись
витязи на святой Руси (Кирѣвск. Пѣсни IV 108—15).

В изданной г. Ефименком „Старинѣ про Илью Муромца“ (Материалы по этнограф. Арх. губ. II стр. 32—35) дѣло происходит иначе. Илья Муромец и другіе богатыри наѣхали на силу Мамаѣ,

Тѣже во поли быи кормленые,
И начали силу рубить со краю на край.
Не оставляли они ни стараго, ни малаго,
И рубили они силу сутки пятеро,
И неоставили они ни одинаго на сѣмена,
И протекла тут кровь горячая
И пар шел от трупья по облака.

Два брата Суздальца, выѣзжая из боя похвалились:

„Кабы была теперь сила небесная,
„И всѣ бы мы побиили еи по полю.
Вдруг от их слова сдѣлалось чудо великое,
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.

Илья Муромец и товарищи были уже в своем лагерѣ, когда пріѣхали Суздальцы

И начали они рассказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы впятеро,
И сами им во всем повинилися.
Тут поѣхала дружинишка хоробрая
Во ту рать силу великую,
И начали бить с краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставают силы больше прежняго.

Подобно Федору из Сталака, Илья Муромец узнал старый пред собой вину

И покаялся старый Спасу Пречистому:
„Ты прости нас в первой винѣ
„За тѣже слова глупыя
„За тѣхже братьев Суздальцей“.
И повалилась тут сила кроволитная,
И начали копать мать сыру землю,
И хоронить тѣло да во сыру землю,

И протекла рѣка кровью горячею.

А богатыри садились на добрых коней, ѣхали в крашен Киев град в честные монастыри, в киевскія пещеры, там всѣ они и представилися.

Вариант, записанный г. Петровым (Рус. Филол. Вѣст. XIII 51), значительно удалился от того типа, который развит в приведенных сказаніях о гибели богатырей:

Собиралосе на поле боибаново 300 богатырей;
Енѣ думали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единую:
„Кабы было кольцо кругом всей земли,
„Кругом всей земли кругом всей орды,
„Мы всю землю святорусскую вниз повернули,
„Самого бы царя в полон взяли;
„Кабы была на небо лисница,
„Мы бы выстали на небо,
„Всю небесную силу присѣбли,
„Самого бы Христа в полон взяли“.

Услышал Христос рѣчь похвальную, супротивную, спустил на богатырей с неба поленицу удалую, которая прибила всѣх богатырей, кромѣ трех: Ильи Муромца, Добрыни и Олеша.

Этот извод можно сравнить со сказаніем Хронографа о гибели гигантов: „мудрый Пизандр о гигантѣх в твореніи своем сказа: человекы от земля рождены, имуща ноги зміевы *дръгнувши на нѣкыя Божьскыя силы*, рець сия различными козными потреблены от Бога. Мудрый же Тимофей ту же повѣсть толкует сице: яво сего дѣля творецъ нарече я чейбы на зміиных ногах, елма же звѣрин ум и муть, ничто же блага небеснаго на умѣ имуще, но имуще нозѣ ходяща на земная злая дѣля и неправедная, того дѣля божество . . . овѣм от тресновенія огнем повелѣ погинути и другим *каменным стати*, инѣм же скорѣйшими смертными стрѣлами устрелонем быти яво лушью и другим множества воды потопленом быти. Тако вси гиганте нарицаеміи зміенозѣ злѣ потреблены сеончаша живот свой. Сервѣй же мудрый повѣдает сия на *широць полть*

живша, имѣвша рать с нѣкими жившими на высоких горах, и возлѣзоша на горня аки змїевѣ на руках и чревѣ сы ползающе и избїени быша от живущих на горах“ (А. Попов. Обзор Хронограф. I, 8).

Сказанія об участїи небесной силы, ангелов, в битвах людей нерѣдко встрѣчаются в древней письменности. С явленїем двух воителей нашим богатырям сравн. слѣд. эпизод из сказанїя о Мамаевом побоищѣ, о явленїи святых мучеников Бориса и Глѣба: нѣкто муж имен. Фома Халцибеев ради извѣстнаго своего мужества поставлен баше от великаго князя направо стражи от поганных и откры ему Бог видѣти видѣнїе на высотѣ облак израден и се аки поля нѣкїя зѣло великїя от востока исходяху; от западныя же страны придоша два юноша свѣтлы, имущи в руках своих свѣщи и мечи остры. Сїя же бяху святїи мученицы Борис и Глѣб. И рѣкоша польовником татарским: ето вам повелѣ отечество наше от господа нам дарованное потребляти? и начаша сѣщи и, яко ни един от них неизбысть цѣл. И воутрїе повѣда оный страж ноцное видѣнїе великому князю (Дим. Донск.). Ровинск. Рус. нар. карт. II, 40.

Вѣроятно, возникшїй из таких книжно-церковных мотивов каковой либо цѣльный апокриф, лег в основанїе указанных южно-славянских п. и русских былин о гибели богатырей. Событїя XIII—XV вв. благоприятствовали созданїю и распространенїю подобных сказанїй на Востокѣ. Православныя царства одно за другим пали пред грозной силой Татар и Турок. Нашествїе иноплеменников считалось карой Божїей: ждали свѣтопредставленїя. Русскїя и юго-славянскїя пѣсни могли возникнуть независимо друг от друга из одного общаго книжнаго источника, подобно различным изводам письменных сказанїй о Соломонѣ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ данных предполагать иное—заимствование самых пѣсен Русскими ли у юго-славян, или на оборот.

С объясненіем Сафат-рѣи, как перегласовки названія Иосафатовой долины (Примѣч. к Пѣсн. Кир. IV, 116) можно бы согласиться, если бы были указаны дѣйствительно сходныя черты в русских сказаніях о Сафатѣ и книжных палестинских о Сафатовом потоку, Сафатовом долѣ (Хожд. Арх. Грефеня, стр. 82). Пока же дѣло ограничивается оближеніем одних названій, я позволю себѣ предложить слѣд. сопоставленіе.

Нам кажется, что *Сафат-рѣка* есть *Евфрат* Византійских сказаній. Эпическая роль Евфрата (*Αφράτης*, *Αδράτης*) в греческих богатырских сказаніях средневѣковаго періода очень похожа на роль Сафат-рѣи (Сафа, Софа) в русских былинах:

Сафат и Евфрат — пограничныя рѣи, за которыми в русском и византійском эпосѣ находится область врагов.

На Сафат-рѣѣ происходят непріязненные встрѣчи русских богатырей с врагами (Збут Королевич. Кирѣевск. I, 11; Злой татарченоч-басурманченоч. *ibid.* 3—5, Татары): герои греческих сказаній сталкиваются с Сарацинами при Евфратѣ.

Русскіе богатыри при Сафат-рѣѣ разбивают бѣл полотноя шатер, устраивают крѣпкую заставу для наблюденія за врагами: Дигенис Аерит строит великія полаты при Евфратѣ поближе к кровным врагам греческой земли, Сарацинам.

В Сафат-рѣѣ, как и в Евфратѣ, богатыри поят своих коней (Дестунис. Разысканія о греческ. богатырск. былинах, стр. 37, 102—3).

На тожество названій *Сафат* и *Евфрат* указывают и русскія быliny. В разных вариантах одного и того же сюжета о встрѣчѣ Ильи Муромца с Сокольниковом, — встрѣча эта происходит по вар. Кирши (N 47, 3-е изд.) при *Сафат-рѣкѣ*, по вар. Рыбникова (I 80) при *Сахатарь-рѣкѣ*, а по вар. Гильферд. стр. 627 при *Евфрат-рѣѣ*: в Ефрат бросает Илья Муромец ногу убитаго Сокольника¹⁾.

¹⁾ Название другой русской эпической рѣки *Самородина*

Проф. Дашкевич в ст. „былины об Алешѣ Поповичѣ и гибели богатырей“ пытается приурочить былины о гибели богатырей к Калкинской катастрофѣ. При несомнѣнно книжном происхожденіи сюжета этих былин, я думаю, что можно говорить лишь о тѣх туземных историко-эпических фактах, к которым пристало бродячее книжное сказаніе. Последніе едва ли нужно соединять всецѣло с событіем на Калкѣ 1224 г.

Калкинское пораженіе не было бѣдствіем общерусским. Силы сѣверно-русскія [не участвовали в битвѣ на Калкѣ. Владимірскій князь Юрій Всеволодич послал было Василька Ростовскаго; но его, по словам лѣтоп., Бог тогда соблюде, приде бо с полки ко Чернигову в помощь; слышав се зло, случившееся в Руси, възвратися в свой Ростов, съхранен Богом (П. С. Р. Л. XV, 343).

Не было Калкинское пораженіе бѣдствіем, выходящим из ряду вон. Как само татарское нашествіе было лишь продолженіем давно начавшагося движенія в Европу народов Азіятскаго материка, так и Калкинская битва была не первой и не послѣдней попыткой русских устоять против натиска диких орд. К тому же, Татары внезапно появились и также внезапно послѣ битвы скрылись. Русь скоро забыла их, потому что тотчас по уходѣ Татар начались прежнія усобицы. В письменной киевской литературѣ Калкинское пораженіе оставило послѣ себя лишь небольшую замѣтку; пораженіе Игоря Половцами оставило болѣе прочные слѣды даже в лѣтописи. Слѣдовало бы наоборот, если бы оно считалось у современников событіем, выходящим из ряду вон, если бы своей колоссальностью оно поразило воображеніе народа.

А. А. Потебня объясняет как *Само-родина*. К аналогіям, приводимым глубокоуважаемым профессором (К истор. зв. IV, 63), я могу прибавить слѣд. назван. в Москвѣ: *Самотека*, *Самотечны*. В Курск. губ. Фатежск. у. есть село *Смородинное* на р. *Смородинъ* т. е. быть может *Само-родинъ*.

Таким образом, не было фактических оснований, по которым народ мог бы признать каленинскую битву событием, с котораго перевелись витязи на святой Руси.

Когда явились в сѣверо-восточную Русь Татары в 1237 г., тогда произошла здѣсь дѣйствительная гибель и князей и войска и храбров. Автор сказанія о нашествіи Батыя на Рязанскую землю так рассказывает о пораженіи Татарами рязанских князей. Близ границ рязанских напали на князей Татары. „И начаша битися крѣпко и мужественно. И бы сѣча зла и ужасна, мнози бо сильнии полки падоша Батыеви. Царь Батый видяше, что господство Рязанское крѣпко и мужественно бьяшеса, и возбоися вельми. *Но противу гнѣву Божию кто постоит?* А Батыевѣ бо силѣ и величѣ и тяжцѣ, един бьяшеса с тысящею, а два со тмою И едва одолѣша их сильныя полки татарскія“. Побиты были князья, „и мнози князи мѣстных и воеводы крѣпцыя, и воинства удалцы и рязецы Рязанскія — вси равно умроша, и едину чашу смертну испиша. Ни един от них возвратися вспять, вси вкупѣ мертви легоша; *сія бо наведе Бог грѣх ради наших* (Срезневск. Свѣд. и Зам. XXXIX, 84). Это — самое раннее, почти современное событію, историческое упоминаніе о гибели богатырей (храбров). Гибель русской силы в бою с силой басурманской была явленіем общерусским. Убѣжденіе в роковом характерѣ татарскаго нашествія, в том, что оно есть наказаніе Божіе за грѣхи людскія, за гордость князей, было господствующим. „Бог вѣсть един, кто суть, и отколѣ изыдоша (Татары), премудрии мужи вѣдят я добръ, кто книги разумѣет; мы же их невѣмы кто суть, но и здѣ написахом о них памяти ради русских князь и бѣды, яже бысть от них; но не сих же ради случися сіе, но гордости ради и величанія русских князь попусти Бог сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози и високоумны, и мнящеса своею храбростію содѣловающе; имѣяхуть же и дружину многу и храбру и тою величающеса (П. С. Р. Л. XV, 336).

Несомнѣнно существовали народныя пѣсни о гибел-

ли храбров в бою с Татарами не только на Калѣѣ, но и на Сити и на других мѣстах. В народном сознаниі была подготовлена почва для воспріятія литературныхъ сказаній, книжныхъ образов, об участіи небесной силы в битвахъ смертныхъ, о наказаніи возгордившихся своей силой людей. Воспріятіе совершилось. Усвоенное литературное сказаніе, ассимилировавшись с туземными пѣснями, возродилось в художественной былинѣ о гибели витязей на Сафат-рѣкѣ. Разлитой в пѣснѣ трагизм положенія витязей в борьбѣ с роком, силой небесной, ставит ее в рядъ прекраснѣйшихъ произведеній безыскусственнаго народнаго творчества.

В періодъ объединенія всѣхъ былин во Владиміровъ цикл, и былина о гибели богатырей была введена в Кіевскій круг. А московскіе грамотѣи приурочили гибель витязей исключительно к Калѣецкой катастрофѣ. Основаніемъ такого приуроченія могло быть книжное преданіе о гибели на Калѣѣ Олеси Поповича с дружиной. Автор Никоновской лѣтописи, вѣроятно, имѣлъ в виду уже вполне сложившуюся былинѣ о гибели богатырей: воинственныхъ людей толико бысть побіено (на Калѣѣ), яко ни десятый отъ нихъ возможно избѣжати, и *Александра Поповича и слугу его Торона и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и седмьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побіени быша итьвомъ божіимъ за грѣхи наша отъ Татаръ* (изд. 1768 г. стр. 354).

РЯД ТРЕТІЙ:

БОГАТЫРИ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА.

Между былинами Владимірова цикла есть значительное количество слабо связанных с Кіевским богатырским кругом, особенно с тремя главными его представителями: Ильей Муромцем, Добрыней и Алешей. О Татарах в них или вовсе неупоминается, или упоминаніе не входить существенно в содержание былинны. При отсутствіи явственных черт Кіевщины, в них очень много бытовых фактов московскаго времени. Таковы былины: о Мисулѣ Селяниновичѣ, Хотѣнѣ Блудовичѣ, Чурилѣ Пленевичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Данилѣ Ловчанинѣ, Сорока каликах и Соловьѣ Будиміровичѣ.

Кіев и Владимір в них не болѣе, как псевдонимы; такъ что господствующее мнѣніе о принадлежности их кіевскому періоду русской исторіи не имѣет за собой ни малѣйшаго основанія. По обилію черт московской жизни, происхождение их с большим правом слѣдует отнести к московскому періоду русской исторіи. Такъ:

Былина о Хотѣнѣ переносит нас в среду чваннаго и спѣсиваго московскаго боярства, с его вѣчными, пустыми спорами о мѣстничествѣ.

Свидѣтельства иностранных путешественников и нашихъ обличителей о распаденіи семьи, о развращенности общества дополняются яркими образами былинъ об Алешѣ Поповичѣ и братьяхъ Збродовичахъ, о Чурилѣ и Бермятѣ, об атаманѣ каликѣ и княгинѣ Евпраксіи ¹⁾ и др.

¹⁾ Мотив, развиваемый в былинѣ о 40 каликахъ, былъ извѣстенъ Гомеру: Повелитель Ахенъ, Претъ Беллерофонту
..... неповинному гибель умыслил:

Данило Ловчанин, предпочитающій добровольную смерть княжескому гнѣву — не вольный дружинникъ стараго, удѣльнаго, времени, имѣвшій право отѣхать в другому князю, а холоп московскаго князя, слабый своим бесси-
лием. Заключая в себѣ нѣкоторыя черты довольно древня, в цѣлом былина эта принадлежит тому времени, когда „воля вольным“ дружинникам миновалася; когда они от младости до старости обязывались служить вел. князю московскому; отставлялись от службы за старостью и болѣзнью; на мѣсто их назначались их сыновья. Послѣдніе с 15 лѣтъ уже поспѣвали на службу (Соловьев. Ист. Рос. VII 19). Такое положеніе служилаго сословія весьма мѣт-
ко рисуется в заглѣвѣ былины об Иванѣ Даниловичѣ, по основному мотиву относящейся к до-татарскому періоду, но в московское время подновленной и передѣланной: Данило, на вопрос Владимира, почему он неѣст, неѣдет и ничѣм нехвастает, отвѣчает:

Ише чим мнѣ-ка, Владимир князь, видѣ хвастати?

Ни двора-то у меня ширебѣго не было,
Золотой у меня казны видѣ не лучилося,
А и сила та была видѣ во мнѣ ровная.

Злобно его из народа изгнал

С юношей Прета жена возжелала, Антія младая,
Тайной любви насладиться, но к ищущей был непреклонен,
Чувствъ благородных исполненный, Беллерофонт непорочный
И жена, клеветца, говорила властителю Прету:
Смерть тебѣ, Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
Он насладиться любовью со мной хотѣл с нехотящей.
Так клеветала; и разгнѣвался царь, таковое услыша,
Но убить не рѣшился: в душѣ он его ужасался;
В Анкію выслал его

Иліад. п. VI 157—168 ст.

Тот же мотив развивается в житіи св. Моисея Угрина. Стало быть, еще вопрос, дѣйствительно ли „вся исторія Сорока ка-
лик со каликою, с Потыком во главѣ их, есть перелицовка исторіи Іосифа, из Еврейской мѣстности пересаженной на Рус-
скую, из исторіи священной в дѣйствительную и бытовую“ (Примѣч. к IV т. Кирѣевск. L).

*Видь служил я у тебя да пятьдесят годов
Да убил я тобѣ видь пятьдесят царѣв,
А мелкой силы убил—да той и счету нѣтъ.
Теперь от роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
Ты спусти-тко, спусти, Влад., в монастырь пречестные,
Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.*

А отвѣтъ держал Владимір князь:

„Ой нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко,
„Ише некому дѣлать видь защиты Кіеву.

.
Говорил же Данило да Игнатъевич:

„А и будет тѣ ограда бѣловаменной,
„Да и будет тѣ защита всему Кіеву:
„Есть видь у меня да сын Михайлушко.
Владимір отпустил Данилу в монастырь.

(Кирѣевск. III 42—3).

В московское же время, по всей вѣроятности, произошло усвоение великорусским народным творчеством сюжетов, зашедших литературным путем. Посему, в ряд былин Московскаго періода слѣдует помѣстить и —носящіе на себѣ болѣе-менѣе явственные слѣды заимствованій.

Глава XIII.

4. Соловей Будимірович.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океан море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Так начинается вариант Кирши Даниловича. Этот запѣв, привлекавшій вниманіе изслѣдователей силою поэтического взмаха, едва ли, однако, принадлежит простому, безыскусственному, народному творчеству. Он напоминает приемы московских витій, любивших „преузрашать начала своих сочиненій „грамматичными художествами и риторскою силою“. Вот напр. как патр. Іовъ начинает свою исторію о Феодорѣ Іоанновичѣ: небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта неосязима и неизслѣдима, морю ж глубина неизмѣрима и неизпытুема, святыхъ же и крестоносныхъ преславнѣйшихъ російскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизсчитна и недоумѣваема . . . (Никоновск. лѣт. VII, II. С. Р. Л. стр. 316) ¹⁾.

Незнаем, насколько авторы были здѣсь самостоятельны и насколько повторяли общія мѣста современной книжной словесности, но близкое сходство их с запѣвомъ были-

¹⁾ Еще раньше этого, именно в XV в., Пахомій сербъ в своей передѣлкѣ жизнеописанія Сергія Радонежскаго говорит: „земли убо широта и моря глубина и святыхъ чудеса неизсчитна суть“. Эта оговорка Пахомія в XVII в., именно в списокѣ миней Милютинскихъ, является изложенною в стихотворной формѣ, а также повторяется и другими древне-русскими писателями (И. Некрасов—Пахомъ сербъ, стр. 98—99).

ны о Соловьѣ Будиміровичѣ сѣлоняет мысль к предположенію о возможности внижнаго происхожденія послѣдняго. К тому же, запѣв вар. Кирши стоит особняком; прочіе варианты начинаются без обращенія к широтѣ земной, высотѣ поднебесной и *омутам Днѣпровским*:

Из-под дуба, дуба было сыраго,
Из-под вяза, вяза с-под черленаго,
Из-под кустышка да с-под ракитова,
С-под ты березы с-под кудрявья,
Из-под камешка было из-под бѣлаго,
Пала, выпадала мать Нѣпра-рѣка,
Выпадала она в море, море Черное;
С-по морю, по морю, морю Черному
Выходила она да во турецкое

Гильферд. стр. 172.

По турецкому морю, по Черному, из города Леденца, от заморскаго царя выбѣгало, выгребало 30 хорошо изукрашенных кораблей и один корабль славнаго гостя богатаго, Соловья Будиміровича. Корабль Соловья отличался особенно богатым убранством. Корабли бѣгут ко городу Кіеву и ласковому вн. Владиміру.

Прибѣжали корабли под столичный Кіев-град,
Явори метали в Днѣпр рѣку,
Сходни бросали на крут берегов.

Взяв подарков для князя, княгини и племянницы князя, Соловей идет с корабельной пристани в бѣлокаменные княженецкія палаты (Кирша Данилов, 3-е изд. 1—3).

Былина о Соловьѣ Будиміровичѣ стоит в самой тѣсной связи с *великорусскими* свадебными пѣснями. В сравненіи с символикой послѣдних выясняются как общій смысл былины так и значеніе отдѣльных частных ея.

В великорусских свадебных пѣснях жених пріѣзжает из-за моря:

Государыня моя матушка!	Как первое окошечко
Ты построй мнѣ нов высок	На чистое поле смотрѣть,
	[терем,
	А второе окошечко
Со тремя окошечами:	На зеленый сад смотрѣть,

А третье окошечко
На синее море смотрѣть.
Как на синем морѣ
Три корабля плыли:
Как первый корабль
С дорогами с товарами;
А второй корабль
С брульянтами, конями;
А как третій корабль
С удалым молодцом NN.
Сударыня маменька!

Время пришло,—и вот:
Как из-за горья—горья
Вѣтерок попыхает,
Да из-за моря, моря
Чернен корабль выбѣгает;
Выбѣгал чернен корабль
Из-за синяго моря
О двѣнадцати парусах,
О тринадцати ярусах;
Тонки парусы полотняны,
Всѣ отуги шелковыя,
Зпамена государевы.
Выходил чернен корабль
Из-за синяго моря,
Подходил чернен корабль
Под N славу волость;
Подбѣгал чернен корабль
Под круту гору высокую,
Ко святой Божьей церкви;
Вымощали с корабля
Славны мосты калиновы,
Разстилали по мостикам

Поймай ты мнѣ тот корабль
Со удалым молодцем NN.
Дитѣ ль мое, дитятко,
Дите моѣ милое!
Когда пора, время придет,
Сам корабль в берегу при-
[плывет,
NN с корабля долой сойдет,
Во высок терем зайдет,
И тебя за ручку возьмет.
(Шейн Р. н. п. I 442 - 3)

Все ковры семишелковые.
Выходил со корабля
Удалый добрый молодец.
Как садился добрый молодец
На комонь добрую лошадь,
Он поѣхал добрый молодец
На круту гору высокую
Ко N славнои волости.
А о ту пору, о то время,
У меня ли красной дѣвицы
Тихой, дѣвѣй дѣвичничек,
Да слезливо плаваньеце.
Сдивовались люди добрые
Удалому добру молодцу:
Это чей-то добрый молодец?
Он по платью по цвѣтному
Сын вупца, гостя торговаго;
Он по низким поклонам
Сын попа—отца духовнаго;
Он по ласковым словечушкам
Сын крестьянина богатаго.

(Москвитянин 1853 г. N 13).

Сам Соловей — купец, его дружина—гости корабельщицы, цѣловальники любимые: в свад. пѣснях сваты—купцы корабельщицы.

Ты родимый мой батюшка!
Это что у нас были за люди,
Что за гости торговые?
Торговал мнѣ родимый батюшка
Шубу да соболиную;
Торговала мнѣ родимая матушка
Серьги жемчужныя;

.
Я сама млада знаю, вѣдаю,
.

Каки то были да корабельщичи
Среди зимы да студеныя
Во вьюги да во падеры,
Во морозы да во лютые:
То были да сваты свататься

.
По меня да молодешеньку
Со чужой дальной сторонушки.

Пермск. сборн. I 65.

Одарив богато Владиміра и княгиню, Соловей Будимірович просит у князя:

. . . ты дай мнѣ загон земли
Непаханья и неоранья
У своей, осударь, княженецкой племянницы
У молоды Запавы Путятичной
В ея, осударь, зеленом саду,
В вишеньѣ, орѣшеньѣ:
Построить мнѣ, Соловью, снаряжен двор.

Символика свадебной поэзіи поясняет желаніе Соловья:

Не буйные вѣтры понавѣяли,
Не званые гости понавѣхали!
Обломились сѣни новыя,
Обломились с переходами,
Растоптали, раздавили
Чару золоту, чару финисову.
Выпугали, выпугали
У саду соловья молодого, залетнаго.

Как расплабалася свѣтъ,
Да расплабалася великая княжна NN
О своем высоком теремѣ:
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Изрубит сѣни новыя?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольет чару золоту?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольет чару финисову?
Кто же в моем, кто же в моем
Во саду сядет соловьем
Молодым и залетным?
Кто же меня, кто же меня,
Рано будет будить?

.
Отвѣтъ держал великій князь (жених):
Ты не плачь, не плачь и не тужи,
Великая княгиня, боярыня (NN)
О своем высоком теремѣ:
Я сам тебѣ изрублю сѣни новыя,
Я сам тебѣ изрублю с переходами,
Я сам тебѣ солью чару золоту,
Я сам тебѣ солью чару финисову,
Я сам в твоём саду
Сяду соловьем молодым залетным,
Я сам тебя рано буду, свѣтъ, вливать,
Я сам тебя рано буду будить.

(Терещенко, Быт рус. нар. II 155—6).

В переводѣ образной рѣчи былины на простую просьба
Соловья значит слѣд.:

Да я (Соловей) зашел то да здѣ доклад держу
А о добром дѣлѣ здѣ о сватовствѣ.
Да есть у тя любимая племянница,
А нельзя ли то отдать да за меня замужь

Гильферд. стр. 288.

Получив позволеніе Владиміра, Соловей с дружиной в одну ночь выстроил три терема златоверхіе.

Одна свад. п. рассказывает о диковинкѣ, возникшей чудесным образом:

У ворот вереюшки	Плотнички работнички,
У широких точены,	Мастера корабельные,
Не сами становилися,	Стружечки заморские,
Становили плотнички	Топоры литовские.

Ефименко, Материалы II 88.

По свадебным пѣсням жених строит для невесты терем „нетесан, несоблен, только хорошо разукрашен, всякими разными красками наведен“ (ibid. I 117).

Любопытно сравнить, что и по греческому героическому обычаю брачную комнату строил сам жених (Одиссея XXIII 178—203).

Выстроенные Соловьем терема были хорошо украшены:

На небѣ солнце, в теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяц, в теремѣ мѣсяц,
На небѣ звѣзды, в теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, в теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Ниже, при разборѣ былии о Дюкѣ, мы пытаемся объяснить украшенія теремов Соловья помимо символики колладок: ясен мѣсяц — хозяин, заря — хозяйка, звѣзды — дочери (Веселовскій, Южно-русс. был. II 70).

Увидѣвъ в своем саду чудесные терема, Завава Шутяична пошла посмотрѣть на них. Пошла она в вишенье, орѣшенье, послушала в первом терему — тут молчит: соловьева казна лежит; послушала во втором терему — там молитву творят: молится мать Соловья; послушала в третьем терему,

Ино в том терему да млад сидит да Соловей
Со своимъ со дружинами со хоробрима,
А на томъ стулѣ золоченомъ,
Ай сидит-то, сидит забавляется:
Там вси свачут, пляшут оны, пѣсенки поют,
Во музыки да во серыпочки наигрывают.

Гильферд. 287.

Игры играют Царя-града,
Напѣвки напѣвают Еросолима. Ibid. 954.

Завава переступила порог терема, но испугалась, рѣзвы
ноги подломились. Соловей был догадлив, подхватил дѣви-
цу за бѣлыя руки, клал на кровать слоновых костей:

Чего де ты, Завава, испужалася?
Мы де оба на возрастѣ.
— А и я дѣвица на выданьи,
Пришла де сама за тебя свататься

Кирша. 6.

В вар. Гильферд. послѣдній эпизод иначе рассказы-
вается (N 199). Когда Завава вошла в терем Соловья, он

Подергивал тут ременчат стул,
на него усаживал Зававу.

А стали играть они в шахматы,
А и тут ли Соловей сын Будимірович
Раз тот сыграл, Зававу поиграл,
Другой тот сыграл, Зававу поиграл,
Третьей тот сыграл, Зававу поиграл.
А говорит тут Завава дочь Путятична:
— Ах, молодец, ты заулишек добр!
— Кабы взял за себя, я бы шла за тебя.

Соловей соглашается на ней жениться.

Тот же мотив встрѣчается в свад. пѣснях.

Среди царства Россійскаго
Государства Московскаго
Тут стояли палаты бѣлокаменны,
Бѣлокаменны палаты, златоверхія.
Как во тѣх во палатах златоверхих
Поставлены столы дубовые,
На столах столешницы кедровые,
Испродерганы скатерти шиты, браныя,
Наставлены яства сахарныя,
Изналиваны питья мѣдвяныя.
Что за тѣми за столами за дубовыми
Тут сидѣли князья, бояра;
Промежь ними сидѣл доброй молодец NN,

На руках он держит звончаты гусли,
Что на тѣх ли звончатых гусях
Он выигрывает волю батюшину,
Великую нѣгу матушину.
Подошедши к нему, красна дѣвица,
Подошедши, послушалася,
Отошедши, сама заплакала:
Уж, ты, свѣт, воля батюшкина!
Велика нѣга матушкина!
Отставать будет от воли батюшкиной,
.
Приставать будет к волѣ свекровой,
Отставать будет от обычая дѣвичья,
Приставать будет к праву молодецкому.

Пермск. сборн. I 136.

В слѣд. пѣснѣ *семейной* замужняя женщина, противопологая своего старого мужа молодому любовнику, говорит:

.
Пойду млада по Дунаю,
Погуляю млада по тихому,
Зайду млада во бесѣду,
Зайду млада во веселую.
Во бесѣдѣ сидит молодой,
Мой то милой, любезной,
На колѣнях держит гусли,
Новы гусли звончатые;
На гусельцах струны,
Новы струны, золотые.
Молодой в гусли играет,
Мое сердце шевелит.
Скору ноги расплясались,
Бѣлы руки размахались,
Очи ясны разглядѣлись.

(Сахаров, I 105—6).

Была винная рѣченъка,
Сахаринная источникъ;

Што по сахару рѣка течет,
По изюму разливается;
Далеко она во сад прошла,
Далеко в зеленой протекла.
Было умное дитяtko
У родителя у батюшва,
Было умное и разумное,
Душа красна дѣвица Н.
Она ходила, похаживала,
Она гуляла, погуливала
Из висока нова терема во сад,
Што из саду в бѣлой шатер,
Из шатра зашла в горницу
К удалому добру молодцу,
Да ко князю первобрачному Н.
Она будила, побуживала:
Уж, ты, встань, душа, умной мой,
Пробудись, душа, разумной мой!
Я пришла в тебѣ не пить, не ѣсть,
И не чаю, кофе кушати,
Я пришла разгулятися
Во таблени играть, во шахматы
И во всѣ игры нѣмецкiя.
Обыграла красна дѣвица душа
Удалого добра молодца,
Насмѣялась красна дѣвица душа
Над удалым добрым молодцем;
Проиграл добрый молодец — сокол
Со правой ручки злачен перстень
Со любимаго мизинчика.

Москвитянин 1853 г. N 13.

В вар. этой пѣсни, зап. г. Ефименком в Арханг. губерн.
прибавлено еще:

Проигралася красна дѣвица душа
Удалому добру молодцу,
Проиграла свою вольну волюшву,
Свою буйную головушку,

Со головки кунью шапочку,
Хаз повязку красна золота
Со присадеой скатна жемчуга

(т. II, стр. 88).

Запава Путятична *сама пришла свататься за Соловья*. В. В. Стасов, встрѣтив такую же подробность в сборникѣ сказок Сомадевы, назыв. Кахта-Сарит-Сагара, в рассказѣ о красавицѣ Калингасенѣ и красавцѣ царѣ Удаанѣ, спрашиваетъ: „что это за сватовство самой невѣсты, что это за странность? Эпическая ли это черта, желающая изобразить ваприз и порыв срасти героини, или просто случайная выдумка тѣх, кто слагал русскую пѣсню и индѣйскую сказку? Ни то ни другое. В нашей пѣснѣ *эта подробность не имѣет никакого смысла*, но в индѣйском оригиналѣ она имѣет историческое и народное значеніе. В древней Индіи, в числѣ многих форм брака, исчисляемых законами Ману, существовал и брак по свободному выбору невѣсты. Этому выбору, когда он был разсѣлан, немогли болѣе противиться родители невѣсты: они обязаны были покориться рѣшенію своей дочери, да этому выбору принужден был, сверх того, покориться и сам избираемый, иначе ему грозило проевліе и всѣ сопряженныя с ним бѣдствія. В индѣйских поэмах, легендах и сказках очень часто идет рѣчь о таком бракѣ“ (Вѣстн. Евр. 1868 Февр. 703—4).

Сам же почтенный автор оговаривается, что „брак по свободному выбору не должно считать учрежденіем исключительно только индѣйским, что этого рода брак был вообще в употребленіи на востокѣ из времен глубокой древности“ (ibid. 704 примѣч.). Для нас особенно важно, что подобный обычай существовал и у Славян в древнее время; остатки его до сих пор доживают свой вѣкъ у нѣкоторых славянских племен.

У Сербов, дѣвушка сама пожелавшая выдти за мужъ за парня, называется *добѣглица*; то се догади кад родители не даду дјевојци поћи за кога она хоће, а она не ће за кога је они дају. То су понајвише рѣаве дјевојке;

јер поштена дјевојка, и од поштена рода, не ће своје род теле и браћу осрамотити. У Србији добјеглица дође управо момку у кућу, па је онда одведу у какву кућу момачком роду, те тамо стои, док се не вјенчају, а у Сријему и у Бачкој дође поповој кући и ондје стоји док се не вјенчају (Караџић. Рѣчник).

О существованіи такого же обычая в южной Россіи преподав. І Харьк. гимназіи М. Д. Линда сдѣлал слѣдующее сообщеніе в одном из засѣданій Харьковск. Истор.-Филологич. Общества: „В том углу, гдѣ сходятся Курская, Харьковская, Полтавская и Черниговская губерніи, существует слѣдующій обычай: если какая либо дѣвушка захочет выйти замужъ за понравившагося ей парня, то она, выбравши время, когда вечером, по ея расчету, должны быть дома родные парня и он сам, связывает небольшой узелок своих пожитков и идет в дом родных парня. Войдя в хату, она, никому некланяясь и не говоря ни слова, пробирается на печь и там молча усаживается в уголок. Родители парня спрашивают его, что это значит? Если он не против брака с пришедшею дивчиною, то он дѣлает вид, что он „засоромился“, становится лицом к печи, подложивши лѣвую руку под голову, а указательным пальцем правой руки ковыряя глину на припечѣ, и говорит: „я ничего, як ваша воля, як вы“. Сказавши это, он выходит в сѣни, за дверь, и там ожидает рѣшенія своей судьбы. Между тѣм отец и мать парня, по уходѣ сына в сѣни, обращаются к дѣвушкѣ со словами: „ну, доню, злізай, будемо знати тебе“. Она слѣзает с печи, кланяется иконам и хозяйкам и объявляет, потупивши очи в землю, кто она; ее просят присѣсть на лавку против печи, елижут сына из сѣней, дают дѣвушкѣ напитокъ воды и потом втроем (отец, мать и паренъ) провожают ее домой; причем дѣвушка должна идти впереди этой процессіи, а паренъ в концѣ. На слѣдующій день или через день посылают к родным невѣсты сватов, и дѣло идет обычным порядком. Если же паренъ не согласен на брак с пришедшею дѣвушкой, то на задаваемый родителями вопрос, он

ничего неотвѣчает и уходит в сѣни, гдѣ становится за двери. Тогда родители парня обращаются к пришедшей дѣвушкѣ со словами: „ну, доню, бачишь, яв воно своіось; иди же собі до дому: мы тебе не знаемо“. Послѣ этих слов дѣвушка должна, молча, слѣзть с печи со своим узельом, молча поклониться одним общим поклоном, выйти из хаты и „задами“, т. е. по-за огородам уйти домой. Отказавшійся парень неимѣет права разглашать о своем отказѣ; иначе, дѣвушка имѣет право обратиться к деревенским парням за помощію в мести, и парни должны поколотить проболтавшагося. Впрочем, послѣднее, т. е. обращеніе к парням, рѣдко практикуется, потому что влечет за собою явную огласку позора дѣвушки. Этот обычай существует и в сѣверной Бессарабіи, и в западной части Подольской губерніи и даже в Молдавіи с тѣм только различіем, что к этому способу обращаются большею частію дѣвушки далеко зашедшія в жениханьи; в Молдавіи—только в послѣднем случаѣ“.

Великорусскія (Веселовскій, Ю.-русс. был. 74) и бѣлорусскія (Потебня, Объясненія малорус. и сродн п. 9) народныя пѣсни заключают в себѣ намеки на существованіе такого обычая и у этих племен.

Стало быть, упоминаніе в былинѣ про Соловья Будиміровича о самокрутствѣ Забавы Путятичны имѣет „историческое и народное значеніе“.

Подобно тому, как Соловей Будимірович пріѣзжает за Забавой на корабль и на корабль же увозит ее с собой, в свад. п. поется:

Я (жених) тебя (невѣсту) перевезу на ту сторону,
Я за тобою корабль пришлю,
Корабль пришлю, судно крѣпкое, колыхливое.

Сахаров I 120.

Когда везут невесту к вѣнцу, поют:

Как перед нашими широкими воротами,
Разлилося, разлелѣлось, синее море,
Унесло, уелѣяло, со двора три корабля:
Как первый-то корабль с красной дѣвицей душой,

А другой-то корабль с перинами, с подушками,
А третій-то корабль с коваными сундуками.

Шейн Р. н. п. 454.

Соловей Будимірович—*зальжій* богатырь потому, что он жених:

Как при вечерѣ было вечерѣ
У Настасьи было на сговорѣ
Прилетал к ней млад ясен сокол,
Ясен сокол добрый молодец,
Ясен сокол валежный,
Добрый молодец прѣзжій. Ibid. 434.

И самое названіе *Соловья* должно быть поставлено в связь с тѣм, что он жених. „В числѣ символов жениха *соловей* занимает очень видное мѣсто, как между великорусскими так и малорусскими пѣснями“ (Ящуржинскій, Р. Ф. В. IV 13). С именем героя—*Соловей*—стоит в связи прозвание его—*Будимірович*. Соловей в нар. поэзіи будит:

Свѣт, ты, мой соловей в саду!
Кто ж меня рано будить буде,
Рано будить, поздно утѣшать
Шейн Р. н. п. 461.

Ай, свѣт, ты мой, соловей в саду!
Соловей в саду, он рано вставал,
Голосисто пѣвал, меня младу разбужал.

Ibid. 458.

По мѣткому выраженію А. А. Потебни Соловей Будимірович = Соловей Соловьевич, по аналогіи с Орел Орлович, Сокол Соколович (Обзор поэтич. мотивов колядок и щедровок, 81).

Представленныя сближенія былины о Соловѣ Будиміровичѣ с великорусскими свадебными пѣснями дѣлают патетными культурно-историческія объясненія ея. По мнѣнію А. Майкова, „Соловей Будимірович—знаменитый строитель, напоминающій тѣх западных мастеров, которые с XII в. приходили на Русь“ (О был. Влад. ц. 43). Соловей Будимірович — не строитель только; он — и купец, и

морья, и художник, и артист, он — молодец на всё руки, каков всегда, по идеальному представлению народа, жених.

Слабо мотивированным представляется и мнѣние г. Бу-слаева, выдающего в Соловьѣ норманскаго пирата, варяга (Русскій богатырск. эпос. Русск. Вѣстн. 1862 г. V 93).

Связь былины о Соловьѣ Будимировичѣ со свадебной народной поэзіей так жива и так глубока, что не может, кажется, имѣть мѣста мысль о литературном заимствованіи ея сюжета. Поэтому, мы не можем согласиться с мнѣніем акад. Ягича, выдающего в нашей былинѣ передѣлку того эпизода сказаній о Соломонѣ, содержаніе котораго составляет увоз Соломоновой жены (Arch. f. Slav. Phil. I 114); причем самое названіе *Соловей* является, будто бы, народно-поэтическим толкованіем имени *Саломон* или *Соломон*, а также *Соломан* (ibid. 117). Сближает с былиной о Соловьѣ литературныя и народныя связанія о Соломонѣ и Ор. Ф. Миллер (Ил. Муромец 560 и слѣд.).

Былины о Соловьѣ Будимировичѣ и книжно-народныя передѣлки сказаній об увозѣ Соломоновой жены представляют совершенно различныя категоріи как по основной мысли так и по первоначальному источнику. В этом легко убѣждает безпристрастное сравненіе тѣх и других.

Болгарская п. „Митре Поморянче и Марія Бѣлоградска“ (Миладинов. Болгарск. п. N 184) рассказывает слѣдующее: невѣсту Димитрія, Марію, пересватал Петре Вайрадинче. Димитрій с горя и тоски не знает, что дѣлать. Мать совѣтует ему снарядить корабль, набрать в него дорогих матерій, одежд и женских украшеній, плыть в Бѣлоград, и там, под предлогом продажи товаров, замануть на корабль Марію и увести ее. Димитрій так и сдѣлал.

Той си зеде малу—многоу азно,
Та си собра млади-не майстори,
Си напра'и нова-на геміа,
Та си пойде во града Прилепа,
Си прекупи свила и коприна,
Си прекупи свилени кошули,
Си прекупи мѣдени елечи,

Що 'и носат свжршени девојки;
Си прекупи чо'а парангора,
Що ми пра'ѣт джубина за не'сти,
Си наполни нова-на геміа,
Си отгупи млади гемиджи,
Си префжрли преку црно море,
Си излѣзе во Бѣлого града.

Когда вѣстники объявили по городу о прибытіи корабля
с дорогими товарами,

Тога рече кир бѣла Маріа:

„А егиди три млади теляли!

„Яс ќе дойда пжрво на геміи,

„Да си купам свила и коприна;

„Ай речите на млад гемиджіа,

„Да постелит платно бамбакерно,

„От порти-те дури до геміа“.

Маріа наредила се хорошо и с тридцатью дѣвушками пришла к кораблю. Когда Димитрій отказался показывать товар внѣ корабля, сославшись на данную матери клятву — невынимать товар из корабля, — Маріа с подружками взшла на корабль.

И им фжрли Митре Поморянче,

Що им фжрли свилена јоргана,

И им тури свила и коприна.

С' опулі'е свжршени девојки,

Да гледает свила и коприна.

Тогда крикнул Митре молодым корабельщикам:

Али сега, браќа, аль никога!

Одтурнете нова-на геміа,

Си имате п' една на юнака.

Корабли отбѣхали. Когда были среди моря, тогда Маріа догадалась, что она обманута. Митре с невѣстою прибыл к своей матери, женился на Маріи, а его товарищи на ея подружках.

Тот же мотив с одинаковыми почти подробностями развивается в первой части великорусск. былинны, представляющей передѣлку сказанія о Соломонѣ, „о царѣ Сала-

манѣ, царицѣ Саламаніи и Василю Окульевичѣ“ (Рыбн. II N 52). Герой, увозящій Саламанію, называется Ивашко Торовашко *Заморянин*, что прямо соотвѣтствует прозванію Митре *Поморянче*.

Василій Окульевич поручил Ивашѣ увезти красавицу, жену Соломона,

Построил три корабля, три черные,
Исправные всем корабли снарядные,
Опушил эти корабли лисицами,
Лисицами, куницами заморскими,
Нагружал эти корабли товарами,
Неоцѣнными камешками драгоцѣнными,
Отпущал Иваша Тороваша за сине море,
За сине море, во град Еросолим

(вар. 2 стр. 291).

Прибыв в город и представив богатые дары Соломоніи, Ивашко говорил ей:

Ты прекрасная царица Саламонія!
Приходи-тко на крутой на бережок
Поглядѣть наших товаров заморских.

Умывалася царица бѣлешенько,
И надѣвдалася она хорошоохонько,
Приходила она на крутой на бережок
И заходила на суда на черленья.

На кораблѣ было на что заглядѣться царицѣ: она

... увидала кровать тесовую,
И наволочки она увидла шелховья,
И занавѣски увидла крупчатой вамаи
И грядочву увидла орленую;
На той на орленой на грядочкѣ
Сидит-то птицыньва райская,
Поет-то пѣсенки царскія;
И пива увидла бочек сорок сороков,
И пивную чашу полтора ведра,
И много ѣствушек сахарних,
И больше питьицев медвяных.

(стр. 280).

Для увоза Соломоні Ивашко употребил пріем отличный от способа Петра Поморянче:

Как стал он убаввать,
Как стал уговаривать,
И оволо обхаживать:
„Ай же ты, царица благовѣрная Соломанья!
„Выпей-ка наших напитокочков сладких,
„Сладких заморских нещянных . . .
Подергивал ей столик дубовый,
Ко столику подергивал золотой он стул.
Садилася она на золот стул,
Садилася ко столику дубовому;
Как становил он напитокочков, —
Все напитокочки сонные;
Как начала она пить напитокочков заморских,
Чарочку пить за чарочкой,
И напилась она до пьяна,
Обвалилася на черном корабли,
Обвалилася, сонна лежит.

Ивашко Торокашко, заморскій гость, приказал кораблям отплыть. На синем морѣ Соломонія проснулась и узнала, что она увезена для царя Василя Окульевича (Рыбн. II 293—4).

В сербск. п., развивающей тот же мотив, находится и эта послѣдняя черта. Петруша, дочь Ледянского царя, рѣшается похитить себѣ жениха из Бѣлграда, Влаховича Стояна. Многіе женихи домогались ея руки, приходили со всѣх концов свѣта, оца всѣм отказывает и просит отца:

Већ ти бави орахову грађу,
И набави тридесет мајстора,
Те ми гради орахову лађу,
И у лађи тридесет весала,
Свако весло дрво шимширово
И у лађи тридесет возара
.
И у лађи шеја свакојака
А при томе вина и ракије,

А највише перја оѡатога.

На этой ладѣ Петруша ѣдет в Бѣлград, чтобы достать себѣ в мужа красиваго Влаховича Стояна. Сестра его пришла к берегу по воду, когда увидѣла диковинный корабль о котором рассказала брату; тот отправился поглядѣть на него, его приняли, напоили и пьянаго увезли; когда он проснулся на другой день, он был женихом Петруши (Веселовск. Южно-русск. был. II, 76).

Все то, о чем говорят приведенныя славянскія сказанія, идет от книжных сказаній о Соломонѣ. „Нѣкій гость Паша“, на пиру у Пору сообщил послѣднему о красотѣ и добротѣ жены царя Соломона. Друг царев, боярин, рѣшается украсть ее для Пору. „Снаряди боярин корабль всякою красотою и сотвори боярин в кормѣ чердак зѣло красен, а в нем написа образ царя своего, краснаго и на личнаго, в корабли же написа всяким умыслом, сотвори небо под верхом корабля, и сотвори мѣсец и звѣзды, и противу их постави стекла хрустальныя, и бысть свѣтлость велія; и дивляхуса людие красотѣ кораблю тому и хваляху зѣло“. Под видом купца или прохожаго человекѡа боярин Пору прибыл в царство Соломона. Ему удалось соблазнить царицу; она рѣшается оставить Соломона для Пору. „И рече посланник царицѣ: дам тебѣ забудущаго зелья, про тебя мертву доспѣю да унесу на корабль. Царица обмерла от забудущаго зелья, ее похоронили; посланник Пору напустил мертвый сон на приставленных к ней сторожей, проник в ея усыпальницу и унес ее на корабль. Там он помазал ее другим зельем, и она ожила. Так он привез ее к Пору (Веселовскій, Сказ. о Солом. и Китовр. 231—3).

Разница между рассмотрѣнными рефлексами сказаній о Соломонѣ и былинами о Соловьѣ Будиміровичѣ очевидна. Ясно, что первые говорят о насильственном похищеніи женщины; тогда как Соловей Будимірович пріѣзжает „о добром дѣлѣ — о сватовствѣ“, с совершенно мирными цѣлями. Терема были построены Соловьем вовсе не для того, чтобы замануть туда Забаву и украсть ее (Ягич. Arch. f. Slaw. Phil. I, 115). Этот эпизод достаточно объ-

ясняется символической свадебных пѣсен. А. Н. Веселовскій справедливо замѣтил, что „это — не былина об увозѣ невѣсты“ (Южно-русс. быт. II, 77); совсѣм только невѣрно, что „в основѣ это — былина о брачной поѣздкѣ какого-то *заморскаго* молодца, прельщающаго невѣсту роскошными диковинками“ (ibid.). Соловей Будимірович — такой же чужой, заморскій, как и всѣ ясен-соколы залетные, добрые молодцы приѣзжіе — женихи, о которых поют свадебныя пѣсни.

„Всѣ изслѣдователи, заключает Ор. Ф. Миллер, свое изслѣдованіе о Соловьѣ Будиміровичѣ, сходятся в одном — в признаніи иностраннаго строя в личности Соловья Будиміровича. И дѣйствительно, . . . в нем замѣчается слой бытовой, значительно отличающійся от бытовых условий богатства кіевскаго. Уже по одной *своей* работной дружинѣ и по *трояким* сходням, — он явно не кіевскій богатырь, а, как называет его в одном вар. Забава Путятична, дивом наѣхавшая *богатая богатыня*. Рыбник. III 194 (курс. в подл. Ил. Муром. 562). Полагаем, предыдущее изложенеіе дает нам основаніе этому взгляду на Соловья Будиміровича противопоставить слѣдующій: этот эпическій образ, как в цѣлом, так и в частностях, вполне туземный, русскій; в нем народ выразил конкретно свои идеальныя воззрѣнія на жениха. Жених — предмет очень любимый народной поэзіей. Народная фантазія нескупились на краски для изображенія излюбленнаго объекта. В одной малор. п. о женихѣ говорится:

Мати Ивася (жениха) родила,

Місяцем обгородила,

Зорею підперезала

(Чубинскій, Труды Экспед. IV, 87).

В записанной мной п.:

Хто у нас харош,

Хто у нас пригож?

Иванушка харош,

Васильевич пригош.

Он хораша ходя,

Манерна ступая,

Чюлков ни валяя,

Сапох ни ламаю.

Он на кава садитца,

Пад ним конь висялитца;

Он плетжаю маша, Луга зиянеють,
Пад ним воран конь Балоты линеють,
 [пляша. Салавы распявають
К лугам падязжая, Кукушки вукують...

(ср. Терещенко, Быт р. н. II 312—12).

Много любопытных в этом отношении подробностей разбъано в приведенных выше свадебных пѣснях.

Наиболѣе выразительным фактом народного стремленія к идеализаціи личности *жениха* слѣдует признать былину о Соловьѣ Будиміровичѣ. Соловей Будимірович — идеальный великорусскій жених. Средства для созданія такого эпического образа были всѣ у себя, дома, в области символов свадебной пѣсенной поэзіи.

Глава XIV.

2. Тугарин Зміевич.

Наши былины о Тугаринѣ Зміевичѣ принадлежатъ к одной группѣ с южно-славянскими сказаніями о змѣях и змѣевичах.

У Болгар много пѣсен о сношеніях змѣевъ с людьми. Большею частію онѣ отличаются художественными достоинствами. Глубокій лиризм особенно ярким становится, когда пѣсня изображаетъ страданія человѣка от ласкъ змѣя, тоску, сожалѣніе змѣя, поддавшагося хитрости человѣка и открывшаго секретъ отворотнаго зелья. Чары властны и над змѣями; только помощію чаръ человѣкъ можетъ освободиться от ласкъ непрошеннаго любовника. Нетолько змѣи — существа мужескаго пола — вступаютъ в связь с женщинами, но и змѣицы любятъ мужчинъ.

Стано ле мари хубава!
Шо съхниш, Стано, и вехниш,
Като гората под зима,
Под зима по Дмитровден?
Не ли ти драго, Стано ле,
И ти с момите да ходиш
И ти смин китеа да носиш?

Стана отвѣчаетъ:

Че драго ми је, мамо ле,
Яла не смеж от змеж,
От змеж от златокрила,
От змеж, от кассандіж.

Змѣй замѣтилъ, что она приготовляетъ для кого-то свадебныя подарки и ревнуетъ ее (Період. Спис. 1876 г. кн. XI и XII, 166). Чаще в подобных случаяхъ змѣй уноситъ свою возлюбленную в горы, в свои палаты. Однажды Рада по-

шла за водой к змѣевым колодцам, набрала воды и шла домой. На встрѣчу ей два змѣя огненника. Старшій миновал Раду, младшій заступил ей дорогу, напился из ея водососов и заговорил: „Рада, милая Рада! ты каждый вечер прежде ко мнѣ ходила, по букету цвѣтов носила; отчего же в этот вечер ты непринесла ничего?“ Рада отвѣчала: „пусти меня, змѣй, пройти: мать моя больна лежит, сильная жажда мучит ее“. Змѣй отвѣчает: „обманывай, Рада, когонибудь другого, а не меня:

Змѣйно си хвърка високо
И гледа змѣйно широко,
Сеги над вази предхвърънжх,
Майка-та сѣди в горен кат,
Майка ти магесница-та,
Майка ти омайница-та,
За тебе ризи съшива,
Сѣкавки билки ошива,
Сѣкавки билки омразни,
Омразни билки, раздѣлни,
Да но те, Радо, намразж.
Майка ти магесница-та
Магйоза гора и вода,
Жива ъ зѣмя хванжла,
В ново ъ гърне турила,
С бѣл ъ бодил поделада,
Зѣмя се в гърне виѣше,
Виѣше йоще пиѣше,
А мама ти нарича:
Както се виѣ тѣз' зѣмя,
Тѣй да се виѣт за Рада,
За Рада Турци, Българи,
Дано ъ змѣйно намрази,
Намрази да ъ остави.

Но неудалось ей тебя заморозить: вот сейчас я тебя возьму. Только что сказал это, подхватил Раду и унес — горѣ в небеса,

Де високи-те канари,
У широки-те пещери

(Dozon Българск. п. N 8).

В п. N 12 *ibid.* вмѣсто змѣя является солнце. По тону пѣсни можно судить, что матери Радки удалось отворотить солнце. Оно ограничивается горькой жалобой на коварство матери Радки. Пѣсня начинается превосходным запѣвом:

Пусти-те мои двѣ тѣги,
Я да станете двѣ мъгли,
Че се високо двигнете,
Дигаите мъгли прахове,
Та затулѣте слънце-то,
Слънце-то още мѣсеца.

Радка пошла за водой; ее встрѣтило солнце и так говорило:

Радке ле, мома хубава!
Бог да убиѣ майка-та,
Майка-та магесница-та,
Че магѣосала слънце-то,
Слънце-то още мѣсеца,
Гора-та, още трѣва-та,
Земя-та, още вода-та.
Зѣмии-те живи ловеше,
Със бѣл си бодил бодеше,
Бодеше и наричаше:
Какво аз бодж тѣ зѣмии,
Тѣй да се боджт иргени
За Радка, мома хубава.

Змѣй не один является за своей возлюбленной, а с цѣлой толпой себѣ подобных.

Димитра говорит своей матери: ты, мать, выдаешь меня замуж, а неспросишь моей воли. А меня, матушка, змѣй полюбил и сегодня возьмет к себѣ,

До вечера щжт да доджт
Змѣѣви с бѣли атови,
Змѣици с злати вочии,

Змѣйчета в злати люлчици,
Гора без вѣтър ще легне,
Село без огън се пламне
И без кучета ще лавне.

Что же ты, говорит мать, об этом прежде не сказала:

Мома ти да те полѣе

На пусто огнище с пуст бакрач?

Тот час явились змѣи и взяли Димитру (Dozon N 9).

Тяжелы и для мужчины ласки змѣицы.

Мать спрашивает Стояна, отчего он прежде был бѣлый, румяный, а теперь стал желтый, зеленый. Стоян отвѣчает, что в нему ходит „мечка-стрѣвница“: каждый вечер медленно приходит, головнями разгоняет овчаров, собак—камями, а его, Стояна, милует. Мать отвѣчает, что то не медвѣдица, а Елеа змѣица; научает Стояна вывѣдать у ней хитростью секрет отворотнаго зелья. Когда пришла Елеа, Стоян и спросил у ней:

Елео ле, либе змѣице,
Ти като толко ходиш,
Сички свѣт обходиш,
Не знаш ли биле омразно,
Омразно биле отдѣльно?
Че имам сестра по-малка
Та ъ Турчин ъ залюбил,
От него да ъ омразѣ,
Омразѣ, Елео, отдѣлѣ.

Елеа поддавалась хитрости: пусть мать твоя, говорит она ему, наберет

Синя-та бѣла тентава,

Жълта-та вратига и куманила;

пусть варит это в полночь в необожженном горшкеѣ, да потом оболет твою сестру: она Турчину опротивѣет. Мать так и сдѣлала; но вмѣсто сестры облила самого Стояна. Когда в вечеру пришла в Стояну Елеа,

От далеч иде и вика:

Либе Стоѣне, Стоѣне!

Що ме лесно излъга,
Те ме от себе отдѣли? Doz. N 7.

У Болгар для Змѣевича существует даже особое слово — *витяк*. У Дозона есть интересная п. о витякѣ, женившемся на дѣвушкѣ.

Янчо ли гди младу Янчо,
Прочул се Янчо от край ду край змя-та
Колу за нжгову юнасту,
Още толву чи имал *златни криля*,
Златни криля пуд мигиница.
Сичеи мислѣха чи си Янчо *витяк*,
Витяк от зми' породжн.

Всѣх юнаков превосходил он силою и ловкостію; а когда ходил в хороводѣ, то дѣвушки немогли налюбоваться им. Однажды, на Великденъ, ходя в хороводѣ, он услышал, что Богдана сказала своим подругам, что она непрочь бы и выдти за муж за Янча. Янчо тотчас оставил хоровод, пришел к матери своей — *змицицъ* и передал ей рѣчи Богданы. Мать совѣтует ему похитить Богдану. На другой день Янчо стал дожидаться Богданы на перекресткѣ, чрез который она должна была проходить на ниву с подругами.

Дж си сж и тия с друшеи зададж,
Лю си ду Янчо приблизи,
И сж облаци зададоха,
Змжювя на имдат дойдоха,
Да си на Янчо помогнат,
Мома Богдана да грабнат,
Богдана си тржсва затржсж,
Та си падна умрѣла на змя.

Старый змѣй достал из-за пазухи живой воды и оживил Богдану. Когда Богдана вздохнула глубоко и вернулась к ней ее душа,

Та си ѝ змжювя завараха
На гора зжлжна,
При вода студжна,
Дж си змжници дже банѣха (дѣтей);

от купанья в этой водѣ у змѣвичей вырастают позолоченныя крылья.

Тога се Богдана дусети
Чи Янчо си е змѣй
И сж е чляк присимосувал,
Дур да си нѣа измами.

И по русскому вѣрованію есть молодые молодцы зазорливые, которые умѣют прикидываться по змѣиному и по челоуѣческому (Аванасьев, Поэт. Возвр. II 523).

Через год Богдана родила сына, искупала его в той водѣ, у него выросли крылья —

Со злату позлатжни
И сж бисор поднизани

(Doz. Болг. п. 128—30).

Наш Тугарин — тоже витязь, змѣвич, сын змѣя: он имѣет крылья, впрочем бумажныя, вмѣсто древних б. м. золотых, на которых он летает по поднебесью; он — оборотень:

Невѣжа-то среди дня летает черным вороном,
По ночам ходит Змѣем Тугариновым,
А по зарям ходит добрым молодцем.

(Рыбник. II 16).

Как Янчо, он пользуется любовью женщин: внягиня Апракѣевна до того заглядѣлась „на мил живот, на молада Тугарина Змѣевича“, что обрѣзала рученью лѣвую; Алешѣ Поповичу, убившему Тугарина, она говорит:

Деревенщина ты засельщина!
Разлучил меня с *другом милым*,
С молодым змѣем Тугаретиним.

(Кирѣевск. II 80).

Сербская п. „царица Милица и змай од Јастребца“ (Вук II N 43) рассказывает об убійствѣ Змѣй-Деспотом-Вуком Змѣя от Јастребца, повадившагося летать каждую ночь к Милицѣ и измучившаго ее своими ласками. По совѣту Лазаря Милица выпытала у Змѣя, боится ли он евого нибудь на свѣтѣ; он ей проговорился, что боится Змѣй-

Деспота-Вука. Послѣдній тоже — витак. Когда он родился, Јерина разсказывала Туркам:

У мог сина, слијешца Гргура,
У неџа се мушко чедо нађе;
Није чедо чеда каквано су:
Вучја шапа и орлово крило,
И змајево коло под пазуом,
Из уста му модар пламен бије,
Матери се не да задојити (Рѣчник).

Лазарь попросил Вука приѣхать к нему в Крушевац и избавить его от насильника. Вук приѣхал на крушевацкое поле и на нем распял свой шатер. Лазарь пригласил его к себѣ на вечерю, но Вук отклонил просьбу князя, а Милицѣ наказал ничего неговорить Змѣю о его прибытіи. Когда настала ночь,

Засија се Јастребац планина —
И полеће змаје од Јастрепча,
Право паде на бијелу кулу,
Те царици сједе у душеке.

Подобно тому и в былинах:

Вот как вѣтра нѣт и тучу поднесло,
Тучи нѣт да быдто гром гремит,
Грому нѣт да искры сыплятсѣ,
Налетѣло Змѣйчищо Горынчищо

(Гильферд. 800).

Только змѣй усѣлся в покоях царицы, вскрикнул Вук:

Ко се љуби на бијелој кули,
Нек излази из бијеле куле,
Зар не види, ђе је погинуо!

Уворив Милицу за измѣну, змѣй

..... из куле утече,
На не бјежи Јастрепцу планини,
Већ побјеже небу под облаке,
А ћера га Змај-Деспоте-Вуче,
На високо неџа сустигао,
Удари га тешком топузином,
Те му преби у рамену крила,

Змаје паде у зелену траву,
На запишта, као змија лута:
„Вако било свакоме јунаку,
„Који свашта луби својој каже!

Долетѣл Вук, отсѣе голову змѣю и отнес ки. Лазарю. Благодарный Лазарь богато одарил избавителя.

Ср. с этим, что рассказываетя в сказкѣ о битвѣ Добрыни Никитича с Тугарином Змѣевичем (Кирѣевск. II, IX): „Не вѣтры буйные в полѣ подымались, не желты пески со дна моря рассыпалися: то сѣѣзжались, сходились Добрыня с Тугарином. Поднимается Тугарин выше лѣсу стоячаго, а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летает он, собака, по поднебесью. Взвился конь под Добрынею выше лѣсу стоячаго до облаба ходячаго. Сам-то Добрыня мечем рубит Тугарина, а Тороп-то пускает калену стрѣлу в Тугарина Змѣевича, во его крылья бумажныя. И упал ол, Тугарин, на сыру землю. И тут ему Добрыня главу свернул, на копые вотенул, а сам коня ко граду Кіеву вернул.

И посылает Владимір к Добрынюшкѣ золот перстень с правой руки, а княгиня Апраксѣевна ширинку шелковую златошвейную“.

Несомнѣнно, многое в разбираемых сказаніях объясняется и книжными средневѣковыми сказаніями о сношеніях демонов с людьми. Нельзя напр. не сравнить с нашей былинной о Тугаринѣ слѣдующаго эпизода из Александрии о зачатіи Александра Великаго от волхва Нектанева. Неблудная Алимпіада призвала Нефтанава и вопрошала о житіи своем и чадородіи еже от Филиппа царя. Нефтанава, прельщенный красотою царицы, отвѣчал: родиши Филиппу сына, но не от него зачнеши, приидет бо ти Аммон бог Ливійскій и от того зачнеши, ты же буди готова ему на царской постели, преже бо явится во снѣ во образѣ змѣнном, и потом тѣм же образом и яве приидет к тебѣ, и быв с тобою, паки во образѣ орла великаго преложится и изыдет от тебе. Се же изрече ей и отыде от нея. Ей же спящу обратися Нефтанава волхв во образ змиин, и быст

с нею, и зачат Александра. Яви же ся Нефтанав и Филиппу царю во снѣ, и изрече ему еже Алимпіада от Аммона бога Ливійскаго зачала сына. Потом же Филипп прииде в дом свой и видѣ Алимпіаду жену свою чреватую, и невѣрова о том, еже от Аммона бога зачат, и сотворил Филипп вечерю на воевод своих. Егда же веселяшеса Филипп с гостями своими, Нефтанав же обращся во образ змія великаго, и вниде пред всѣми гостями в палату царицы; вси же видѣвши, устрашишася, царица же Алимпіада даст руку змію, змій взыде и ляже на лоно ея, и цѣлова ея, и паки пред всѣми превращся во образ орла великаго, и излетѣ из палаты вон. Филипп же ят вѣры, еже от Аммона бога Ливійскаго во чревѣ Алимпіады зачатое (из Хронографа, принадл. одн. извѣстн. мнѣ старовѣру).

В основаніи же своем славянскія сказанія о сношеніях людей со змѣями туземны; наша былина о Тугаринѣ представляет варіант их. Очевидно, Тугарин Зміевич — личность мифическая. Как в исторіи Лазаря Сербскаго нѣтъ ничего такого, что могло бы быть основаніем изложенной п. о царицѣ Милицѣ и змѣѣ от Ястребца; так точно слѣдует оставить всякія попытки историческаго объясненія и приуроченія былины о Тугаринѣ Зміевичѣ.

Очень зыбким, хотя и заманчивым, нам кажется сближеніе Тугарина Змѣевича с половецким ханом, Тугорханом „Тугарин почти несомнѣнно (?) есть извѣстный Тугоркан или Тугаркан лѣтописей, говорит П. В. Безсонов, у коего Святополк Михаилъ взялъ дочь в замужество и на внучѣѣ котораго Мономах женилъ сына Андрея. Эти исторически-родственныя с ними связи выражены в былинах тѣм, что Тугарин весьма часто в Кіевѣ как свой, союзится с кіевскими женщинами, кладет руки в пазуху женѣ Владиміра. Но, как хан Половецкій, он же был и постоянным врагом, он и убитъ в битвѣ с Русью и — замѣчательно — похороненъ под Кіевом, напоминая о себѣ пѣснямъ своею могилою, подобно как, мы знаем, могила Олега Святославича под Овручем ввела его в пѣсни об Олгѣ Вѣщем“ (Примѣч. к IV т. Кирѣевск. 115—16).

Любовь Евпраксії к Тугарину и родственныя связи кievских князей с Тугорханом, убійство Змѣевича Тугарина Алешей или Добрыней и смерть Тугорхана под Киевом—черты существенно весьма различныя. А при отсутствіи явственных слѣдов сходства между былиной и лѣтописными извѣстіями о Тугорханѣ гораздо основательнѣе видѣть в звуковом сходствѣ имен Тугарина и Тугорхана случайное созвучіе, на котором нельзя строить никаких убѣдительных выводов об историческом тождествѣ этих двух личностей.

Глава XV.

3. Жидовин.

Еще болѣе произвола допущено нашими изслѣдователями в объясненіи былины о Жидовинѣ. „По эпохѣ, в которую эта сказка сочинена, она, кажется, древнѣ всего собранія Кирши Данилова, за исключеніем может быть сказок о Дунаѣ Ивановичѣ и Волхвѣ богатырѣ. Ни разу нѣтъ упоминанія о Татарах, но за то *ясная память о Хазарах, и богатырь из земли Козарской, названной справедливо Жидовскою, является соперником русских богатырей*; это признакъ древности неоспоримой. В дѣйствіи является уже не отдѣльный какой нибудь богатырь, а цѣлая богатырская застава, которой атаман Илья Муромецъ. Эта застава принадлежит вѣроятно княжеским пограничным стражам, хотя имя князя не упоминается нигдѣ. Стоит она на лугах Цицарских, под горою Сорочинскою: оба названія указывают, если не ошибаюсь, на южныя области за Кіевом“ (Сочиненія Хомякова I 487).

Это мнѣніе, повторяемое без измѣненія до сих пор в ученой и учебной литературѣ, есть в сущности не болѣе, какъ культурно-историческій миражъ. Казары нивогда небыли народомъ строго еврействующимъ. „Большинство Хазаръ мусульмане и христіане. И есть между ними идолопоклонники. И самый немногочисленный классъ у нихъ Евреи. Царь ихъ исповѣдуетъ еврейскую религію“ (Изв. Ал-Бекри о Руси и Славянахъ. Куника и Розена I, 60). В лѣтописи Нестора Хазары называются своимъ именемъ; упоминаются старцы козарстїи. В разсказѣ объ испытаніи вѣр ясно различаются Жиды и Козары: *жидове козарстїи придоша, рекуще. Владимір рече: гдѣ есть земля ваша? они же рѣша: в Ерѹсалимѣ* (Лавр. л. 83). Нѣтъ нивѣдѣхъ данныхъ

утверждать, что Козары были миссіонерами еврейства на Руси. Не было, стало быть, оснований для древней Руси нѣтъ их и для нас — отожествлять Жидов и Козар, землю, Жидовскую и Козарскую, Жидовина и Козарина; тѣмъ болѣе, что в былинѣ не заключается ни одного упоминанія о *Козарахъ*, и все Хомяковское толкованіе ничѣмъ немотивировано.

Былину о Жидовинѣ по содержанію слѣдует считать позднимъ вариантом довольно распространеннаго в нашем эпосѣ сказанія о встрѣчѣ Ильи Муромца с сыномъ. Послѣдній в разныхъ вариантахъ носитъ разные названія, обнаруживающія книжное происхожденіе самого сюжета: Збут-Борис-Королевичъ (Кирѣевск. I, 10); Аполлонище, сынъ дѣвки Сиверьяничны (Гильферд. N 246); Петре Царевичъ Золотничанинъ, сынъ Сиверьяничны (ibid. N 226); Василей сынъ Сиверьяничны (N 219); Татарской сынъ, Михайло Долгомѣровичъ (N 114); Соловниковъ (N 46); Сокольникъ сынъ Латыгорей (Кирѣевск. IV, 12). Былина о Жидовинѣ (Кир. I, 47; IV, 6) построена по одному плану с этими и развиваетъ почти одно и то же содержаніе. Вся разница сводится главнымъ образомъ къ слѣдующему: в былинахъ о встрѣчѣ Ильи Муромца с сыномъ, послѣ паденія перваго, грубыхъ, оскорбительныхъ для старика-героя рѣчей втораго и сшибки нахвальщика на землю, происходитъ узнаніе отца сыномъ; в былинахъ о Жидовинѣ этотъ эпизодъ цѣликомъ выпалъ. Послѣднее обстоятельство я думаю поставитъ в связь с введеніемъ в кругъ былинъ этого мотива названія супротивника *Жидовинъ*. Жидовинъ в значеніи врага, с которымъ предстоитъ бороться богатырю, вѣроятно, первоначально являлся в книжно-народныхъ сказаніяхъ, подобныхъ слѣд.: в русск. духовн. стихѣ о Федорѣ Тиронѣ Константина Самойловича осаждаютъ в Иерусалимѣ царь *Иудейской*, сила *жидовская*; в былинѣ о хожденіи русскихъ богатырей в Царь-градъ является Идолице *Жидовское*; южно-славянская легенда объ обрѣтеніи креста выводитъ на сцену проклятаго царя *Евреина* (А. Н. Веселовскій, Южно-русс. был. VIII, 288). Позже, эпитетъ сталъ собств. именемъ: явился богатырь Жидовинъ, в об-

щем смыслѣ врага. В этом значеніи Жидовин перешел в былины о встрѣчѣ И. Муромца с сыном и повліял на видоизмѣненіе сюжета послѣдних: о родственных связях И. Муромца с Жидовином немогло быть и рѣчи.

Очевидно, былина о Жидовинѣ и по строю и по содержанию принадлежит позднѣйшему времени и не заключает в себѣ ни малѣйших намеков на древне-русскія международныя отношенія. Введеніе заставы богатырской, словной характеристики богатырей принадлежит московскому періоду, а не древне-кѣвскому.

Из сказаній сходных с былинной о Жидовинѣ, помимо указанных Ор. Ф. Миллером в кн. „И. Муромец“ и пр., остановимся на слѣдующих двух:

У Болгар сюда принадлежит п. о борьбѣ трех юнаков — Петра, Марка и Груицы — с зміем трехголовым и трохвостым, засѣвшим на царской дорогѣ и грабившим царскую казну (Миладин. стр. 166—67)

Прочуло ся е люта змія,
Люта змія осойница,
Со три глави, с три опашки
На царьови-те друмове,
Та воспря на царя хазна,
Та не може да му мине.

Три славных юнака Петар, Марко и Гроица, по приказанію царя идут против змія. Первым вышел Петр,

В друми върви, песеп пее:
„Де си, да си люта змія,
„Я си изляз на друмове.
И излезе люта змія,
Претегна му на конь нозе,
Па си вдигна втора глава,
Та му върза бѣли рѣце,
Па си вдигна третя глава,
Да му піе църни очи.
Уплашися дели Петар,
Бутна коя та назади.

Тоже сталося и с Марьом, выѣхавшим против змѣя, не смотря на предостереженія Петра.

Ср. с этим в нашей былинѣ про Жидовина: узнав о проѣздѣ через заставу Жидовина, богатыри рѣшаются ѣхать за нахвальщиком,

Настигать нахвальщика в чистом полѣ,
Побить нахвальщика в чистом полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.

Выбор пал на Добрыню. Выѣхав в поле и увидѣвъ нахвальщика, он закричал:

Вор, собака, нахвальщина!
Зачѣм нашу заставу проѣзжаешь?
Атаману Ильѣ Муромцу не бьеш челом?

.
Учул нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Напущал на Добрыню Никитича.
Сыра мать земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на колѣнца пал.
Добрыня Никитич млад
Господу Богу взмолился
И мати Пресвятой Богородицѣ:
„Унеси Господи от нахвальщика!
Под Добрыней конь поисправился,
Уѣхал на заставу богатырскую.

Когда выѣхал на бой со змѣем Груица,
Изляла бѣ люта змѣя,
Ка си виде мало дете,
Па си вдигна една глава,
Претегна му на кон нозе;
Па си вдигна втора глава,
Претегна му половина,
Па си вдигна третя глава,
Па му вжрза бѣли ржце.
Провиѣнж сж мало дете:

„Я чуй ма, боже, я вижд ма,
Ослаби десна рачица,
Да извада остра саба!“
Па извади остра саба,
Та погуби люта змя,
Па си узе до три глави,
Занесе ги на царьови,
На царьови равни дворове.
И цар си им одговора:
„Ой та Грую, мало дете,
Просто тебъ столнина-та,
Аз да стана, ти да седнеш“.

У Ильи Муромца в бою с Жидовином,

Поскользит ножка лѣвая,
Пал Илья на сыру землю;
Сѣл нахвальщина на бѣлы груди,
Вынимал чинжалище булатное,
Хочет вспороть груди бѣлыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову...

Лежит Илья под богатырем,
Говорит Илья таково слово:
Да неладно у святых отцов написано,
Не ладно у Апостолов удумано.
Написано было у святых отцов,
Удумано было у Апостолов:
Не бывать Ильѣ в чистом полѣ убитому,
А теперь Илья под богатырем!

У Ильи лежучи прибыло силы втрое; махнул нахвальщиза в бѣлы груди, шибал выше дерева жароваго; падал нахвальщина на землю, Илья отсѣк ему голову, поднял на воше и повез на заставу богатырскую (Кирѣевск. I 46).

Сходный мотив развивается в одном кабардинском рассказѣ о Нартѣ Сосрыко (Сборн. Св. о Кавк. горц. V, 56—59). Рыская по горам, Сосрыко замѣтил вдали черное пятно: он вликнул, но крик его небыл услышан; погнался за ним, но немог нагнать. Тогда тот, обернувшись,

крикнул, и крик его пронзил Сосрыко; преслѣдуя потом и нагнав Сосрыко, он нартовское двуглавое копьё припер к сѣдлу и вышиб его из сѣдла. Вынув шашку, всадник подѣхал снять голову Сосрыко; но тот прибѣг к хитрости, попросив назначить для боя иной день. Возвратившись домой, Сосрыко рассказал матери о своей встрѣчѣ с неизвѣстным всадником и описал его наружность. Мать признала в нем своего племянника, сына своей сестры. В назначенный день выѣхал Сосрыко на бой; коня своего он, по совѣту матери, увѣшал колокольчиками. Тотыреш Альбеков — так звали противника Сосрыко — уже ждал его. Сосрыко обернулся вокруг него туманом. Тотыреш, размышляя о том, откуда мог появиться туман, задремал. Тогда Сосрыко заставил коня своего мотнуть головой и хвостом. Колокольчики зазвенѣли, и конь Тотыреша, испуганный, понесся. Желая удержать коня, Тотыреш слишком сильно дернул за поводья, разорвал ему челюсти, отчего он тут же и умер. Сосрыко насочил, вынул мечь и снял голову Тотырешу.

Глава XVI.

4. Святогор.

Выраженіе „старшіе богатыри“, встрѣчающееся в былинѣ о поѣздѣ Ильи Муромца в Кіев, было понято нашими изслѣдователями слишком широко. Наши былины не заключают в себѣ опредѣленных указаній на великанов, представителей до-богатырскаго періода, „старших“ богатырей; отсюда и в изслѣдованіях о старших богатырях неясность, сбивчивость и произвол.

К старшим богатырям, обыкновенно, относят Святогора, Микулу Селяниновича, Вольгу, Сухмапа, Дона и Дуная (Порфирьев, Истор. рус. слов. I 50), Полкана, Колывана и Самсона (Пѣсни Кирѣевск. Указатель). Но Полкан и Самсон, очевидно, имена, заимствованныя книжным путем. О Колыванѣ былины так мало говорят, что нѣтъ основаній относить его к старшим богатырям. Дон, Дунай, Микула, Сухмап и Вольга не заключают в себѣ ничего титаническаго, ничѣм неотличаются от таких „младших“ богатырей, как Добрыня ¹⁾.

¹⁾ Относительно Вольги, нам кажется довольно вѣроятным мнѣніе о связи былеваго образа этого богатыря с князем Олегом Вѣщим. Доказать этого, однако, нельзя, и мы оставляем пока в сторонѣ вопрос о том, принадлежит ли эта былина до-татарскому періоду и составляет ли она древне-кіевское наслѣдство, или возникла на сѣверо-востокѣ Руси самостоятельно и не в особенно древнее время. С сказаніем былины о рожденіи Вольги ср. арабскую легенду о чудѣ, сопровождавшем рожденіе Магомета. „В ту ночь, когда он родился, чудовищная рыба, величайшая из всѣх нѣмых обитателей соленых вод, рыба о 700000 хвостах, носящая на своем хребтѣ 700000 тельцов, из которых каждый больше земнаго шара,

В сказаніях о Святогорѣ указано такъ много элементовъ книжныхъ (о сумочѣ переметной, о смерти Святогора), что вопросъ о литературномъ происхожденіи былинъ объ этомъ богатырѣ кажется близкимъ къ положительному рѣшенію. Замѣчательно, что сами былины не присвояютъ русской землѣ этого богатыря:

Святогоръ былъ Богомъ данный, не русскій,

И жилъ Святогоръ во землѣ не русскій.

Не ѣздилъ онъ на святую Русь,

Не носила его да мать сыра земля.

Онъ нашелъ на всей землѣ только одну гору, могущую выдержать его, и лежитъ на ней. На ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. „Видишь, какой я урод: меня и земля недержитъ, нашелъ гору себѣ и лежу на ней“ (Кирѣевск. IV, 2-е изд. стр. 233). Описаніе Святогора напоминаетъ сказаніе Александрія „о великомъ мужѣ, котораго видѣвъ Александръ подивися“ (Христом. Буслаев. стр. 1341): „и отъ туду (отъ брахмановъ) мало (Александръ) пошедь и мѣста нѣкоего дошедь и ту обрѣте гору высокую суцую, за нюже человекъ привязанъ веригами желѣзными; высота же человека того 1000 сажень, а широта 200 сажень; царь же Александръ и все воинство его видѣвъ великаго онаго мужа вси убоашася и приступити къ нему не смѣяша и минуше того 4 дни гласъ его слышаша, человека того“ (ср. А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Іюнь, 176).

Для сравненія съ русскими сказаніями о Святогорѣ и „старшихъ“ богатыряхъ представляютъ интересъ кавказскія сказанія о столкновеніяхъ Нартовъ съ Великанами. Въ послѣднихъ образъ „старшихъ“ богатырей очерченъ весьма ясно. Вотъ

каждый украшенъ 700000 роговъ изъ чистаго изумруда и каждый скакалъ и прыгалъ въ эту ночь на огромной массѣ, носящей его и даже вовсе этого нечувствовавшей, — Тамоаза, царица рыбъ, до того разыгралась въ минуту рожденія Магомета, что не премѣнно опрокинула бы вселенную, если бы Аллахъ не укротилъ ея восторговъ“ (Черты изъ Жизни Магомета и арабск. легенды о немъ. Москвитянинъ 1853 N 14).

напр. сказаніе о нартовском богатырѣ Сосрыко (Сборн. Свѣд. о Кавк. горцах VII Нар. сказ. 1—4). Сосрыко погнал однажды скотину пасти к берегу Чернаго моря. Вдали он замѣтил огромнаго роста человѣка, приближавшагося к нему. То был Тых-Фирт Мукара, т. е. сын силы, Силыч, Мукара. Подѣхав к Сосрыко, великан с ним поздоровался и спросил про Нартовских знаменитостей. Сосрыко назвал поименно главнѣйших нартовских героев. Великан попросил показать ему нартовскія игры. „А вот как у нас играют: я помѣчу себѣ на груди, стану поодаль, а ты должен попасть мнѣ в помѣченное мѣсто на груди стрѣлой; если я выдержу, это значит хорошо; или ты станешь, я буду стрѣлять“, сказал Сосрыко. „Хорошо, стрѣлай ты, а я стану“, сказал Мукара и стал поодаль, обнаживши грудь. Стал стрѣлять Сосрыко; но к его удивленію стрѣлы, ударясь о грудь великана, ломались и отскакивали назад. „Нѣтъ, пустая это игра!“ воскликнул Мукара: „покажи что либо другое“. Вторая игра состояла в том, что Сосрыко, поставив великана под горою, сам взобрался на гору и сбросил оттуда ему на лоб огромный камень. Ударившись о лоб, камень разсыпался по сторонам мелким песком. Сосрыко предложил третью игру: „вот стань в море; когда оно замерзнет от верху до низу, то повернись в нем, и разбей лед; это хорошая игра; если сможешь, — ты богатырь“. Мукара вошел в воду. Когда море замерзло от верху до низу, попытался Мукара повернуться; но гдѣ же ему взломать сплошной морской лед. „Что же мнѣ дѣлать с тобой?“ спросил Сосрыко. „Надул ты меня нартовец! ты хочешь убить меня; но своим оружіем тебѣ неубить меня; поэтому ступай к моей женѣ и возьми в кухиѣ мой кинжал в шерстяном чехлѣ: этим только кинжалом ты убьешь меня“. Сосрыко отправился. Одна женщина посоветовала ему, войдя в хоромы Мукары, неговорить ни слова: в противном случаѣ, кинжал соскочит с гвоздя и вонзится в его грудь. Сосрыко так и сдѣлал. Кинжал взял, Мукару убил, а на его женѣ, красавицѣ, сам женился.

Мукара, по словам сказанія, был *князь скал* (стр. 3); это прозваніе напоминает нашего *Святогора*.

В вар. (Сборн. Св. о К. г. V 53—56), когда Сосрыко бросился с мечом на замороженнаго в морѣ великана, послѣдній, дунув, отбросил его на полдневный путь назад. Как на крыльях приспѣл вновь Сосрыко и когда, вынув мечъ, он подѣхал снимать голову великану, тот сказал: „если бы я небыл глупый великан, как было мнѣ недогадаться по двум твоим колѣням, что ты Сосрыко“.

И Святогор хотѣл дохнуть мертвым духом на брата названнаго, Самсона. Послѣднему достался мечъ — кладенец Святогора, как Сосрыко чудный кинжал Мукары (Кирѣвск. Пѣсни IV 2-е изд. 283).

В былинѣ о Святогорѣ рассказывается, что он носил свою жену в ларцѣ. Такая же черта встрѣчается и в нартовских сказаніях. Хамиц был женат на маленькой и безобразной дѣвушкѣ; он нежил с нею, а только носил ее в карманѣ всюду, куда пойдет: очень ужъ она полюбилась ему (Всевол. Миллер. Осетинскія этюды I 148).

Приведенныхъ сближеній, разумѣется, недостаточно, чтобы, опираясь даже на аналогію бабы Горынянки, говорить о возможности вліянія кавказскихъ сказаній о горныхъ великанахъ на русскія былины о Святогорѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія в области нартовскаго эпоса быть можетъ представятъ больше матеріаловъ для такого или иного рѣшенія этого вопроса. — Наше дѣло отмѣтить, что есть.

Глава XVII.

5. Дюк Степанович.

Различныя подробности былин о Дюкѣ Степановичѣ наши изслѣдователи старались объяснять большею частію путемъ заимствованій изъ разныхъ книжныхъ и устныхъ народныхъ источниковъ. В. В. Стасов „диловинни“ житѣя-бытѣя Дюка объяснял изъ подробностейъ восточныхъ поэмъ (Вѣстн. Евр. 1868 г. Іюнь, 644 и слѣд.); г. И. Ждановъ изъ греческой поэмы о Дигенисѣ Акритѣ (Къ литературн. истор. русск. былев. поэзи. Кіевъ 1881 г., стр. 232 и слѣд.); А. Н. Веселовскій изъ средневѣковыхъ сказаній объ Индѣйскомъ царствѣ (Ж. М. Н. Пр. 1884. Февр. Ю.-рус. был. VI). Въ этихъ поискахъ за источниками чудесъ Дюковой Индѣи богатой оставлена безъ вниманія возможность отраженія въ былинѣ чертъ быта и обстановки жизни русскаго общества. Между тѣмъ, безпристрастное сравненіе частностейъ былины съ извѣстными фактами бытовой обстановки Московскаго боярства XVI и XVII вв. обнаруживаетъ поразительное обиліе въ ней чисто русскыхъ, туземныхъ, Московскихъ, бытовыхъ чертъ.

Одна изъ былинъ о Дюкѣ начинается слѣдующимъ заголовкомъ, замѣчательнымъ, какъ по широкому поэтическому размаху, такъ и по присутствію мифологическаго элемента. Во Индѣи во богатой, во Корелѣ упрямой, в гор. Волын-

цѣ жил был боярскій сын Дюк Степанович. Брал он свой тугой лук, брал 30 каленых стрѣл и три стрѣлы золоченых, ходил стрѣлять гусей лебедей.

Разстрѣлял он тридцать три стрѣлы,
Не попал он ни в единую.

„Мнѣ не жалко тридцати-то стрѣл,
„А только жалко мнѣ-ка трех-то стрѣл.

„Эти три стрѣлы да вѣдь каленны,

„*Оны вси да золочены,*

„*И перьями сажонны,*

„*Оны перьями орловыма;*

„*Не того орла, который летает во чистом
полю,*

„*А того орла, который сидит на мори,*

„*На мори сидит, на камени;*

„*А ще той орел сворохнется,*

„*Сине морюшко сколыблется,*

„*А в деревнях пѣтухи споют.*

„Тут ѣздят гости корабельщики,

„Обирают перья-ты орловы,

„Оны привозят е моей матушеѣ,

„Емельфѣ Тимофѣевной“ (Гильферд. 628).

Этот мифическій орел встрѣчается в Калевалѣ: он так громаден, по представленію Финнов, что зѣвъ его подобен шести водопадам; одним крылом разсѣкает он морскія волны, а другим — небесныя тучи; в другой п. говорится об орлѣ, перья котораго пынут пламенем (Афанасьев. Поэтич. Возвр. Сл. на прир. I 493). В Исландіи думают, что орел производит бурныя грозы взмахом и запусканіем своих когтей (ibid.).

Этот молодец собирается поѣхать в Кіев град, по-смотреть, так ли он хорош на самом дѣлѣ, как о нем рассказывают. Получив от матери благословеніе, Дюк отправляется в Кіев. Выѣхав из Волынца послѣ утрени великодной, Дюк поспѣл в Кіев к обѣднѣ. Отстояв обѣдню, Дюк, по приглашенію Владиміра, идет в княжескій терем, садится за дубовый стол с прочими богатырями; — начина-

ется пир. На пиру Дюк похвастал своим богатством, но нашел себѣ соперника в лицѣ кievскаго щеголя, папа, Чурилы сына Пленковича:

Да тут-то Чурилу стало зáзорко,
Да и сам говорил таково слово:
Да свѣт, государь, ты, Владимир князь!
Да когда правдой дѣтина похваляется,
Дак пусть ударит со мной о велик заклад:
Щапить-басить по три года
По стольному городу по Кіеву,
Надѣвать платья на раз, на другой не перена-
шивать.

Порок поставили 500 рублей.
Который из них а не перещипит,
Взять с того 500 рублей.

Извѣстно, наши предки любили щеголять роскошью и разнообразіем одежд.

Премладый Чурило сын Пленкович,
Обул сапожки ты зелен сафьян,
Носы—шило, а пята—востра,
Под пату хоть соловей лети,
А кругом паты хоть яйцо кати.

(Гильферд. 1076).

„Всѣ русскіе, говорит Ад. Олеарій, носят короткіе сапоги, с длинными острыми носками, из юфти, или персидскаго сафьяну. Женщины, особенно дѣвицы, носят башмаки с весьма высокими, в четверть локтя, каблукъами, подбитыми снизу кругом маленькими, красивыми гвоздиками; в такихъ башмаках онѣ немогут и ходить много, потому что должны ступать только на цыпочки, едва касаясь земли передкомъ башмака“ (Описаніе путешеств. Голшт. посольства, сост. Олеаріем; пер. Барсова. М. 1870, 162). В XVII в. и мужчины носили сапоги с высочайшими каблукъами — до 3-х вершков (Прохоров. Русск. Древности 1876 г. стр. 29).

Дюк обул

... запотцы ты семи шелеов,

И в эти лапотцы были влетаны
Каменья все яфнты.
Да который же камень самоцвѣтные
Стоит города всего Кіева,
Опришно Знаменья Богородицы (ibid.).

Чурило Пленкович

Да наложил ён шапку черну мурманку,
Да ушисту, пушисту и завѣсисту,
Спереди-то невидно ясных очей,
А сзади невидно шеи бѣлыя (ibid.).
У молодаго у Дюба у боярина,
На головушку надѣта есте шапочка,
Спереду введен да то свѣтел мѣсяц,
А ѿ воеруг-то введены звѣзды частыи,
На верху шелом как быдто жар горит

Гильферд. 527.

В старину шапки шились из дорогих разноцвѣтных матерій, украшались золотым шитьем, драгоцѣнными камнями и жемчугом. Мѣховыя опушки, как у мужчин, так и у женщин, ниспадая, закрывали болѣе половины лба и шеи (Прохоров. Рус. Древности, 1876 г. 4, 16 и др.).

Молодой Чурилушка-то Пленкович,
Надѣвал одежицу снарядную,
Ен снарядную одежицу, хорошеньку:
У рубашечки манешечки шелковеньки, -
Кунью шубу он надѣл на плечка на могучи,
Еще строчка строчена-то чистым серебром,
Друга строчена так красным золотом,
Петельки-ты вшиваны шелковыя,
Пуговицы положены да золоченыя.

Всѣ эти черты вполнѣ русскія; далѣе слѣдуют образы ино-го пошиба:

Аѿ во этии во петелки шелковыи,
А то влетано по красной по дѣвушки,
Во этии пуговицы-ты в золоченыи,
Аѿ то вливано по доброму по молодцу

Как застегнутся, так и обоймутца,
Поростегнутся, так поцѣлуются.

Такая точно одежда и такія украшенія на ней были у Дюка Степановича (Гильферд. 527). Неизвѣстно, носили ли русскіе бояре XVI и XVII вв. такія украшенія в петлицах и пуговицах. Слѣдующія подробности, относящіяся къ пуговицам Дюка и Чурилы, показывают, что здѣсь мы имѣем дѣло с аллегоріей, источник и значеніе которой не-вполнѣ ясны. Чурило Пленкович как поведет по петелкам, так красны дѣвушки наливают зелена вина

И подносят добрым молодцам;
А по пуговкам поведет,—
Добрые молодцы играют в гусли яровчаты,
Развеселяют красных дѣвушек.

(Рыбников II 179).

Как Дюк Степанович поведет плеточкой по бѣлой груди,
Еще петелки-ты свищут по соловьему,
Ай то пуговики крычат-то по звѣриному.

От того свисту и крику народ падал на кирпичен мост (Гильферд. 528). В вар. Гильферд. N 225 в пуговицах шубы Дюковой были литы люты звѣри, в петлях были вишиты люты змѣи.

Да подернул Дюк-то по пуговкам,
Да заревѣли во пуговках люты звѣри;
Да подернул он по петелкам,
Да засвистали во петелках люты змѣи.

От того свисту и реву в Кіевѣ „старой и малой на землѣ лежит“. Приз в 500 рублей остался за Дюком (Гильф. стр. 1076).

А. Н. Веселовскій весьма основательно сближает этот эпизод былин с средневѣковыми рассказами о чудесах во дворцѣ знаменитаго пресвитера Іоанна. Так, в одном сказаніи встрѣч. слѣдующія диковинны: дворец правителя стоит на 900 колоннах; у каждой „sunt . . . facte ymagines, ad unam ymago regis et ad aliam ymago reginae, habentes ludos et cyphos, deaturos in manibus suis. Tunc ymago reginae habet cyphum aureum in manibus suis

sibi propinando, et sic et contra“. Едва ли может быть сомнѣніе, что здѣсь разумѣются механическія фігуры, и-гравшія на инструментах и наливавшія друг другу в кубки (сyrphos = сурѣіос). Средневѣковые памятники полны описаній таких диковинок. Диковинки в пуговицах и петельках Чурилы „суть образы пресветерова дворца, спустившіеся лишь с шлястров в пуговкам и петелькам“. (Журн. М. Н. Пр. 1884 Февр. 393—4).

Побѣжденному в умѣньѣ хорошо нарядиться Чурилѣ стало зазорно. Он научает Владиміра послать оцѣнщиков или переписчиков на Дюкову родину „в Волянѣ землю“ провѣрить „правдой ли дѣтина похваляется“. Послы отправляются.

Послѣ трехмѣсячнаго путешествія, они

Усмотрѣли Индѣю да богатую,

Усмотрѣли тут Корелу да проклятую,

подумали, что

Вся Индѣя что ли нас да перепаласи,

Вся Индѣя вдруг да загорѣласи.

Оказывается, что не испугалась их Индѣя, а

Вся Индѣя тут стоит да у них в золоти;

Ай палаты тут у них да бѣловаменны,

Столбики у них были точсныи,

Крышеи-ты у них да золоченыи

(Гильферд. 85).

А тут церквы были всѣ каменныя,

Стѣны известочной избѣлены,

На церквах маковки самоцвѣтныя,

На домах крышечки да золоченыя,

Мостовыя рудожелтыми песочками пріусыпаны,

Сорочинскія суконца поразостланы.

(ib. 825).

Вопреки мнѣнію г. Жданова (К литературн. истор. был. позз. 235) мы полагаем, что это описаніе взято прямо из русской дѣйствительности, а не откуда либо изчужа. Богатый древнерусскій город с золочеными маковками церквей, с золотоверхими теремами, с разными украше-

ніями на зданіях мог производить подобный же эффект. Вот как описывает внѣшній вид царскаго дворца конца XVII в. Забѣлин в сочиненіи „Быт русск. царей“ стр. 108: „внѣшній вид дворца в концѣ XVII в. представлял чрезвычайно пеструю массу зданій самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметріи, единственно по удобству, так что дворец в строгом смыслѣ неимѣл фасада. Зданія тѣснились друг против друга, возвышаясь одно над другим и еще болѣе увеличивая общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными, в видѣ шатров, скирдов, бочек, с прорѣзными значеными гребнями и золочеными маковицами на верху, с узорочными трубами, искусно сложенными из поливных изразцов. В иных мѣстах возвышались башни и башенки с орлами, единорогами и львами, вмѣсто флюгеров. По свидѣтельству итальянца Барберини, кровли и куполы на царском дворцѣ были покрыты золотом . . .“

Двор у Дюка на семи верстах,
Да кругом двора да все булатный тын,
Столбикъ были точеные,
Да точеные да золоченые,
Да на каждом столбичку по маковки,
Маковки то были мѣдные (Гильферд. 1143).

У людей зажиточных на Руси дворы огораживались тыном или столпьем. Дворы были иногда весьма обширны; мы имѣем примѣры, что они дѣлились, какъ удѣлы и что два князя владѣли одним двором (Костомаров, Очерк домашней ж. и нр. великор. нар. в XVI и XVII вв.). Вообще обширность двора соотвѣтствовала, повидимому, знатности и богатству хозяина (Древности Труды Моск. Общ. 2 сл. жилище).

В вар. Рыбникова III N 31 у Дюка тридцать три терема; верхи теремов свивают в одно мѣсто.

В трех теремах златоверхих Соловья Будиміровича тоже свиваются верхи с верхами. „Это напоминает, говорит Ор. Ф. Миллер, тѣ дубы, в которых свито гнѣздо Соловья Разбойнича — дубы свивающіеся верхами“ (стр. 554

Ил. Мур.). Сравненіе это мало помогает уразумѣнію даннаго общаго мѣста былин о Дюкѣ и Соловьѣ Будиміровичѣ. Свиваніе верхов теремов — архитектурная подробность древне-русскаго обычая строить зданія. Слово *верх* в этих мѣстах былин употреблено не в смыслѣ кровли зданія, а в значеніи верхняго этажа, верхняго жилья (Даль). „Верхом, говорит Забѣлин, назывался в XVI и XVII в. верхній этажъ; в царских хоромъ—верхній этажъ дворца, который занимали князья и цари; выраженіе: „быть у государя вверху“ значило тоже, что во дворцѣ“ (23). Соединялись отдѣльныя постройки сѣнями. „Из всѣх мѣст лѣтописи, гдѣ упоминается о сѣнях, видно, что онѣ были в верхнем этажѣ“ (ibid. 22). Сообразно с этим, приказанію Соловья Будиміровича построить

А три терема-то златоверхихъ,

Что верхи бы с верхами завивалиси

(Гильферд. 286)

соотвѣтств. в вар. (ibid. N 68) постройка трех теремов

Со троима со синями со нарядными.

У Кириши:

Ко полуночи двор Соловья поспѣл:

Три терема златоверховаты,

Да три сѣни косящатыя,

Да трой сѣни рѣшетчатыя.

Да еще у Дюка у Степановича

Ворота были вольячныя (рѣзные, точенныя),

Подворотенки были хрустальныя,

Надворотенки да дорог рыбій зуб.

Наши предки заботились о тщательной отдѣлкѣ ворот. „По уборкѣ и отдѣлкѣ ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба—углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы—теремом“ (Забѣлин, Быт рус. цар. 37). Рѣзные востянныя украшенія и хрустальныя цѣнились (ibid. 212). Рыбій зуб, часто употребляемый нашими былинами, был дѣйствительно дорог — по рублю фунт (Прилож. в Быт. рус. цар. Забѣлина, стр. 66).

Да еще у Дюка у Степановича
Над воротами да над широкима,
Да стоя у Дюка чудны образы,
Да горя свѣчи неугасимые (Гильферд. 1143).

По исконному старо-русскому обычаю, на воротах дворов всегда становились иконы или кресты. „Русскій человекъ не входил и не выходил из дома без молитвы и без крестнаго знаменія“ (Забѣлин, Быт р. ц. 116).

Да еще у Дюка у Степановича,
Да стоят три церкви три соборныя,
Да на каждой церкви по три маковки,
Маковки ты были мѣдныя,
Дорогою мѣди все казарскіе,
Да пекут лучи да солннопечныя
По тому по городу по Галицѣ
Да по той Волынь-земли богатые.
Да во первую церкву соборную
Ходит Дюкова та матушка,
Да во другу церкву соборную
Туда ходит Дюк Степанович,
А во третью церковь соборную
Туда ходит дружина-та Дюкова.

По свидѣтельству Котошихина, „у больших бояр, не у многих, учинены на дворах своих церкви“ (О Россіи, изд. 3, стр. 166).

Да еще у Дюка у Степанова
Среди двора его широкаго
Да стоят три терема высокіе,
Да высокіе да златоверхіе.
Да во первом тереме высокоем
Да живет тут Дюкова-та матушка,
А во другом тереме высокіем
Да живет тут Дюк сын Степанович,
Да во третьем тереме высокіем
Да живет дружина тут вѣдь Дюкова

(Гильферд. 1144).

Три терема — для Дюба, его матери и дружины — не совсѣмъ эпическая черта, а в значительной степени бытовая. О велико княжеских хоромъ нам извѣстно, что онѣ состояли из трех особых отдѣленій: во первых, хоромы *постельныя* или *покоевыя*; в них проводил обыкновенно время вел. князь; во вторых, *княжнина половина*, хоромы государевых дѣтей и родственников, стоявшія отдѣльно от хоромъ государя; в третьих, прочія хозяйственныя постройки и службы. Несомнѣнно, что подобнымъ образом распредѣлялись и усадьбы бояр. Отдѣльный разряд в велико княжеских хоромъ представляли хоромы *непокоевыя*, назначенные для разных торжественныхъ собраній (Забѣлин. I 39).

Эпитет теремовъ *златоверхіе* восходитъ давностію к Сл. о П. Игорев. и несомнѣнно имѣет в основаніи бытовые факты (ibid. 23—24).

На пиру Владиміра Дюкъ похваляется своимъ теремомъ:

У вас в палатах-то бѣлокаменныхъ
Противъ нашего—послѣдній домъ.
У нас на небѣ солнце, и в теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ и в теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ луна и в теремѣ луна.

И послы Владиміра находятъ, что то не пустое хвастовство:

И точно, правду хвасталъ Дюкъ Степановичъ
(Рыбникъ. II 154—5).

Тоже самое в теремѣ Соловья Будиміровича:

На небѣ солнце, в теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, в теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, в теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, в теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

(Кирша Данил. 3-е изд. стр. 6).

У Чурилы—

Пол-середа одного серебра,
Печи-ты были все муравленые,
Да потиви-ты были все серебряные,

Да потолокъ у Чурила из черных соболей,
На стѣны сукна навиваны,
На сукна-ты стекла набиваны,
Да все в терему-де по небесному,
Да вся небесная луна де принаведена была,
Ино всякіе утѣхи несказанные.

(Гильферд. 1063).

Уже давно наши изслѣдователи обратили вниманіе на сходство нѣкоторых эпизодов былины о Дюкѣ с извѣстным, очень распространенным в средніе вѣка, сказаніем об Индіи. Древнѣйшая русская редакція „Сказанія об Индѣйском царствѣ“ принадлежит XV в.; по изслѣдованію Баталина, она имѣла своим источником, вѣроятно, греческій текст (Филолог. Зап. 1874 г. III и IV в., 1875 г. в. III и V). По формѣ оно представляет письмо попа-царя Ивана к царю греческому Мануилу. В нем встрѣчается, между прочим, слѣд.: „двор у мене, пишетъ царь-поп, таков: 5 ден ити около двора моего, в нем же суть полаты многи златыя и серебряныя и древяни, изнутри украшени, аки небо звѣздами, а покровени златом, и в той полатѣ огонь негорит: аще ли внесут, в той час огонь погасает“. В романтическом путешествіи Іоанна de Hese, при описаніи замка пресвитера Іоанна, рассказываются об одной палатѣ такія подробности: „естъ отдѣльная палата пресвитера Іоанна и ученых, гдѣ они держатъ совѣщанія: эта палата вращается на подобіе колеса и со сводом на подобіе неба; в ней много драгоценныхъ камней, претворяющихъ ночь в свѣтлый день“ (Баталин 1. с. Веселовскій Ж. М. Нар. Пр. 1884. Февр. 392).

Можно бы признать, что из подобныхъ книжныхъ источниковъ ведутъ свое начало солнце, мѣсяцъ и звѣзды в теремахъ Дюка, Чурилы и Соловья Будиміровича, если бы данныя московскаго быта XVII в. не давали основаній для другаго объясненія даннаго locus communis нашихъ былин. Остановимся на внутреннемъ убранствѣ комнатъ московскаго боярства XVI и XVII в.

Стѣны жилыхъ комнатъ драпировались сукнами и украшались рѣзьбою. „Съ особенною заботливостію украшались *подволоки* или потолоки. Большею частію они украшались рѣзьбою изъ дерева и составлялись изъ отдѣльных штукъ, щитовъ или рамъ. Вмѣстѣ съ деревянною рѣзьбою подволоки убирались чаще всего слюдою съ рѣзными украшеніями—изъ жести. Иногда подволоки устраивались даже изъ серебра. Деревянные рѣзные подволоки золотились и расписывались красками“ (Забѣлинъ, Бытъ I 117). Подволочная живопись особенно интересна. „Въ царской столовой избѣ, построенной цар. Алексѣемъ въ 1662 г. въ подволокахъ написано было *звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесныя*“. „Звѣздотечное небесное движеніе царской столовой палаты пользовалось въ то время особеннымъ уваженіемъ и нѣсколько разъ служило образцомъ при украшеніи другихъ комнатъ, преимущественно столовыхъ, въ постельной половинѣ дворца“ (ibid. I 135). Изъ царскихъ хоромъ оно перешло въ боярскія и княжескія. „Въ каменныхъ хоромахъ кн. Голицына (1689) въ большой столовой палатѣ въ подволокахъ были также изображены небесныя бѣги: въ серединѣ подволоки солнце съ лучами вызолочено сусальнымъ золотомъ; кругъ солнца бѣги небесныя съ зодіями и съ планеты писаны живописью... А по другую сторону солнца мѣсяцъ въ лучахъ посеребрен... Въ крестовой палатѣ того же боярина въ подволокахъ находился деревянный рѣзной репей съ лучами по мѣстамъ вызолоченный и раздѣченный красками, а около репя 12 мѣсяцевъ рѣзныхъ же. Въ спальнѣ въ подволокахъ были написаны по потолоку 12 мѣсяцевъ съ планеты (ibid. 137).

Мнѣ думается, что упоминаніе въ былинахъ о красотѣ поднебесной въ теремахъ богатырей возникло подъ вліяніемъ дѣйствительнаго обычая московскихъ бояръ XVII в. украшать потолоки комнатъ изображеніемъ солнца, мѣсяца и звѣздъ, „бѣговъ небесныхъ“. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ этого обычая, въ одной редакціи „Сказанія объ Индѣйск. царствѣ“ XVII в. сказано: „да есть у меня палата зѣло прекрасна, и велика, вся серебромъ содѣяна, а покрыта золотомъ, и внутри

украшена каменіем драгим и частым жемчугом и всякими мудростями . . . и планетами и звездотечіем (Баталин I. с. 86).

В слѣдующей похвальбѣ Дюка заключаются послѣднія бытовья указанія относительно внутренняго убранства боярскихъ комнат и неменѣе интересныя образно-поэтическія выраженія, характеризующія роскошь и довольство жизни московскаго знатнаго боярства:

Уж ты солнышко Владимір князь да столен Кіевской!

У вас все да не понашему:

Я пришол какъ к вам во гридни во столовыи,

У вас стоят столы дубовыи,

А на столах все скатерти сбраныи;

А у нас столы да все кленовыи,

А скатерти-ты все шелковыи,

А семи шелков да шемаханскіих.

У вас все да не по нашему:

У вас печки-ты кирпичныи,

А у нас печки изразцовыи,

Карнизы золоченыи.

У вас все да не по нашему:

У нас вина виноградныи,

А у вас вина-то простыи вѣдь;

У нас меды стоялыи,

А у вас-то меды кислыи;

У нас колачики крупивчаты,—

Колачик-от ѣшь, а по другомъ душа горит,

Потому душа горит: у нас помяльца-ты шелковыи,

А мочат их в меды да вѣдь стоялыи;

У вас помяльца-то сосновыи,

Такъ колачики-то на хвойку пахнут.

У нас какъ матушка Емельфа Тимофеевна

Пойдет-то в церковь во соборную,

Впереди идут лопатчики,

А во слѣд идут метельщики,

Дорожку разгребают да песочкомъ посыпают;

А под рукою идут вѣдь няньки,

А во слѣд идут служанки;
У нея лапотиви на ножках шелковыя,
Семи шелков да шемаханскихъ,
А одежда на себи да шуба соболиная, —
Придет-то в церковь во соборную,
Крест кладет по писаному,
Поклон ведет по ученому,
На вси стороны да покланяется;
А идет как она из церевы из соборныя
На свой на широкій двор,
У нас-то на дворѣ да сукна посланы да одинцовыя.
У вас все да не по нашему:
У вас дорожки не розглажены,
Песочком не засыпаны;
У вас на двори, хоть звѣрь ногу ломи;
Дворники да слуги в пашки да в бабки играют,
В красных рубахах гуляют (Гильферд. 632).

Выйдешь на наш широкій двор,
По нашему широку двору
Разостланы сукна одинцовыя;
Наши любимые конюхи
По этим по сукнам катаются,
В кости, в зернь, в пашечки поигрывают.
*Зайдешь во грядню во столовую,
Вся окошечки скутаны,
Вклады в стѣны камни драгоценныя,
Видно молодца станом, лицом, возрастом.*

(Рыбн. II 144).

Двери и окна в боярских и царских хоромах XVI и XVII в. почти всегда обивались сукном; завѣшивались тафтаными, камчатными или суконными и стамедными завѣсами, которыя задергивались на проволоку посредством колец (Забѣлин, Быт I 125). Полы жилых помѣщеній устилались сукнами; нѣтъ ничего невозможнаго или индѣйскаго (Веселовск. Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Февр. 387) в словах былины, что у Дюка на дворѣ были разостланы сукна

единцовья. За чистотой и опрятностью в хоромах и дворѣ тщательно наблюдали. В царских хоромах наблюдение за чистотой лежало на Истопничьей палатѣ. „Крыльца, лѣстницы, рундуки, площадки, переходы, дворики, открытые и находившіеся в сѣнях, каждый день начисто выметались и подсыпались просѣянным песком желтым или красным, который сыпали в подсѣв, через рѣшета для того, что б ложился ровно и чисто (ibid. 193).

Особенный интерес представляет обстановка, в которой представлена Дюкова матушка в былинах. Когда Добрыня прибыл в Галич свидѣтельствовать Дюково хозяйство,

И незнает как найти Дюковой матушки.

Погляди как народ идет от обѣдни воскресенскія.

Он спросил у нѣкоторых людей про Дюкову матушку;

Говорили ему таковы слова:

„А не найти тебѣ палат Дюковых бѣлокаменных скоро,

„А дожидай,—идет Дюкова матушка от обѣдни воскресенскія,

То она сама покажет полаты бѣлокаменны.

Он и поглядит: ведут стару старуху, староматеру,

Под руку пять дѣвиц и под другую пять дѣвиц.

Он зашел спереду и поздравовал:

„Здрастуйте, Дюкова матушка!“

Она говорит: „я не Дюкова матушка,

„А я Дюкова халуйница (прислужница).

„Дюкова матушка назади идет“.

Поглядит, а ижно ведут другую

Старую старуху, старо-матеру,

Под руку десять дѣвиц

И под другую десять дѣвиц.

Он зашел спереду и поздравовал:

„Здрастуй, Дюкова матушка!“

Она говорит: „я не Дюкова матушка,

„Дюкова я рукомойница“.

Третью ведут старуху, старо-матеру

Под руку ведут 15 дѣвиц

И под другую ведут 15 дѣвиц;
Он зашел спереду и поздравовал:
„Здрастуйте, Дюкова матушка!“
Она говорит: „я не Дюкова матушка,
„А Дюкова постельница;
„Дюкова матушка позади идет“.
Поглядит, а ижно четвертую ведут
Старую старуху, старо-матеру,
Под руку 20 дѣвиц
И под другую 20 дѣвиц.
Он зашел спереду и поздравовал:
„Здрастуйте, Дюкова матушка!“
—Я не Дюкова матушка,
—А я Дюкова калашница;
— Дюкова матушка позади идет.

Навонец-то идет сама Дюкова матушка:

Под руку ведут тридцать дѣвиц,
И под другую тридцать дѣвиц;
Над ней несут подсолнечник,
Что б от краснаго солнца незапеклось ея лицо бѣлое;
Спереди стелют сукна одинцовыя,
Сзади сукна убирают;
У ней надѣто платье цвѣтное,
На платьѣ подведена луна поднебесная,
Пекет красное солнышко,
И свѣтит свител мѣсяц,
Разсыпаются частыя, мелкія звѣздочки.

Тяни с изображеніем солнца, мѣсяца и звѣзд существовали в XVII в. (Забѣлин, Быт р. цариц 333 и примѣч.).

В вар. Гильферд. 1113:

Идут как тутова три женщины,
Несут подсолнечник-от подсолнечный.

У Рыбник. III N 29:

Подсолнечник — сорока сажен.

Стало быть, балдахин в послѣднем случаѣ и зонтик в первых.

Подобный же эпизод встрѣчается в нѣкоторых старо-французских поэмах и рассказах о хожденіи Карла Великаго и его Палладинов в Константинополь и Иерусалим. Путники сначала встрѣчают свинопасов царя Гугона, потом пастухов коров, потом царских овчаров, наконец самаго царя Гугона: он пашет, у царскаго плуга сошник и омешики золотые, ярмо из драгоцѣннаго камня; за волами Гугон ѣдет на золотом стулѣ, везомом мулами; под ногами у него серебряная сѣмейка, на руках дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнец, *над головой шелковый балдахин от солнца, прикрепленный к краям стула на рѣзных золотых жердях*; в руках он держит вмѣсто бича золотую трость, а борозды проводит прямыми и красивыми. То же описаніе, говорит А. Н. Веселовскій, повторяется с отмѣнами и в других вариантах: вездѣ характерный балдахин, оберегающій царя от солнечных лучей, — как подсолнечник Дюковой матушки, которую послы Владиміра, послѣ первых встрѣч с ея прислужницами также видят впервые в торжественном шествіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1884. Ф. 391).

Это сравненіе, во всяком случаѣ интересное, невыясняет вполне значенія даннаго эпизода наших былин. Тѣм менѣе можно говорить о заимствованіи подсолнечника Дюковой матушки из каких либо иноземных источников. Шествіе Дюковой матушки из церкви с толпой прислужниц и под зонтиком или балдахином — черта вполне туземная, русская, бытовая-московская XVI—XVII в. В подобной обстановкѣ происходили праздничные выходы в церковь цариц и, вѣроятно, знатных московских боярынь. В описаніи путешествія в Московію Мейерберга помѣщены два рисунка, изображающіе такіе выходы. Оба они могут служить иллюстраціей к былинѣ о Дювѣ Степановичѣ. „Первый рисунок изображает, как царица Марья Ильинична шествует в монастырь к панихидѣ. Головной ея убор, или убрус, простой, без царскаго вѣнца, спереди с вышитым начельником; ожерелье унизано сплошь жемчугом. Оплечье мѣховое. Верхняя одежда ея парчевая с откидными с прорѣ-

хами рукавами. *Впереди ея идут четыре дѣвицы с зажженными свѣчами и двѣ сзади царицы с солнечником.* Сзади их боярыня, с женским головным убором спереди вышитым начельником. В таких же одеждах и головных уборах идут двѣ боярыни впереди, одна несет кутью, другая держит в правой рукѣ ширинку (Русск. Древности Прохор. 1876 г. стр. 21).

Солнечникъ, говорит Забѣлин, выносился в обыкновенные воскресные и праздничные дни; но употреблялся ли он собственно для защиты от солнца, или выносился для большаго парада, неизвѣстно“ (Быт р. царя 321). „Должно думать, что он служил и вообще для украшенія обстановки выхода“ (ibid.).

„Другой рисунок Мейерберга изображает торжественное шествіе царицы в церковь в большіе праздники. На головѣ у нея сверх убруса царскій вѣнец; лѣтник или шубка парчевая, накладная, два ожерелья, одно жемчужное (ошейникъ), другое мѣховое (оплечье), в рукѣ у нея ширинка. Впереди царицы дѣвица несет на руках царевича, а впереди ея три царевны в золотых шубках, с корунами дѣвичьими на головах. *Четыре дѣвицы несут над ними большой солнечник.* Шествіе открывают дѣвицы, идущія попарно, младшія впереди. Царицу сопровождают крайчая и двѣ боярыни“ (Прохоров ibid. 21).

„В повседневных выходах, говорит Забѣлин, царицу сопровождали только ея комнатные люди, ближайшія дворовыя боярыни, крайчая, казначей, двѣ-три верховыя боярыни и столько же постельниц, носивших подножіе (род ковра) и другія необходимыя при выходѣ вещи. Праздничные выходы совершались, разумѣется, торжественнѣе, с большим числом дворовых людей. Без сомнѣнія при этом соблюдался и какой либо церемоніальный порядок шествія, младшіе чины, дѣвицы боярышни, постельницы шли впереди попарно, старшіе позади“ (Быт р. царя 331).

Угостив богатырей, послов кн. Володимира, Дюкова мать повела их оцѣнивать Дюковы животы. Здѣсь былины говорят о таких чудесах во владѣніях Дюка, которыя мо-

гут быть объяснены только заимствованіем из каких либо книжных источников,— всего вѣроятнѣе, из сказаній о чудесах Индіи богатой.

На широком дворѣ у Дюка течет струйка золоченая (Гильферд. 784),

А по той было Индѣи по богатя
Увидали (послы) тут рѣку да золоченую
(ibid. 87).

В погребах Дюка находятся, кромѣ золота и серебра, три камешка,

Да когда от тых вѣдь тут камешков
По всему по городу по Галичи
Всякіе огни горя, лучи пекут.

Ср. в редакціи XV в. сказанія об Индѣйском царствѣ: есть у мене иная палата злата велика, как очима видѣти, на столпѣх золотых: два велики камени кармакул в ноци свѣтят в той же палатѣ у меня (Баталли, Ф. Зап. 1875 г. 86). Латинская редакція того же сказанія говорит о чудесном источникѣ во дворцѣ пресвитера. „В устах того, кто его отвѣдает, он имѣет вкус желаемой пищи или напитка. Он наполняет палату таким благоуханіем, как еслибы по ней протекали всевозможные благовонные бальзамы и духи“ (ibid. 135).

В концѣ концов, послы сознаются, что описать животы Дюковы невозможно:

Негдѣ оцѣнить нам Дюковы животы,
Ай велики вѣрно что у Дюка животы.
Как нам спродать надо весь город Кіев-от,
А еще семь раз спродать его повыкупить,
Накупить бумаги да чернил то,
То нехватит нам у Дюка животов уписать.

(Гильферд. 1010—11).

Подобным образом оканчиваются русскія редакціи сказаній об Индѣйском царствѣ XVII в.: и вы, послове, послушайте, да свяжите своему царю Мануилу Греческому, да продайте свою землю Греческую да на то купите бумаги и чернил, на чем вам писать моя земля и чудеса

индѣйская, да сядьте себѣ писати со всѣми своими книжники и скорописцы, ино вам ненаписать моей земли и чудес до исхода души своей, а се nebude вашей земли на бумагу и с чернила, да пришед послушайте моему чашнику, и вы будете богати свыше царства своего (Ф. З. 1875. стр. 115).

Когда послы возвратились в Кіев град из города Галича, Волынь-земли и донесли Владиміру, что Дюкова правда сбывается „да будто вешняя вода разливается“, Чурилѣ еще больше стало зазорко. Он предлагает Дюку биться с ним в послѣдній раз о велик заклад, не о стѣ, не о тысячѣ, а о своих буйных головах: скакать на конях через матушку Пучай-рѣку и обратно перескакивать. И тут Дюк остался побѣдителем.

Тогда выдергивал Дюк-от саблю вострую,
Да хотѣл срубить ему (Чурилѣ) буйну голову.
Владимір с княгиней вступились за Чурилу;

Тогда Дюк пинал Чурила правой ногой,
Да улетѣл Чурило во чисто полѣ,
А сам говорил таково слово:

„Ай де ты, Чурило сухоногіе!

„Да поди щапи с дѣвками да бабами,

„А (не) с нами с добрыма молодцами

(Гильферд. 1079).

Дюк и Чурило прибѣгли къ обычному у знатных русских XVII в. способу дуэли. „Извѣстно, что, вмѣсто того, чтобы вызвать друг друга биться на саблях, или огнестрѣльным оружіем, знатные русскіе господа, и даже князья, выѣзжая на лошадях, отстегивают друг друга нещадно плетью“ говорит Олеарій (Описан. путешеств. пер. Барсова, стр. 175).

Посмѣявшись над Чурилой, Дюк прощался с кн. Владиміром и княг. Аправсіей, боярами кіевскими и всѣми мужиками огородниками, садился на добра коня и уѣзжал в свой родной Галич (Гильферд. N 225).

Несмотря на обиліе туземных русских черт, в общем, однако, мы находим невозможным признать былинку о Дю-

вѣ Степановичѣ произведеніем самостоятельным русским. Самое имя—Дюк—нерусское; мы выше отмѣтили нѣсколько частныхъ в содержаніи былины, несомнѣнно заимствованных; наконецъ, самая основная мысль былины — представить богача в идеальной обстановкѣ посредством осмотра богатства его нарочито для этого отправленными послами — необычна, как в русском эпосѣ, так и в эпосѣ других славянских народов. Мнѣніе А. Н. Веселовскаго, что за хожденіем Карла в Іерусалим и Константинополь и пѣснями о Дюкѣ стоит какая-то древняя пѣсня или повѣсть о хожденіи послов, богатырей в Индѣйское царство“ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Ф. 387) остается в силѣ. Привитіе странствующей повѣсти об Индѣйском царствѣ тѣм легче могло состояться, что восточно-азиатская обстановка жизни московскаго боярства XVI и XVII вв. своими аксессуарами напоминала нѣкоторые чудеса сказаній об Индіи Ср. напр. московскій обычай украшать потолки изображеніем „бѣгов небесных“ и чудеса пресвитеровой Индіи: палаты, вращающіяся на оси, с движущимися луной, солнцем и другими свѣтилами (Веселовскій *ibid.* 392) и пр. Дальнѣйшая судьба сказанія на Руси очевидна: перейдя в устно-народную литературу, оно явилось в передѣланном на русскій лад, на русскіе нравы видѣ, со многими чисто-русскими бытовыми подробностями,—в формѣ былины о боярском сынѣ Дюкѣ Степановичѣ.

По обилію бытовых подробностей былина о Дюкѣ стоит выше всѣх прочих наших былин, вообще бѣдных в этом отношеніи. Сам Дюк,—не смотря на иностранное имя и полу-русское происхожденіе — московскій боярин XVI—XVII вв.; мать его — московская боярыня; обстановка его жизни — обстановка жизни московскаго боярства XVI—XVII в.

Поэтическіе былевые образы Московской эпохи носят особую фізіономію, отличную от богатырских образов болѣе ранняго времени. Храбры Татарской и до-Татарской

эпох стоят за князя, вѣру и отечество, защищают свято-русскую землю от врагов. В мирное время, каким преимущественно представляется эпоха князей — собирателей Руси, естественно, идеальными образами являются другія лица, — с совершенно мирными свойствами: крестьянин Мибула Селянинович (см. Замѣтки по Слав. нар. поэм. I), жених, добрый молодец, Соловей Будимірович, богач Дюк Степанович, наконец щеголь Чурило Пленкович и пр. Высокіе мотивы дѣятельности героев предыдущаго періода смѣняются в былинах Московской эпохи мелкими житейскими отношеніями, интригами, а под час и дразгами; облакаются в поэтическую форму такіе прозаическіе случаи, как ссора на пиру жен Чесовой и Блудовой. В богатырских образах ранняго времени иногда удавалось отыскать дѣйствительных исторических лиц, геройскими подвигами стяжавших себѣ славную память: героями былин Московскаго періода являются идеальные образы, чистыя созданія народной фантазіи. Идеальный характер героев Московскаго времени обнаруживается уже в их именах и прозвищах: *Дюк—богач* (ср. мрус. дука), Соловей *Будимірович* т. е. *Соловьевич*, Микула *Селянинович*. Прозваніе щеголя *Чурилы* также стоит, вѣроятно, в связи с былевым характером этого богатыря. Обыкновенно он прозывается *Пленкович*; но в нѣкоторых вар. его отчество — *Щап-Пленкович* или *Щапленкович* (Гильф. N 127). Послѣдняя форма, вѣроятно, наиболее древняя; она стоит, несомнѣнно, в связи с глаголом *щапить* т. е. щеголять, и таким образом прозваніе Чурилы *Щапленкович* может значить тоже что *Щеголенкович* или *Щеголевич*. Отсюда, с одной стороны, как искаженіе, явились формы *Щапленкович*, *Цыпленкович* и *сын Пленкович*, с другой, как забвеніе первоначальнаго значенія прозвища Чурилы, сложился образ *Пленка*, гостя Сароженина, отца Чурилы.

Заговорив о значеніи прозвища Чурилы, не можем не коснуться и вопроса о происхожденіи былин об этом богатырѣ, несчастном соперникѣ Дюка Степановича.

Распространенность имен Чурило, Журило, Цюрило в юго-западной Руси в пѣснях и мѣстных названіях дает большую вѣроятность мнѣнію о южно-русском происхожденіи сказаній об этом богатырѣ. Впрочем, малорусскія пѣсни дают мало для характеристики личности Чурилы: в них он представляется любимцем дѣвиц и гулякой:

Ішов Журило з міста За ним дівочок триста
(Мрус. п., Ант. и Дагом. I 54).

Гой ты Джурьло, гой ты! Гой ты, Джурьло, пане!
Куда ж до тебе зайти? Де твое войско стане?
Ледом дівчата, ледом, Й а у місті при долини,
В мене горівка з медом. При червоні валніні.
Kolber Rokucie II 155.

Быть может, о первой чертѣ Чурилы напоминает галицкая пѣсня, говоря о раскосой дѣвушѣ, что у нея одно око до Чурилы, другое до Потока:

Базала с ми тоту брати, Одно око до Чурила ¹⁾,
Ту, шо скуловока: Друге до Потока.
(Ibid. II 101).

¹⁾ Къ сожалѣнію, я немогу рѣшить, дѣйствительно ли здѣсь заключается упоминаніе о богатырях-красавцах Потокѣ и Чурилѣ, или эта пословица возникла на основаніи мѣстных названій, в родѣ того, как в г. Бѣлгородѣ Курск. губ. говорят о раскосых, что у них один глаз смотрит на Болховец, а другой на Донец.

Глава XVIII.

В заключение своего обзора былин Киевскаго цикла считаем нелишним высказать нѣсколько общих замѣчаній относительно состава великорусскаго эпоса, времени, мѣста его происхожденія и объединенія во Владимиров или Киевскій цикл. Полагаем, что оставшіеся неразобранными, за недостатком новых матеріалов, нѣкоторые богатырскіе образы непомѣшают этому, равно как непоколеблют и установленной системы дѣленія былеваго великорусскаго матеріала.

Мы не можем вмѣстѣ с А. Н. Веселовским и другими назвать всѣ вообще былины Киевскаго цикла „южно-русскими“. В кругу ихъ есть, дѣйствительно, нѣсколько богатырей и былевыхъ сюжетовъ кievскаго происхожденія и южно-русскаго. Такъ, в южно-русскимъ богатырямъ мы должны отнести Владиміра, Добрыню, быть можетъ Вольгу, Ставра, Ивана Даниловича, Чурилу Пленковича и отчасти Ивана Годиновича.

Труднѣе опредѣлить, какіе былевые сюжеты зашли на сѣвер и сѣверо-востокъ из Южной Руси. Несомнѣнно, имена богатырей усвоивались вмѣстѣ со сказаніями о нихъ. Но, с одной стороны, древнее содержаніе с теченіемъ времени было заслонено подробностями позднихъ эпохъ; с другой, многіе южно-русскіе, кievскіе богатырскіе образы, вѣроятно, забылись на сѣверѣ. Дѣйствительная сумма древнихъ южно-русскихъ или кievскихъ сказаній была, вѣроятно, больше той, какая в настоящее время намъ отрывается за татарскимъ и московскимъ слоями. Точно же опредѣлить ее нѣтъ данныхъ, по крайней мѣрѣ, для безпристрастнаго наблюдателя. С большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ можно говорить о кievскомъ или южно-русскомъ происхожденіи и тѣхъ

„были“, которыя в настоящее время связываются с южно-русскими богатырями. Большинство же былин и богатырских образов кievскаго круга возникли на сѣверо-востока Руси, в Великороссіи, в старой Суздальщинѣ и Московщинѣ. Даже передѣлки книжных сказаній в былины и былевые образы нужно относить на долю Великороссов Московскаго періода: сомнительно, чтобы в Кіевскій період нашей исторіи повѣствовательный книжный матеріал на столько глубоко проник в массу, что был усвоен хорошо, передѣлан в пѣсню, а затѣм перекочевал на сѣвер и там сохранился до наших дней.

Равным образом, не можем вполне согласиться со вскользь высказанным мнѣніем Н. И. Костомарова. „В наших былинах, говорит он, которыя несомнѣнно образовались в их настоящем видѣ только на сѣверѣ, исключительно в великорусском племени, и притом под вліяніем иноплеменных населеній, воздѣйствовавших на великорусское племя, одно только относится к кievской древности — это собственныя имена Кіева и кн. Владиміра и нѣкоторых его богатырей, но затѣм в былинах собственно-кievскаго чрезвычайно мало“. „Былины есть произведеніе чисто русскаго сѣвера, исключительно великорусской вѣтви; всему малорусскому племени онѣ совершенно чужды и незнакомы“ (Русск. Старина 1877 г. Январь, стр. 174—175).

Крайности — в сторону. Выше были указаны факты сходства в самых сюжетах великорусских былин и малорусских сказаній. Но сходство между малорусским и великорусским эпосом неограничивается одним содержаніем; оно касается и самых приѣмов творчества.

Исходной точкой для сужденія о древне-русском эпосѣ должна служить мысль о своеобразіи племен, составлявших Русь: имѣяють бо обычая своя и законы отецъ своихъ и *преданія*, вождо своя норовѣ. В дальнѣйшем ходѣ русской исторіи племенные разницы должны были усиливаться вслѣдствіе раздѣленія русской земли на удѣлы, обширности русской территоріи и разнообразія интересов на западѣ, сѣверо-востокѣ, юго-востокѣ и юго-западѣ Руси. Су-

ществованіе в древне-русском эпосѣ нѣскольких мѣстных, областных, эпосов нужно считать несомнѣнным фактом. Содержаніе областных эпосов состояло, главным образом, из сказаній о подвигах мѣстных хоробров. Каждый удѣльный князь имѣл дружину. В челѣ этой дружины стояли хоробры. Их подвиги в борьбѣ с врагами области, удѣльнаго княжества, даже быть может города, воспѣвались мѣстными дружинными пѣвцами. Областные эпосы находились между собой во взаимодѣйствіи. Хоробры, как вольные дружинники, переходили от одного князя к другому; вмѣстѣ с ними могли переходить и сказанія об их подвигах на службѣ разных князей. Дружинные пѣвцы были естественными разнощиками помѣстных сказаній. Весьма естественно, что Кіевом, как древнѣйшим центром великокняжеской власти болѣе интересовались, и пѣсни о подвигах кіевских храбров находили большее распространеніе по удѣльным княжествам, чѣм сказанія об областных героях. В содержаніи областных эпосов было значительное разнообразіе; сходство касалось главным образом формальных приѣмов творчества. Наблюденія над составом великорусскаго эпоса приводят к мнѣнію, что т. н. Владиміров или Кіевскій круг былин неоднороден ни по мѣсту ни по времени происхожденія составляющих его сказаній; он — не развившійся один мѣстный эпос, а соединеніе трех, а может быть и четырех областных эпосов, именно: Суздальскаго, Старо-Кіевскаго, Чернигово-сѣверскаго и Московскаго. Присутствіе элемента Чернигово-сѣверскаго болѣе-менѣе гадательно. Московскій и Старо-Суздальскій эпосы занимают выдающееся мѣсто по количеству составляющих их сказаній. Таков смѣшанный характер великорусскаго эпоса объясняется условіями образованія великорусской народности и Московскаго царства, ея политическаго фокуса. Ядром великорусской народности послужило населеніе Залѣсской земли, Суздаль-Ростов-Володимірскаго княжества. В основаніе великорусскаго эпоса легли мѣстные преданія этой области. В XIII в. славными хоробрами этой мѣстности являются Олеша Попович, Тимоня или Добрыня и др. Та-

тарское иго выдвинуло третьяго великаго представителя сѣверно-русскаго богатырства, брата названнаго первых двух и земляка, Илью Муромца. В ту же эпоху были созданы и другіе образы, олицетворявшіе как силу вражескую (Идолице), так и туземную в борьбѣ с врагом.

Татарская сабля разрубила русскую землю на двѣ, или даже на три части: юго-запад, сѣверо-восток и сѣверо-запад. Центром сѣверо-востока стала Москва. И из Кіева и из Чернигова потянулись на службу к московскому князю служилые люди. В это время, вмѣстѣ с переходом дружины, зашел в Москву дружинный областной эпос Кіевскій и Черниговскій и вступил в тѣснѣйшія комбинаціи с эпосом Старо-Суздальским, тоже передвинувшимся к центру, в Московскую область, и вновь возникшим Московским. Несомнѣнно, и раньше этого кіевскія и черниговскія сказанія заходили на сѣверо-восток, вмѣстѣ с дружинами кіевских князей, управлявших Залѣсскою землей; но наиболѣе интенсивным переход этот мог стать именно в это время — в період наибольшаго тяготѣнія Руси к Москвѣ (XIV—XV в.). Таким образом, Москва—собирательница русской земли, явилась и собирательницей русскаго эпоса. Московским пѣтарям принадлежит уже как дальнѣйшее развитіе русскаго эпоса, так и централизація его в Кіевскій круг.

Вопреки установившемуся мнѣнію, мы полагаем, что в Кіевской Руси немогла установиться централизація былаго матеріала в один эпическій круг, что в до-татарскую эпоху один Владимір не мог быть собирательным центром русскаго эпоса (Веселовскій, Южно-русс. былины X стр. 374) и что объединеніе былин в Кіевскій круг, отнесеніе времени дѣятельности богатырей ко временам Владиміра и мѣста — к стольному граду Кіеву, совершились в *Московской Руси*, а не в старой Кіевщинѣ.

Вся удѣльно-вѣчевая пора была эпохой героической в жизни русскаго народа.—То было время храбрства: сначала шла борьба с Печенѣгами, Половцами и др.; затѣм грянул гром татарщины. Народная поэзія успѣвала только

идти в параллель с ходом событій; дѣло было не до централизаці сказаній, требующей, по необходимости, затихша в народной жизни. Только при отсутствіи постоянных волненій в народной жизни является возможность пѣвцам установить сказанія в известную систему и порядок. Заключение эпических пѣсен в цикл происходит всегда послѣ событій, послуживших основаніем для них. Если пѣсня слагается по горячим слѣдам событія, то эпическій цикл устанавливается исключительно по пѣсням и в области пѣсенной. В дѣлѣ централизаці эпических сказаній пѣвцам нѣтъ дѣла до исторіи, до фактических основаній былевых сюжетов.

Письменные памятники не дают никаких основаній утверждать, что Владимір был в до-татарскую эпоху центральным лицом русскаго эпоса. Лѣтопись сохраняет отчетливыя воспоминанія о предшественниках этого князя. По Слову о п. Игор. Боян пѣл старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману; сам автор Слова вспоминает многих удѣльных князей, а не одного Владиміра.

Современная малорусская поэзія содержит в себѣ нѣкоторыя указанія на характер древнѣйшей. Народ в своем творествѣ консервативен. Нетолько известные мотивы, формулы живут сотни лѣтъ, но и самый характер народной поэзіи измѣняется лишь в связи с какими либо важными переменами в политической и этнографической жизни народа. Поэтому в области народной поэзіи всегда возможно заключеніе от настоящаго к прошедшему, особенно в вопросах, касающихся формальных сторон творчества. Руководясь этим, мы вполне согласны с акад. Ягичем, что старо-киевскій эпос в формальном отношеніи походил на теперешнія малорусскія думы. „По позрѣніям, которыя я составил себѣ лично, говорит почтенный ученый, изучая славянскую народную поэзію, возможно из существованія дум о козацкой эпохѣ малорусскаго народа заключать о существованіи в прежнее время *таких же народных пѣсен* о княжеской порѣ“ (Слав. Ежегод. 1878 г., стр. 224). Известно, что в думах обнаруживается стремленія в ци-

клизаци. Имя Хмѣльницкаго выступает перед именами других героев козацкой поры, но незаслоняет собой этих послѣдних. Исходя из этого наблюденія, мы можем с достовѣрностью предполагать, что и древне-кїевскїй эпос не обнаруживал наклонности сложиться в строгїй эпическїй цикл, с одним центральным князем — Владимїром, заслонявшим собой воспоминанія о других исторических дѣятелях Ю. Руси. Может быть, малорусскїй народ, болѣе великорусскаго селонный в поэзии к реальной правдѣ, вовсе не в состоянїи образовать строгаго эпическаго цикла, требующаго, по необходимости, в интересах централизаци, отрѣшенія пѣвцов от болѣе исторической группировки былеваго матеріала, введенія в круг пѣсен о былом сказочных сюжетов в видах пополненія недостающих звеньев в народных историко-эпических воспоминанїях. Раздробленность в южно-русских связанїях была одною из причин, почему они не обнаружили такой устойчивости, как великорусскїя былины и рассыпались с одной стороны по думам, с другой — по лирическим пѣсням.

Трудно понять, наконец, чѣм объяснить чисто механическую роль Кїева и Владимїра, если дѣйствительно Кїевскїй цикл установился в Кїевской Руси. Непремѣнно было бы болѣе жизни в лицѣ Владимїра и болѣе географической опредѣленности в изображенїи Кїева...

Отрѣшимся от произвольной гипотезы о возникновенїи на югѣ Россїи Кїевскаго цикла сказанїй. Существовали в Московском царствѣ благоприятныя обстоятельства, способствовавшїя систематизаци былеваго эпоса в Кїевскїй круг. Это: во 1-х присутствїе в собравшемся в Московскую область эпосѣ исторических пѣсен, связанных с Кїевом, с кїевскими в. князьями и особенно Владимїром; во 2-х популярность имени Владимїра Свят. во всей Руси; в 3-х память о первенствующем значенїи Кїева — матери городов русских.

Стольный город Кїев всегда привлекал к себѣ служилых людей: у великаго князя было служить и выгоднѣе и почетнѣе. Поѣхать на службу к Кїевскому князю было

мечтой военнаго человѣка древней Руси. Естественно поэтому, Киев являлся в народной поэзіи идеальным городом, Киевскій в. кн. идеальным князем: о службѣ у него пѣлись пѣсни не только у нас, но и у Скандинавов. Мотив о поѣздѣ в Киев на службу к велик. кн. был несомнѣнно самым распространенным в древне-русском эпосѣ, коренным, исторически возникшим из отношенія удѣльных княжеств к Киеву. Он до сих пор живет в загвѣвѣ наших былин; для образованія его нѣтъ нужды прибѣгать к произвольному предположенію о переходѣ всего старо-киевского эпоса на сѣверо-восток.

Вмѣстѣ с Киевом в эпических сказаніях Старой Руси, конечно, упоминались и Киевскіе великіе князья; между ними особенно выдвигалась вперед колоссальная личность Владиміра Святаго. На югѣ Руси в XI и XII в. Владимір был несомнѣнно эпическим лицом народной поэзіи (Костомаров, Вѣстн. Евр. 1873, N 3, 26 стр.). Как далеко на сѣвер простиралась слава его, свидѣлствуют норвежскія саги, напр. сага об Олафѣ. „Главнѣйшей причиною популярности этого князя, говорит Костомаров, служило, конечно, то, что он был великим преобразователем русской земли и народа, просвѣтителем свѣтом христіанства“ (Первоначальн. пред. русск. лѣт. В. Е. 1873, N 3, стр. 32). „Как ни скудны данныя, которыя бы могли дать нам болѣе ясный образ Владиміра и его эпохи, самых туманных представленій достаточно, чтобы признать, что эпоха его была эпохою великаго внутренняго преобразованія, и личность Владиміра хотя видимая нами сквозь призму народных преданій все таки настолько кажется громадною, что в нашей исторіи одна только личность может стать с ним в уровень — личность Петра Великаго. Послѣдствія говорят за него. Он был также истинным основателем гражданственности и политическаго бытія Руси, как и ея просвѣтителем“ (ibid. стр. 36). Несомнѣнно, Владимір был эпическим лицом и на сѣверѣ Руси. К областным воспоминаніям о Владимірѣ присоединялись заходившія из Киева сказанія о дѣятельности этого князя — устные и пись-

менныя. Заходившія кіевскія сказанія должны были еще болѣе укрѣпить в народѣ память об этой личности, упрочить эпическое значеніе этого князя в народной поэзіи. Одних мѣстных сказаній для этого было бы недостаточно, и в этом нужно видѣть главное значеніе, какое только имѣли старо-кіевскія сказанія в строѣ великорусскаго эпоса. Благодаря им, имя Владиміра выдвинулось настолько, что заняло в эпосѣ первенствующее положеніе и стало служить эпическим обозначеніем русской старины стародавней. Нѣкоторые факты сѣверно-русской письменности очень любопытны, именно с той стороны, что дают намек на общее отношеніе на сѣверѣ Руси к Владиміру, как представителю славной старины. Родословія сѣверно-русских князей начинаются не с Рюрика, а с Владиміра Святаго. Сѣверно-русскіе князья называют себя гнѣздом Владиміра стольно-кіевскаго. Так, в Задонщинѣ, в сказаніи о Мамаевом побоищѣ (Временник И. О. И. и др. XIV; Сахар. I). В слѣдующем мѣстѣ Задонщины Владиміръ прозывается так, как в былевом эпосѣ: тот боярин (боян) воскладоша грозная своя персты на живыя струны, пояша русским князем славу, первому кн. Кіевскому Игорю Бярибовичу и в. кн. *Владимеру Всеславѣвичу Кіевскому* и кн. Ярославу Володиміровичу (Временник XV).

Вслѣд за бурным періодом Татарщины в Московской Руси наступает період затишья и относительнаго спокойствія, період дѣятельности князей-собирателей. Для народных пѣвцов настало удобное время разобратъся в разнообразном былевом матеріалѣ, оставшемся памятником минувшаго, привести его в систему и порядок.

В числѣ былин доставшихся в наслѣдство Москвѣ от Суздаля, Рязани, Муромы, Чернигова, Кіева и других областей, было значительное количество таких, в которых дѣйствіе происходило в Кіевѣ и при кн. Владимірѣ. Повторяем, вполне опредѣлить тот первоначальный круг сказаній, мѣстных и зашедших с юга, в которых дѣйствіе приурочивалось к Кіеву, невозможно; во всяком случаѣ их было больше, чѣм указано нами. Вслѣдствіе популярности

имен Кіева и Владиміра, этот кружок кіевских сказаній в тѣсном смыслѣ оказал ассимилирующее вліяніе на всё прочія помѣстныя былины, первоначально относившіяся к другим историческим событіям и лицам, другому мѣсту и времени. Процесс ассимиляціи первоначально состоял в распространеніи *запѣва* собственно кіевских сказаній, т. е. какъ самостоятельно возникших в разных мѣстах сѣв.-вост. Руси на почвѣ дѣйствительных отношеній в Кіеву, так и зашедших из Кіевской Руси на всякія другія, несвязанныя ни с Кіевом ни с Владиміром, мѣстныя суздальскія, рязанскія, муромскія, московскія и друг.: в извѣстному областному сказанію чисто механически приставлялся *запѣв* с Кіева и Владиміра. В большинствѣ случаев затѣм эти имена вводились в самое содержаніе разсказа, занимая в нем не существенную, а чисто внѣшнюю роль; иногда же они только примыкали в началу и концѣ былины, являясь такимъ образомъ лишь внѣшними объединяющими принципами разных сказаній; самое же содержаніе былин развивалось независимо от них и без всякой связи с ними. Чѣмъ ранѣе вводилось в Кіевскій кругъ сказаніе, тѣмъ тѣснѣе оно связывалось с Кіевом и Владиміром. Былины, созданныя в болѣе позднее время, связь с Кіевом ослабляют до антагонизма, допускаютъ враждебныя отношенія пріѣзжих богатырей к Владиміру. Такъ напр. в былинѣ о Дюжѣ Степановичѣ послѣдній осмѣиваетъ кіевских богатырей, Владиміра и стольный Кіев град. „Пѣсня ничего не сдѣлала, говоритъ А. Н. Веселовскій, чтобы спасти какъ нибудь народную гордость, словно она недавно занесена и неуспѣла пріурочиться к мѣстнымъ отношеніям и интересамъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г., стр. 386). Дѣло в томъ, что в народномъ сознаніи в то сравнительно позднее время, когда составлялась эта былина, кіевская старина уже не казалась настолько своей родной, какъ в болѣе древнее время. Становилось возможнымъ ироническое отношеніе какъ к отдѣльнымъ богатырямъ, такъ и к Владиміру стольно-кíевскому.

Къ концу XVI в., ко времени завершенія объедини-

тельного движенія начавшагося в Москвѣ в XIV в., закончено было и объединеніе былин в Кіевскій круг. Времена Грознаго стоят на распутіи. Ермак еще введен в Кіевскій богатырскій круг; но сам Грозный царь уже сформировался в особую эпическую личность. Впрочем, и введеніе Ермака в Кіевскій круг не было явленіем обще-великорусским. Первоначально оно, вѣроятно, совершилось в кругу приволжской вольницы; в тѣ же былины, которыя раньше успѣли перейти на сѣвер, этот богатырь невошел.

Указанное объединительное движеніе в великорусском былевом эпосѣ стояло в существенной связи с широким и глубоким процессом *собиранія*, происходившим в Московском государствѣ с XIV по XVI вв. В политической жизни он выражался в дѣятельности князей-собирателей; в письменной литературѣ — в стремленіи московских грамотѣев собрать и привести в порядок разбросанныя по городам и областям древнія лѣтописи, сказанія, житія и т. п. Результатом этого стремленія, извѣстно, явились такіе компилятивные сборники, как Четы-Минеи Макарія, Никоновская лѣтопись и Степенная книга.

Из Московскаго царства, как центра, былины распространялись во всѣ стороны. Главная масса их вмѣстѣ с населеніем перешла на сѣвер, гдѣ онѣ живут и до настоящаго времени. Молодежь, уходившая в казаки, на Дон, Волгу и др., туда же разносила с собой и былины, причем могла передавать их ближайшим сосѣдям, Запорожцам; отсюда сказанія могли заходить и в Малороссію. Помимо этого, великорусскія сказанія могли переходить в Малороссію путем устной передачи. В період этого, отчасти обратнаго, движенія былеваго матеріала с сѣвера на юг зашли сюда и прикрѣпились к Кіеву многія сѣверно-русскія сказанія, напр. об Ильѣ Муромцѣ, о Михайликѣ и др.

В 1594 году посѣтил Кіев Эрих Ляссота. В описаніи своего путешествія он сообщает нѣсколько свѣдѣній о своем пребываніи в этом городѣ, о том, что он видѣл и слышал. Судя по его словам, прибой великорусских эпических сказаній был еще в полном разгарѣ. Великорусскіе бого-

мольцы искали здѣсь фактических основаній для своих эпических сказаній о Владиміровой порѣ. Какъ всегда в такихъ случаяхъ, на вопросъ являлся отвѣтъ, большею частію столь же мало соответствующій дѣйствительности, какъ и самыя эпическія сказанія. Вотъ что говоритъ Ляссота о Кіевѣ: Кіевъ былъ нѣкогда главный городъ особеннаго княжества, коего владѣтели, имѣвшіе титулъ царей или князей, были изъ роду нынѣшнихъ русскихъ или московскихъ . . . Главнымъ украшеніемъ Кіева была великолѣпная церковь Св. Софіи, неизмѣнная, какъ говорятъ, равной себѣ по громадности: она построена царемъ Владиміромъ . . . В одной изъ плитъ, какъ разъ надъ олтаремъ, продѣлано круглое отверстіе, вышиною въ половину локтя, но теперь замазано известью. Говорятъ, что тутъ встарину находилось зеркало, в которомъ, посредствомъ магическаго искусства, можно было видѣть все, о чемъ думали, хотя бы даже это происходило ни разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Когда разъ Кіевскій князь выступилъ в походъ противъ язычниковъ и долго не возвращался, то супруга его каждый день смотрѣла въ зеркало, чтобы узнать, что с нимъ случилось и чѣмъ онъ былъ занятъ. Но увидѣвши однажды его любовную связь съ плѣнницею изъ язычниковъ, она в гнѣвѣ разбила самое зеркало, *sit fides penes Authorem*. Затѣмъ еще в верхней части церкви находится темная комната, в которой Владиміръ будто бы велѣлъ замуровать одну изъ своихъ жен; далѣе отъ хоровъ ведетъ витая лѣстница къ небольшой башнѣ, гдѣ, какъ говорятъ, происходили засѣданія совѣта Владиміра. Эта т. н. *Stolica* Владиміра есть небольшая свѣтлая комната В другомъ придѣлѣ церкви (*in einer anderen Capellen an der Kirchen aruserhalb*) была гробница И. Муромца, знаменитаго героя или богатыря, о которомъ рассказываютъ много басенъ. Гробница его нынѣ разрушена, но в томъ же придѣлѣ сохранилась гробница его товарища (Путев. зап. Эр. Ляссоты, пер. Бруна. Одесса. 1873 г., стр. 17—19).

Что касается сказаній о Владимірѣ, то они могли быть и мѣстнаго, кіевскаго, происхожденія; сообщенія же Ляссоты объ Ильѣ Муромцѣ указываютъ лишь на совершившее

ся приуроченіе этого богатыря ко Владиміру и Кіеву, но не к пещерам кіевским. Позже совершилось и послѣднее, как мы выше говорили (гл. IX).

Параллельно с развитіем и процвѣтаніем в Московско́й Руси эпоса, объединеннаго именами Кіева и Владиміра, в Новгородско́й области существовал особый эпос, сохранившійся в т. н. былинах Новгородскаго цикла. При начавшихся со времен Грознаго расселеніях Великоруссов на сѣвер, оба эпоса встрѣтились здѣсь и смѣшались; но смѣшеніе вышло неполное: характерныя черты новгородскаго быта, лежащія на новгородских былинах неизмѣнились под вліяніем былин Московских, равным образом и послѣднія неподпали вліянію первых. На сѣверѣ творческаго движенія в области былеваго эпоса небыло. Дѣло ограничивалось сохраненіем и пересказом полученнаго наслѣдства непосредственно от Мосевы и Новгорода.

Итак, сѣверно-русскій Кіевскій цикл былин представляет собой не передѣлки и искаженія эпических сюжетов Кіевско́й Руси, а самостоятельный великорусскій эпос, сложившійся в Московском царствѣ в період времени от XIV по XVI в., на основаніи как областных сѣверо-восточных эпических сказаній, так и зашедших в разное время из Южно́й Руси. Старо-Кіевскій же эпос, применивъ отчасти к сѣверо-восточно-русскому эпосу, увеличив количественно его состав и оказав вліяніе на установленіе эпическими центрами Кіева и Владиміра в совершившейся при московских князях-собираателях централизаціи великорусскаго эпоса, существовал и развивался на югѣ Руси сам по себѣ, на ряду с другими областными эпосами, еще долгое время послѣ потери Кіевщиной государственной самостоятельности. В отрывках он живет еще в настоящее время с одной стороны в думах, с другой в лирических пѣснях.

Мнѣніе о том, что Малороссы забыли свой старый эпос, должно быть если не оставлено, то значительно ограничено. Древній южно-русскій эпос органически применил

в новѣйшему, и в настоящее время восстанавливается путем научнаго анализа послѣдняго. Большую услугу в этом дѣлѣ оказывает изученіе волядок, особенно галицких, сохранивших в себѣ много архаических черт.

Отсылая читателей к трудам Антоновича и Драгоманова (Историч. п. мрус. нар. Кіев 1874, 75), Веселовскаго (Разысканія в области рус. духовн. стих. VII, 265—291) и Потебни (Обзор поэтич. мотивов волядок и щедровое), я остановлюсь на двух галицких волядках, напечатанных в малораспространенном у нас сборникѣ Кольберга „Рокусіе“ Кракѡw 1882 и 83 гг. Заключая в своем содержаніи черты вѣка дружиннаго и княжескаго, онѣ своими нѣкоторыми подробностями сходятся с великорусскими былинами:

Ой торгом торгом, тай Сочевую
Гой дай Боже!

Там йиде восьью, аж земли вежево;
Наперед йиде можний наш пане,
Можний наш пане, пане, Васылю!
Твое подвире Турки забрали
Из Татарами из Гарапами.
Маю ж я цюру—вірногу слугу;
Кличу повличу на того цюру:
Цюро ж мій, цюро, вірний мій слуго!
Сидлай мы воня—того модарія,
Й-а впопруж его в сім-девять попруг,
Й-а в тов десятів—самов дзолотов.

В великорусских былинах, богатырь, отправляясь против врагов, обыкновенно:

Ставае он по утрышку ранехоньё,
Умываетса он да и бѣлехоньё,
Снаряжается да хорошохоньё,
Он сѣдлае своего добра коня,
Кладывае же он потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки череаськое сѣдельшею,
Подтягиват двѣнадцатъ тугих подпругов,

Тринадцатый—тот встал да ради ерѣпести,
Что бы в чистом полѣ доброй конь же с под сѣдла
не выскочил,

Добра молодца в чистом полѣ не впронил
Гильферд. 48 стр.

Колядья продолжает:

Скочу, поскочу за тумы Туркы,
Гой яе здогоню, пид меч положу,
Другу виночку конем стратую,
Я их цареви головку здойму,
Головку здойму, тай з собов озму,
Я з собов озму, я в свою землю,
Я в свою землю, своему цареви.

Великорусскій богатырь в сраженіи с врагами не столько сам бьет, сколько его добрый конь топчет; царя неприятельскаго, впрочем, он отпускает домой, а с ним оставляет и силы на сѣмена.

Гой буду маты тры даруночы,
Тры даруночы, тры городочы:
Один ми город—славны Билгород,
Другый мы город славниций Львив,
Третый мы город славниций Кывь,
Я в Билгороди коня сидлают,
В славницим Лвови двором мешкаю,
В славним Кывеви панну сватают,
Панну сватают й-аж до Галича,
Й-аж до Галича до Русовича,
До Русовича гречного пана (имр.)
Гой за цим словом бувай здоров и т. д.

слѣдует обыкновенное окончаніе колядок.

(Рокисіе I, N 8, стр. 101).

Награжденіе за службу городами с пригородьями или селами со приселками или золотой казной по надобью—общее мѣсто великорусских былин.

1 Й-а в поли, поли, близво дороги
Гой дай Боже!

Стоя наметы з билого шовву,

Й-а в тых наметах стоя столове,
А по за сьилу сьде панове,
5 Ой сьде, сьде, за дочку раде.

Был полотнян шатер, в котором богатыри совѣщаются и опочив держат, постоянно упоминается в русских былинах.

Ест меже ними, ест одын старшый,
Ест одын старшый, гой пан Гаврыло.
Прійшли ж ид нему вірніи слуги,
Взели шепочки по за крысочки,
Взели шабелькы по за обелькы,
Взели рушнычкы по за бочечкы.

Просе господа своего пана:

Можный наш пане, пане Гаврыле!
Гой пусти ж ты нас й-а в гор на віynu.
Я вас ны пуцу, сам за вами пиду.

Ой пишов з нымы й-а в гор на віynu,
Й-а в гор на віynu, аж там за гору,
Аж там за гору за Угорскую.
Стали наметом там пид горою,
Там пид горою пид Угорскую,
Совгнулы виньмы—як грим на неби,
Бмыслы мечемы—як молни в неби,
Пуске стрілочкы, як дробен дощик.

Тоже было за Волошской горой и за Турецкой. За послѣдней, еще прибавляет пѣсня,

Приллели вровцю як водицю.

Гипербола такого рода нерѣдко встрѣчается в малорусских колядках. Сравни. Антонов. и Драгоманов, Истор. п. I, стр. 23, 9 и др., также слѣд.:

Ой все наш панок воником грае,
Та як го узрив, той мечем ізвѣ:
Як панок наш тав, то Тур-царя став.

(ibid. стр. 24).

Чрезмѣрное увеличеніе силы героя и дѣятельности обычно и в былинах, и напрасно А. Н. Веселовскій счи-

тает эту черту результатом искаженія великорусскими былинами южно-русских сюжетов (ср. гл. VII).

• А вит-так пишли аж там за гору,
Аж там за гору за четвертую,
За четвертую за Московскую.
Стали наметом аж там на гори...
Тай просе Бога—своего пана (имр.):
Можный наш пане, пане Гаврыле!
Ой пусты ж ты нас вже до домочеу,
Заплаты ж ты нам тай за службочку,
Та що мы тоби вірно служылы,
Вірно служылы вид молодосты,
Вид молодосты аж до старосты,
Вже нам головы аж посывылы,
Вже нам бороды аж побылылы,
Та вже нас жоны ны попрыймают,
Та вже нас диты ны попизнают.

Будь же здоров! и т. д.

(Рокісіе I, стр. 109—10).

И богатыри служат Владиміру до старости. Добрыню Никитича, возвратившагося из дальней поѣздки, не узнает жена; Илью Муромца, при встрѣчѣ, не узнает сын.

Болѣе точное и всестороннее обследованіе малорусской пѣсенности должно выяснить дѣйствительныя отношенія великорусских исторических воспоминаній к малорусским; равным образом, — опредѣлить дѣйствительную сумму малорусских воспоминаній о до-казацких временах. Наиболѣе пользы в этом отношеніи должно принести изученіе малорусской народной поэзіи без великорусских тенденцій. Не с великорусскими былинами в руках, а с лѣтописью нужно отыскивать слѣды древней исторіи в современной малорусской пѣсенности. Ненужно считать непременно древним, старо-кіевским только то в малорусских сказаніях, о чем говорится в великорусских былинах. Данныя великорусских былин сами по себѣ еще не могут служить критеріем древности извѣстнаго эпического факта. Сходныя черты в сказаніях Малоруссов и Велико-

руссов должны быть и онъ есть: объясняются онъ кровным племенным родством и долговременным сосѣдством; но есть и разница между ними: причина ея лежит в своеобразіи племен, составлявшем основную черту древней русской исторіи. Быть может в результатѣ изслѣдованія окажется, что Малоруссы неуступают Великоруссам, если не в количествѣ, то в качествѣ воспоминаній о древних (до-казацких) временах.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

К гл. II. Слово хоробер в загадкѣ:

Мать толста,

Дочь красна,

Сын храбер

Под небеса ушел. (печь, огонь, дым)

Сахар. Сказ. р. н., изд. 3, т. I, 93.

К гл. III. В.

Для исторіи мотива былин о Добрынь и его женѣ считаем любопытным отмѣтить, что подобные анекдоты были извѣстны в классическом мірѣ. Сходную сказку Геродот сообщает о Скифах (Нрод. IV 1—3); его слова повторяет Трог Помпей: *Scythae autem tertia expeditio ne Asiana cum annis octo a conjugibus et liberis a fuissent, servili bello domi excipiuntur: quippe conjuges eorum longa expectatione virorum fessae nec jam teneri bello, sed deletos ratae servis ad custodiam pecorum relictis nubunt, qui reversos cum victoria dominos velut advenas armati finibus prohibent. Quibus cum varia victoria fuisset, admonentur Scythae mutare genus pugnae, memores non cum hostibus, sed cum servis proeliandum, nec armorum, sed dominorum jure vincendos: verbera in aciem, non arma adferenda, omissoque ferro virgas et flagella ceteraque servilis metus paranda instrumenta. Probato omnes consilio instructi, sicut praeceptum erat, postquam ad hostem accessere, inopinantibus verbera intenta: adeoque illos perculerunt, ut quos ferro non poterant, metu verberum vincerent, fugamque non ut hostes victi, sed ut fugitivi servi capesserent. Quicumque capi potuerunt, supplicia crucibus luerunt.*

Mulieres quoque male sibi consciae partim ferro, partim suspendio vitam finierunt (Justinus Trogi Pompei histor. Philip. epitoma. Lips. Teubner. L. II, 5).

Если данный мотив принадлежит к бродячим, и сказанія об измѣнѣ жены в отсутствіе мужа возникли в разных мѣстах не самостоятельно, а путем заимствованія, то свидѣтельства Геродота и Трога Помпея могут служить указаніем на ход мотива: вопреки проф. Дашкевичу, он распространялся не с запада на восток, а наоборот.

К гл. VII, 2.

Со словами М. Данилов: „рад тебѣ служить вѣрую и правдою, своею саблею острою, над твоею шею толстою“ ср.:

Ах, если бы была при мнѣ сабля острая,

Послужил бы я над твоей буйной головошкой.

Сахар. Сказ. р. н., 3 изд., т. I, стр. 242, N 15.

К гл. XIII о Соловьѣ Будиміровичѣ (напеч. VIII).

Вм. „сходство их с запѣвом“ слѣдует на стр. 147 „сходство их приѣмов с запѣвом“.

Обычай самокнутства в XVII в. в Малороссіи пользовался большим распространеніем, чѣм в настоящее время. Боплан о нем говорит как об общераспространенном. В Украинѣ, говорит он, наперекор всѣм народам, не мущины сватаются за дѣвиц, а дѣвицы за мущин. В этом им содѣйствовало общее мнѣніе, что дѣвицы скорѣе достигают своей цѣли. Влюбленная дѣвушка приходила в дом жениха в то время, когда его родители были дома. Войдя в избу, она привѣтствовала их: „помогай Биг!“ и садилась. Потом обращалась к жениху, называла его по имени и говорила: я вижу, что ты человекъ добрый и я буду с тобой счастлива, женись на мнѣ. Наконец, обращалась к его родителям и просила их согласія. Если они небыли согласны или отговаривались молодостью сына, то дѣвушка отвѣчала, что она неразстанется с их домом. По прошествіи нѣскольких недѣль, родители соглашались с жела-

ніем невѣсты и уговаривали сына полюбить ее. Несогласиться с желаніем невѣсты, значило навлечь на себя гнѣвъ Божій, а на дом несчастіе (Быт рус. нар. А. Терещенга, ч. II, стр. 485—6).

К гл. XV.

Жидовин в бранном значеніи:

А муж жидовин присмотрѣл,
Он с плетью приспѣл, подоспѣл.

Сахар. Сказ. р. н., т. I, изд. 3, стр. 215, N 4.

У Болгар слово *жид* употребляется в зн. великана, гиганта; Mikl. сравнивает его с турецк. *dzinn Dämon* (*Die Türkische Elem. in den Sudost und ostevrop. Spr. I, 55*). У Сербов существует пѣсня о встрѣчѣ Марка Королевича с *жидовкой* дѣвушкой (см. гл. III). Несомнѣнно, между сербским и русским сказаніями существует родство. Источник его неясен и кроется скорѣй всего в книжных сказаніях, а никак не в исторических связях наших предков с Хазарами.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Авраамій Ростовскій 95.
Агунда 106.
Адам суконник 106.
Алауган 30—32.
Александр Македонскій 17,
174, 184.
Алеша Попович см. Олеша
Попович.
Аммон Ливійскій 174.
Андрей Боголюбскій 108.
Антія 145.
Аполлоница 81.
Арапы 55.
Балы 41.
Батыга 53.
Батый 80—87; 105; 108 —
109; 111—114; 142.
Бахмет 86.
Байда 125.
Беллерофонт 144—145.
Беч 113.
Бошлан 228.
Богатур 15, 22.
Богатырь 13—23.
Богдана 171—2.
Бойваново поле 138.
Борис 139.
Боян 214.
Бунык 35.
Буняково замчище 34.
*Брак по свободному выбо-
ру* 156.
Бъги небесные 198.
Варадин 111, 129, 134.
Вардар р. 133.
Вайрадинец Петр 129.
Василій Игнатъевич 45, 53,
86; 106—110.
Василій Прекрасный 64—65.
Василій сын Ксанфина 90.
Василей сын Сиверьяничны
178.
Василько Маричич 43.
Василько Ростовскій 141.
Василиса Никулична 82—83.
Велес город 133.
Венале поле 132.
Верх 194.
Византія 98—99.
Виисава 127—131.
Виля 29.
Винцентій Бовезскій 91—93.
Витяк 171, 173.
Владислав 112—114.
Влах-Алия 115.
Влахович Стоян 164.
Владимир (Владиміръ) Стольно-
Кіевскій 10, 11, 25, 146;

215—217; 220 и др.
Владимир Галицкий 6.
Владимир Мономах 99.
Володимерь 58.
Вольдемар 3.
Володарь 63—64; 67.
Волхв богатырь 177.
Волынь земля 206.
Волынец 188.
Всеволод Юрьевич 58.

Галич 205—6.
Гарды 3.
Гда р. 57—60.
Гигант 138, 23.
Глѣб кн. 139.
Глѣб Юрьевич 50—51.
Горынянка баба 33, 186.
Груица 179—181.
Гурій архіеп. казанск. 96.

Давид Сасунскій 83.
Давыд Ярунович 43.
Дамьян 43.
Данил Тугкович 43.
Данило Ловчанин 82—83;
144—145.
Дегин град 55.
Демьян Куденевич 50—57.
Дигенис Акрит 187.
Добрыня Никитич 16, 25;
26—37—42; 144, 210;
Д. Рязанич 42.
Добѣлица 156.
Дунай Иванович 177.
Дѣвы судьбы 29.
Дченза сын 106.

Дюк Степанович 144; 187—
209; 218.

Евпатій Коловрат 84—87.
Евпраксія 80.
Евфрат 140.
Елена цар. 99.
Елка 170.
Емельфа Тимофеевна 188.

Жених 165—166.

Жидовин 79, 177—182.
Жидовка дѣвушка 27—28;
229.

Запава Путятична 152 и др.
Збут 178.
Златна баба 29.
Змай Деспот Вук 172.

Иван Данилович 145; 43—49.
Иван Гоудинович 120—126;
210.

Ивась Коновченко 45—49.
Ивашко Торокашко 182.
Игорь 141.

Идол Скоропеевич 97.
Идолице поганое 88—93.
Илья Муромец 94—105; 17;
51—53; 135—137; 144;
180—181; 183; 213; 220.

Илья-шах 103.
Иліас Ярл 103.
Ингварь кн. Рязанскій 84.

Индѣя 187 и др.
Исидор юродивый 70.
Искрен 117—118.

- Исполни* 23.
Ишна р. 59.
- Ирина 173.
Иерусалим 207.
Іоанн пресвитер 191.
Іоанн Грозный 218.
Іов патр. 147.
Іосафатова долина 140.
- Калевала 188.
Калин царь 51—53; 56, 95.
Калингасена 156.
Калка 141.
Кальнофойскій 100—101.
Кара-Видо 132.
Карл Великій 38, 207.
Катерина 132.
Кіев-град 2—5, 11 и мн. др.
Князь скал 186.
Коё 39.
Козак 37.
Константин Всеволодич 58.
Константин Мономах 99.
Константин царь 133—4.
Константинополь 207.
Корела 187.
Косово-поле 130.
Костадин царь 133—134.
Котошихин 195.
Коцерище 121—123.
Ксанфин 90.
- Лазарь сербск. 81, 173, 175.
Леденец 148.
Лемминкайнен 3.
Леонтій Ростовскій 98.
- Лосі communes 34, 35, 53,
53; 86—87.
Лоуха 3.
Лассота 101, 219.
- Мамай 137.
Мануил Греческій 205.
Ману 156.
Марія, заклавшая два дѣти-
ща своя 71
Марія Бѣлоградска 160—
161.
Марко Кралевич 27—28; 55,
130, 179; 116—117.
Мартын туровскій мних 94.
Мейерберг 203, 204.
Мивула Селянинович 144,
208.
Милица жена Лазаря 175,
173, 82.
Милица ж. Искрена 117—
118.
Милош Обилич 27, 49, 55.
Милутин слуга 82.
Митре Поморянче 160—164.
Михаил Черниговскій 5, 111.
Михаил Клопскій 69, 74.
Михалко 108—109.
Михалко Юрьевич 108.
Михайло Казарянин 53.
Михайло Долгомѣрович 178.
Михайло Данилович 86, 146 и
др. см. Иван Данилович.
Михайлие 45, 107—110.
Міят гайдук 116.
Моисей Угрин 145.
Молочное усыновение 35—
36.

- Момчило 131.
Морава р. 127.
Мстислав Данилович 7.
Мстислав Изяславич 50.
Мукара 185—186.
Мурат царь 49.
Муса Кеседжія 131.
- Нарты 30.
Настасья Митріевична 121—
125.
Нектанеб 174.
Никола поп 133.
Новгород Сѣверскій 50.
Ной птица 27.
Нѣпра р. 54.
- Областныя эпосы* 9—10;
212.
Один 39—40.
Олаф 216.
Олена Попович 58—69;
135, 143, 144, 212.
Олеарій 189, 206.
Олексій Попович Пирятин-
скій 69.
- Папаз-паша 128.
Пахомій серб 126, 147.
Пересвѣт 23.
Переяславль 50, 56.
Переяславец на Дунаѣ 64,
67.
Петруша 163.
Петре царевич 178.
Петр Могила 100.
Петар 179.
- Печенѣги 65, 67.
Плано Карпини 91—93.
Пленъ, отец Чурилы 208.
Подволоки 198.
Подсолмечник 202—204.
Поленица 24, 33.
Полоникъ, польникъ 23—24.
Половцы 55, 64.
Пойола 3.
Поп невѣрующій 74.
Пор 164.
Прет 144—145.
Прилеп 160.
Потык 145, 209.
Първан 117—118.
- Рада 168.
Радка 169.
Ратибор 59.
Реля 27, 55, 131.
Рогнѣда 25.
Родман 65, 66.
Ростов 58.
- Садко 69.
Салавим Тодор 131.
Самородина р. 140—141.
Самотека 141.
Самсон храбор 16.
Сатана 39.
Сафа 39.
Сафат рѣка 134, 135, 140,
143.
Сафатов поток, дол 140.
Сахатарь р. 140.
Связаніе верхов теремов 194.
Святогор 183—186.

- Сегула 49.
 Сербин 73.
 Сергій Радонежскій 147.
 Симон 38.
 Сити 143.
 Связаніе о новгородск. бѣл.
 влобуеѣ 99.
 Сказаніе о кѣевскихъ богаты-
 ряхъ 76, 77: 97—100.
 Скифы 227.
 Согольничевъ 178. -икъ 140.
 Соловей Будиміровичъ 144;
 147—166; 228.
 Соломон 139, 160, 164.
 Сомадева 156.
 Сосрыево 181—182; 185—
 186.
 Ставр 43.
 Сталак 127—128.
 Сталач 134.
 Стамбул 3.
 Стана 39, 167.
 Станиславъ благородный 43.
Сшолт огнен 136.
 Стоян 170.
 Страхиня 115—116.
 Суздальцы братья 137.
 Сулейманъ царь 127—128.
 Сухманъ Одихмантьевичъ 53—
 57.
 Сухона р. 56.

 Таврул 85.
 Таврольевичъ 87.
 Тарасъ слуга 51.
 Татарове-юланове 109.
 Тимоня 42, 59, 69, 212.

 Торопъ слуга 58, 59.
 Тотырешъ 182.
 Тохтамышъ 106—107.
 Тугаринъ Змѣевичъ 97—99;
 167—176.
 Тугор-ханъ 175—176.

 Угодичи 59.
 Удайна 156.
 Уза 59.
 Урызмагъ 39.
 Усія 59.
 Жнчо 171—172.

 Федоръ од Сталака 127—134,
 137.
 Федоръ Іоанновичъ 147.
 Федоръ Юрьевичъ 80—83.
 Филонъ Джеджалия 49.
 Фома Халцибеевъ 139.
 Фригга 39—40.

 Хазары 177—178; 229.
 Хандуд-Ханумъ 83.
 Хвилонъ 45—49.
 Хизъ 106.
 Хмѣльницкій 49, 215.
 Хостоврулъ 85.
 Хотѣнъ Блудовичъ 144.
Храбор 12, 15—23; 43, 44,
 142—443; 212, 227.

 Царь-градъ 97—100 и др.

 Челахсартагъ 106.
 Череможская вѣсь 105.
 Черкас-долина 45.

- Черкасска сьдла* 34. Эмегена 30—33.
Червес 34, 37.
Чоботко 101—102. Юрій Львович 6.
Чурило Пленкович 144, 189—Юрій Ингоревич 80.
192, 206—208. Юрій Всеволодич 58, 141.
Юрята 60.
Шауай 32.
Шевкал 91—92. Янко 43, 49.
Шемаханскій шель 34. Ян Усмошвец 65—66.
Шолудивый Буняка 34, Ярл Иліас 103.
Ярославль 105.
Щапенкович 208.
-

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стрц.</i>	<i>Стрк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
23	29	гаганта	гиганта
94	4	епископъ Леонтіи	преподобн. Аврааміи
99	22	царь патріарх	царь и патріарх
127	20	Стала	Сталакиицу
139	23	апокриф,	запятой ненужно

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Въ книгѣ Халандскаго: „Волинокорусскія былины Киевскаго цикла“.

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
2	11	Владимір-солнышко	Владимир-Солнышко
10	11	тверской	Тверской
11	4-5	древняго южно-русска- го или киевскаго на- слѣдства	древнее южно-русское или киевское наслѣд- ство
21	1 сн.	допаднули	допанули
22	14 сн.	то,	то
—	17	114	144
26	11	Еже	Е же
—	13	на	ни
27	7	его да	да ёго
33	21	(тоже)	
37	18	казак — мене	казах — мене
—	18	казаков	казахов
38	28	ми,	ми
46	2 сн.	сын	да
51	14	расходились	росходились
—	27-29	они	оны
52	11	старый	старня
—	16	да любимым	да со любимым
—	23	ты моего коня да	моего коня ты
53	12	дѣтям моим и	дѣтям моим да
54	28	в очи ясныя	во ясны очи
—	30	листочки	листочивы
59	14	выде	выиде
64	18	незабудется	незабудется
77	21	казанской	казанскойей
—	24	повлуди	повлуди
—	25	во	в
79	1	славной	славнойей
80	3	новых	новых

<i>Стрц.</i>	<i>Стрж.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
80	8	Татарами	с татарами
82	9	бугариштицѣ	бугарштицѣ
84	5	сыплят	сыплют
96	7	Ильюши	Ильюни
101	2 сн.	почивающаго	почивающем
104	5	стольном	стольномъ
111	9	Сербом	сербом
112	10	земель	землям
117	2 сн.	Еднаж	Еднаш
118	4	Ни ти	Нити ти
—	29	главе	глава
121	17	N 88	N 188
—	4 сн.	ножище	ножичицо
122	6	ножища	ножичища
124	3	к земи	к зени
137	14	ен	еню
139	29	свѣтопредставленія	свѣтопреставленія
146	18	сюжетов	многих сюжетов
151	6 сн.	дѣлѣ	дѣли
161	25	свѣрщени	свѣршени
163	15	она пить	пить она
—	18	корабли	на корабли
168	13	Майка-та	Майка ти
169	1	Де	До
—	11	двигнете	вдигнете
170	3	се	ще
—	21	знаш	знаиш
171	2	от себе	от либе
—	28	си	сѣ
—	1 сн.	змѣници	змѣници
172	13	бисор	бисжр
173	4	У нега	У нега
—	23	сыплются	сыплются
—	32	На	Па
174	2	На	Па
180	1 сн.	Провинж	Провина
181	9	одговора	одговара
188	4	Разстрѣляя	Розстрѣляя
—	12	который летает	который вѣдь летает
190	14	введены звѣзды	введены-то звѣзды
—	22	Чурилушка-то	Щурилушко-то
—	28	Друга	Друга строчка

<i>стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
192	27	избѣлены	отбѣлены
—	31	поразостланы	приразостланы
193	22	на каждом	на каждом
199	13	сбраны	забраны
—	14	кленовы	кленовы
—	2 сн.	разгребают	розгребают
200	17	рубахах	рубашках
—	18	Выйдешь	Взойдешь
201	14	Погляди как	Поглядит как
—	21	Он	Он
—	23	поздрасствовал ся	поздрасствовался
—	28	другую	вторую
Во многих			
мѣстах	П. В. Безсонов		П. А. Безсонов

48-2 Дюсева

Дюсева

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 07476 2488

BOOK CARD
DO NOT REMOVE

A Charge will be made
if this card is mutilated

or not returned
with the book

GRADUATE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ANN ARBOR, MICHIGAN

U-M LIBRARY
L.C. XETT 3-811634

CHARLACKI
ANN ARBOR

GL

DO NOT REMOVE

OR

MUTILATE CARD

